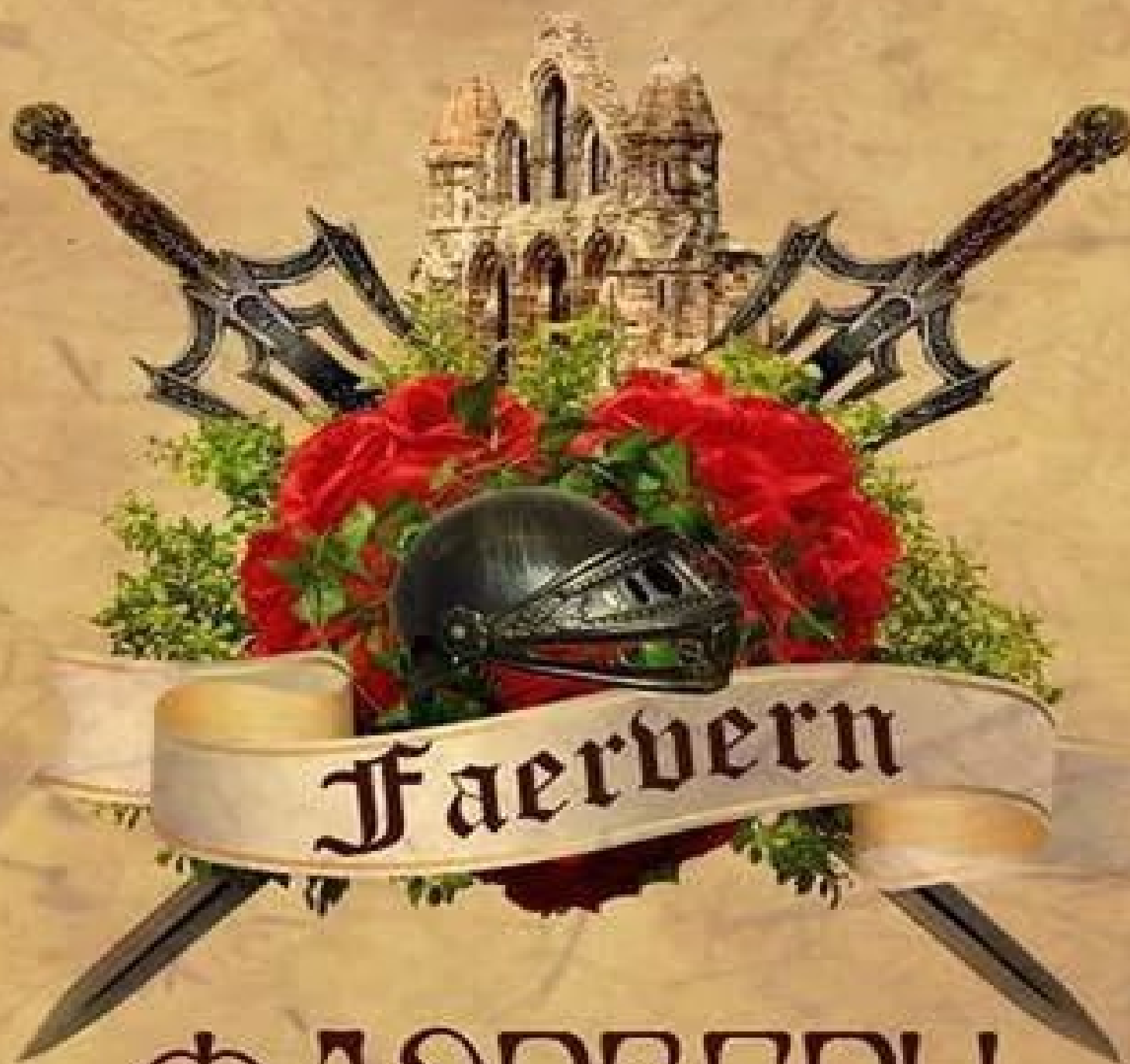

ЛЕСЕА КАУРУ

ФАЭРВЕРН
НАВСЕГДА

Представляем Вашему вниманию необычный, мистический и местами страшный роман «Фаэрверн навсегда», который не относится к серии «Сказки Тикрейской земли». Обстоятельства встречи Тамарис Камиди и Викера ар Нирна не оставляли для совместного будущего ни единого шанса, Ведь они такие разные: как небо и земля, как огонь и вода, как... мужчина и женщина! Сумеют ли они выполнить задуманное? Смогут ли уберечь друг друга? Захотят ли... уберечь? Масло с водой не смешивается? А это смотря как смешивать!

Каури Лесса
Фаэрверн навсегда

Часть 1 Падение Фаэрверна

Пахотная кобылка подо мной к быстрому бегу приучена не была. Такие двигаются неспешно (и куда с плугом спешить?), жуют медленно и больше всего на свете любят дремать, уткнувшись мордой в угол стойла. Если память мне не изменяла, а у неё, у памяти, не было такой привычки, звали лошадку Кауркой. То, что я пыталась выжать из Каурки хотя бы рысь, ей не нравилось. Она зло косила на меня глазом, а едва я спешивалась, норовила наступить на ногу. К сожалению, другой животины не нашла — боевых коней увели налётчики, остальных прирезали, как и всю другую скотину. Про эту, оставленную пастись между монастырскими полями в пролеске, забыли...

Каурка попыталась наступить мне на ногу и сейчас, едва я спрыгнула с седла. Легонько шлепнула её по морде, пригрозила: “Не балуй, выпорю!” Не будет от старушки толку! Ей-ей, обменяю на лошадь помоложе и побыстрее в ближайшем городишке. Тем более, что мошна полна — обо всех тайниках Матери-настоятельницы налётчики не знали.

Из кустов вновь раздался стон. Предыдущий и заставил меня спешиться, перехватить боевой посох — сармато — и осторожно раздвинуть им кусты. Разбойники мне, монахине Сашаиссы, были не страшны, да и не походил стон из кустов на засаду, скорее, на чьё-то глубокое разочарование.

Он лежал лицом вниз, неловко изогнув руку — темноволосый паладин Первосвященника в сияющих доспехах на красном простёганном полотне воинской куртки. Меч с золотой рукоятью валялся рядом. Воспользоваться им мужчина не успел — меж его лопаток торчала чёрная рукоять кинжала. Зато я прекрасно помнила, как четыре дня назад подобные мечи прошивали сверкающими молниями моих сестёр, нанизывали их, будто на вертела новоявленного бога, лишали целей, надежд, стремлений. Жизни лишали.

— Сдохни пёс!

Я ткнула его посохом и плюнула на рукоять кинжала.

Раненый вновь застонал, засучил ногами, словно хотел встать. Его рука скупно шарила по траве, пытаясь нащупать рукоять меча. Даже перед смертью он оставался воином — мне следовало это признать. Я и признала, возвращаясь к Каурке. Вскочила в седло, пятками ударила бока лошади. Приятно, когда слуга лукавого бога, сам одетый как бог, валяется в придорожной грязи и истекает кровью, словно простая свинья!

Бирюзовые глаза Сашаиссы глянули в душу с таким сожалением, что меня затрясло в ознобе. Великая Мать любила всех своих детей, в том числе тех, кто предал её, позабыл, бросив сердце гореть в горниле новой веры. Любила, жалела, болела за них душой. А я... Я была её монахиней!

Молча сползла с седла, поворотила лошадку назад, накинула поводья на куст, чтобы вредная тварь не сбежала. Полезла в заросли. Первые слова появились, когда я начала расстегивать ремешки его доспеха, желая освободить от стали, и этим словам не стоило касаться детских ушей. Перевернула раненого, положив на плечо, осторожно стащила грудную пластину. Кинжал вошёл точно в цель. Бросал профессионал — это было ясно и по месту попадания, и по тому, как был утяжелён клинок — такой может с близкого расстояния пробить доспех. С близкого? Неужели, кто-то из своих?

Белое лицо незнакомца было бы привлекательным, если бы не гримаса смерти, постепенно сковывающая черты. Прямой нос с чётко выраженными ноздрями, узкие губы,

брови взалет, высокий лоб... Веки закрыты, но я бы поклялась, что глаза у него тёмные, почти чёрные — судя по тёмно-каштановому цвету волос и лёгкой смуглости кожи, сейчас отливающей в зелень.

Взявшись за рукоять кинжала, подняла глаза к небу. Сквозь ажурную вязь листвы виднелось пыльно-голубое небо конца лета. “Бирюза и мёд твоих глаз, Великая Мать, тепло и сила твоих ладоней, да пребудут со мной! Дай мне силу побороть ненависть, дай возможность исцелить!” Клинок вышел, как по маслу. Хлынула алая лёгочная кровь, тут же окрасила мою ладонь, накрывшую рану. В душе ширилось ощущение могущества, я, будто бутон, раскрывалась навстречу ему, лепесток за лепестком отдавая себя взамен исцеляющей силе Богини. Спустя несколько мгновений поток крови иссяк, спустя ещё немного времени её остатки исчезли с моих рук, с одежды паладина. Остался лишь разрез на куртке — аккуратно заштопать, и не заметишь!

Встала, повела плечами. От божественной силы потряхивало, обдавало жаром, будто в прорубь макнулась. Оглянулась на лежащего. На его лицо возвращались краски. Розовой — не розовой, спать будешь долго, соколик! Спи...

Сделала несколько шагов прочь, баюкая в душе желание вернуться и добить, пока не проснулся. Я не видела его среди тех, кто убивал моих сестёр, но он был там — порукой тому сияющие латы и красная куртка. Даже если я не вернусь, кто-нибудь обнаружит его и прийдёт, чтобы забрать доспехи и меч. Они денег стоят, если знать, кому продать!

“Тамарис, дитя...”

О, нет! Великая Мать, за что?

“Дитя...”

Да будь ты проклят, Воин Света!

Резко развернулась, вернулась. Подхватив лежащего подмышки, потащила к лошади. Странно, но Каурка стояла смирно, пока я затаскивала незнакомца на седло. Ни укунить не пыталась, ни лягнуть. Не иначе Сашаисса пела ей на ухо свои сладостные песни, от которых мир казался полным любви.

Подумав, подобрала доспехи и меч. Укутала в собственный плащ, чтобы не светиться. Освобожденный из плена плоти кинжал сунула в голенище сапога — пригодится! Села в седло позади бессильно висящего тела. “Чтоб у тебя кровоизлияние в мозг случилось, скотина! Каурка, это не тебе!” Тронула поводья, возвращая лошадь в состояние мерной ходьбы, а затем и рыси. Не стоит задерживаться долго, коли идешь по следу!

* * *

Викер пришёл в себя на продавленном многочисленными телами ложе какого-то придорожного трактира. Зрение подводило — занавешивало действительность рваными тенями. Сквозь сумерки проступил силуэт, заключивший в себе свет, и женский голос сказал холодно:

— Не делай резких движений, скоро всё пройдет! Раны, как твоя, просто так не забываются!

Усилие разглядеть подробности вымотало его донельзя. Сцепив зубы, чтобы не застонать при женщине, он откинулся на подушку, удерживая в сознании хрупкий рыжеволосый образ. Эмоции, плескавшиеся в ореховых глазах незнакомки, симпатией никак

нельзя было назвать.

— Где я? — спросил он.

Думал, что сказал, а на деле прошептал, едва шевеля запекшимися губами. В горле саднило, а грудная клетка не слушалась хозяина.

— День пути до местечка Кривой Рог. Здесь наши пути разойдутся, едва ты окончательно придёшь в себя.

— Кто ты?

— Та, кого тебе следует убить!

— Ты не боишься меня?

Язвительный смех был заразителен. Викир даже улыбнулся, слушая этот заливистый ядовитый колокольчик.

— Только попробуй!

— Не стану... Кажется, ты спасла мне жизнь... Я помню, как умирал...

— Ну хоть что-то, — усмехнулась она.

Тени постепенно растворялись в свете свечного огарка.

Молодая женщина сидела за столом напротив кровати, сцепив тонкие пальцы под подбородком. К спинке стула был прислонен деревянный посох, увидев который он машинально сжал пальцы правой руки, будто ухватил меч. Незнакомка заметила, кивнула в дальний угол комнаты.

— Там твои игрушки, паладин! Когда я уйду, можешь взять обратно!

“Я ей не игрушка, Астор! Так и передай!” — “Скажи ей это сам, брат! Или ты боишься шагнуть через порог её покоев?” — “Не боюсь, но...”

Воспоминания обожгли, будто кипятком. Ошибка говорить льнущей к тебе женщине, что ты её не любишь. Смертельная ошибка — если льнущая к тебе женщина — королева! Вот и объяснение ощущению холода между лопатками! О! Он знает это ощущение! Рана не первая и не последняя на его шкуре! Хотя... смертельная — первая!

Паладин вскинулся, оперся на руки, чтобы сидеть с ровной спиной. Тело оживало заново после долгого сна, и теперь он вполне понимал его природу!

— Ты спасла меня? — с изумлением спросил он, начиная всё чётче различать личико сердечком, подбородок с ямочкой, аккуратный маленький нос и любопытные ореховые глаза, блестящие из-под ярко-рыжей челки. — После всего, что мы сделали в Фаэрверне?

— Рада, что сознание, а вместе с ним и память, возвращаются к тебе! — совсем нерадостно ответила она. Помолчав, добавила: — Благодарю Великую Мать! Я не могла нарушить её заповеди!

— Эту лжебогиню? — вскинулся Викир. — Никогда!

— Чтоб ты сдох, Воин Света! — сквозь зубы прошипела она и выставила перед собой руки со скрюченными птичьей лапой пальцами. — Выцарапала бы тебе глаза, паладин, да сан не позволяет!

Помолчали.

Несколько раз глубоко вздохнув, он спустил голые ноги на пол и тут только заметил, что на нём длинная рубаха, в каких коротают ночи старики в холодных постелях. Только ночного колпака на хватало! Стыдливо спрятал босые ступни под кровать и принялся оглядываться в поисках одежды.

Рыжая ведьма швырнула ему сверток, и исподнее больно хлестнуло по лицу. Правда, пахло чистым — не потом и кровью. Встала, подошла к двери.

— Одевайся, я не смотрю!

За створкой завозились, постучали.

— Ваш ужин, госпожа! И тёплое вино с пряностями для вашего мужа, как вы просили!

— Для мужа? — заинтересовался Викиер.

Рыжая не ответила. Приняла у служанки поднос, поставила на стол. Монетка блеснула и скрылась в ладони подавальщицы. Та ушла, непрерывно кланяясь, с любопытством поглядывая на одевающегося мужчину.

— Мне следовало сказать ей, что я — монахиня запретного Ордена, чей монастырь паладины Его Первосвященства сожгли? — понизив голос и отойдя от двери, произнесла она. — А ты — один из тех самых паладинов, которого пытался пришить кто-то из своих? Очень мудро!

— Действительно, — пробормотал Викиер и оглядел себя.

Штаны и сапоги, слава Единому, остались прежними. Вместо красной куртки — поношенная, но чистая рубаха с чужого плеча — тесновата, рукава коротковаты.

— Что будешь делать? — поинтересовалась рыжая, садясь за трапезу. Протянула ему бокал. — Выпей, это придаст силы!

Он помедлил, прежде чем взять. Она поддалась на уловку, поморщилась, пояснив:

— Пей, не отравлю! Для того, что ли, я тебя лечила?

Викиер принял бокал и отсалютовал им, отдавая дань уважения женщине, которая его спасла. Что бы там не происходило между богами, неблагодарным потомок древнего рода ар Нирнов никогда не был!

— Твоё здоровье, тэна! — сказал он и осушил бокал до дна. Тепло растеклось по венам, заставило быстрее биться сердце и почти изгнало холод оттуда, где его поселил предательский кинжал...

Астор, как же ты мог это сделать? Неужели страсть к женщине настолько затмила твой разум, что заставила поднять руку на брата?

Оловянный бокал в руке оказался смят, как простой лист бумаги. Викиер сумрачно посмотрел на него и, отбросив в сторону, сел за стол. И спросил сам себя:

— Что буду делать?..

* * *

Рубашка, которую я раздобыла паладину, была ему маловата — натягивалась на фактурных плечах, обнажала темный волос на груди. Фигура у мужика была что надо, мне следовало это признать. Впрочем, в паладины других не брали, существовали строгие параметры для отбора, которых Первосвященник и его приспешники придерживались. Воины Света должны были нести людям силу и привлекательность Нового Бога, и они ее несли, зачастую подтверждая огнем и мечом. Эта история началась лет сто назад, когда заброшенный окраинный культ дотянулся до столичных высот. Отец нынешней королевы Атерис, Джонор Великолепный, привечал странников и калик перехожих. Одним из таких оказался священник Нового Бога, бедный как церковная мышь, честный и велеречивый. Он сумел удивить короля желанием говорить правду и заинтересовать новой верой. За два десятка лет 'церковная мышь' доросла до личного исповедника короля, а когда тот скоропостижно скончался — и был похоронен уже по новому обряду, кстати! — исповедник

стал официальным опекуном двенадцатилетней наследницы престола и уже через пару лет — Первосвященником Вирховена, моей родины. И вот тогда-то он и явил миру истинное лицо поборника веры. За последние годы храмы Семи сменили назначение, став храмами Единого. Не трогали лишь вотчину Великой Матери, стоявшей во главе Семи, богини, больше других любимой и почитаемой народом. Но несколько месяцев назад королева тайно подписала указ, по которому все имущество Материнской церкви должно было быть передано Церкви Единого, духовенство разогнано, а сама вера объявлялась тёмным наследием прошлого и запрещалась. Настоятельница моего монастыря, мэтресса Клавдия узнала об этом из секретного донесения, полученного пару недель назад от Верховной Матери Сафарис, вынужденной покинуть страну. Она сразу же начала отправлять монахинь и послушниц по домам, желая спасти их от участи, постигшей другие монастыри — слухи до нас доходили самые страшные. Однако некоторым сестрам, как и мне, некуда было идти. Другие же — как и я! — остались не поэтому, а потому, что не желали предавать Великую Мать, именем которой несли добро и исцеление сотням людей. Когда превосходящие силы паладинов явились в Фаэрверн, мы их ждали.

Воины Света не брали силой моих сестер. ‘Не поправление греховной плоти, но уничтожение!’ — так сказал один из них, облаченный в позолоченные доспехи командира. Рана у меня на боку обеспечила меня пропитавшейся кровью одеждой и смертельной бледностью, монастырские практики позволили не дышать некоторое время, пока воины осматривали сестёр и добивали раненых. А затем дым поднялся к небесам, скрывая облачный лик Великой Матери, её глаза, полные слёз. Мэтрессу, избитую, вывалянную в грязи и распятую, привязали к алтарю, откуда огонь начал свой жадный путь к крышам монастыря.

Я выбралась, поскольку знала потайные ходы, ведущие за стены — возраст Фаэрверна насчитывал около пятисот лет, и гора в его основании была испещрена ими, как поля кротовыми норами. Великая Мать не оставила меня, дав силы на исцеление собственной раны и погоню за паладинами, забравшими кое-что, принадлежавшее монастырю. Но зачем она свела меня в пути с одним из них? С тем, кого предали собственные братья по вере?

— Сколько тебе лет? — спросила я и потянула к себе тарелку с тушеной капустой. Глаза у незнакомца оказались ярко-синими, как небо середины лета. Никогда бы не подумала...

— Тридцать.

Он повторил мое движение, подтащив поближе блюдо с жарким. Судя по голодному блеску в этих самых ярко-синих глазах, к нему возвращалось не только здоровье, но и здоровый голод!

— Ты был рожден в объятиях Богини, паладин, так отчего отвернулся от нее?

— Единый Бог несет людям добро... — заученным голосом начал он.

— Вернись в Фаэрверн, оглянись вокруг? — закричала я. Внутри все кипело. — Это — то добро, которое Бог несет людям? Пройдись по окружающим деревенькам и городкам и спроси — скольким жителям мы, монахини Великой Богини, исцелили души и тела — словом и делом, служением и любовью?

— Новое всегда начинается с разрушения! Люди всегда противятся новому! Но новое — то, что сделает жизнь лучше! — припечатал он стол ладонью.

Мрачный взгляд, резкие черты лица, скрытая сила искусных движений. Фанатик... Проклятый фанатик!

— Тебе, фанатичке запретной веры, этого не понять! — словно прочитав мои мысли, продолжил он. — Мне следовало бы убить тебя, ведьма! Но... через законы чести я не могу преступить!

— Как преступил тот, кто метнул кинжал? — неожиданно успокаиваясь, мурлыкнула я. Беспольный разговор! Слепой с глухим и то договорятся быстрее!

— Ты видела его? — оживился он. — Кинжал? Опиши его!

Вытащив клинок из голенища сапога, швырнула едва ему не на тарелку. Паладин застыл, позабыв про мясо, глядя на кинжал, как на ядовитую змею. Потом осторожно взял в руки, большим пальцем провел по рукояти из чёрного, гладко отполированного дерева. И отбросил прочь. Боль исказила надменное лицо, принесла моему сердцу радость — ты тоже потерял что-то в это мгновение, паладин. Что же? Веру в людей? Любовь к другу, который предал?

* * *

Значит, все-таки Астор! Он сам сделал ему этот кинжал на совершеннолетие. Выковал лезвие, вырезал рукоять из дерева тхаэ, нанес зарубки, чтобы она не скользила в ладони. Утяжелил корпус. Сбалансировал клинок... 'Будь он проклят! Будь я проклят! Будь прокляты мы все!'

Кинжал, который он бросил, упал рядом с рыжей. Она без промедления взяла его и засунула за голенище сапога. Что ж... Оружие, потерявшее чистоту, выкупанное в братской крови, пусть остается у отступницы!

— Так что ты собираешь делать? — поинтересовалась она вновь, принимаясь за еду.

Он оглядел ее, пытаясь вспомнить там, в монастыре. Боевые монахини Богини сражались за жизни свои и сестёр, как дикие кошки. Лица мельтешили в смертельной пляске и не было возможности их запомнить — лишь рубящие и колющие удары, лишь бешеный блеск в глазах отступниц. Нет, он не помнил её!

Астор, Астор... У него, Викера ар Нирна, не будет спокойной старости, если он не посмотрит в глаза младшего брата и не спросит: 'Почему? За что?' Даже несмотря на известный ответ! Хотя, вполне возможно, до старости он теперь и не доживет...

— Ты собралась мстить? — вопросом на вопрос ответил он. — Иначе зачем преследуешь отряд?

Горькая ухмылка исказила привлекательные черты её лица.

— Мстить? Предлагаешь мне перебить около тридцати паладинов в броне, вооруженных до зубов? Видать, рассудок к тебе ещё не вернулся!

— Тогда что? — выслушав, спокойно спросил он.

Что толку собачиться? Кому и когда это помогало?

— Хочу вернуть кое-что, принадлежащее Фаэрверну...

Монастырская сокровищница! Ну, конечно! Благодарные за исцеление люди несли Великой Матери семейные реликвии, среди которых встречались редкие и дорогие штучки.

— Фаэрверна больше нет, — равнодушно заметил он, вновь принимаясь за трапезу.

Она неожиданно оттолкнула от себя тарелку. Резко встав, подошла к окну и застыла, глядя наружу. Невысокая, хрупкая, рыжие кудряшки рассыпались по плечам... Она казалась одинокой и потерянной, как ребенок, который потерял родителей. Её хотелось защитить,

заставить позабыть о боли и горечи! Он поморщился. Воины Света обязаны защищать женщин, стариков и детей, подавать руку слабым. Что странного в его желании? Лишь только то, что относится оно к отступнице!

— Ты прав. Фаэрверна больше нет, но есть я! — донеслось от окна.

— Ты не справишься одна, — заметил он, среагировав на её слова быстрее, чем следовало. Но очень уж было неприятно слышать подобное и понимать, что вина лежит и на нем. Нет, все было сделано правильно! Но совесть, такая стерва, с которой не договоришься!

Она развернулась, откинула волосы с лица.

— Какая тебе разница, паладин?

Викер посмотрел на нее и жестом указал на тарелку.

— Сядь, монахиня. Я — Викер ар Нирн. Как зовут тебя?

— Ты спрашивал имена у всех моих сестер, которых потрошил?

— Нет. И не называл своего. И не предлагал им сделок...

— Ты собираешься предложить сделку мне? Отступнице? Великая Мать, куда катится этот мир?

— С миром все в порядке! Проблема с тем, кто пытался убить меня. Ты поможешь мне разобраться с ним, а я тебе — достать нужную вещь из обоза.

Рыжая вернулась за стол, села, и вдруг захохотала, как сумасшедшая, раскачиваясь на стуле и вытирая слезы.

— Как деликатно... Не украсть... Не забрать... Достать! Воины Света не воруют, да?

* * *

Одно дело знать, а другое — слышать из чужих уст констатацию факта. Фаэрверна больше нет. Нет каменной кладки, увитой девичьим виноградом, так волшебным пламенеющим по осени, нет библиотеки, в которой пахнет пергаментом, пылью и немного мышами. Нет кухни, по которой витают запахи яблочного сидра, доходящего теста и печева. Нет аптекарского садика с его ровными рядами целебных трав и кустарников, с оранжереей, полной экзотических растений, облюбованной ласточками. Нет алтаря Великой Матери, места, где я впервые заглянула в свое сердце и поняла, что нашла себя и то, чему собираюсь посвятить всю жизнь. Места, где я пыталась, но не смогла простить отца, но где обрела семью в лице мэтрессы Клавдии и сестер: смешливых, грустных, задумчивых, умных и не очень, болтливых и молчаливых, таких разных и таких родных.

— Ты прав. Фаэрверна больше нет, но есть я! — сказала я, напоминая не собеседнику, себе, как не вовремя терять голову и предаваться отчаянию и боли.

Кажется, он предложил помочь. А я думала о том, что они все мертвы! Моя семья! Мой Фаэрверн!

— С миром все в порядке! — грубовато сказал он. — Проблема с тем, кто пытался убить меня. Ты поможешь мне разобраться с ним, а я тебе — достать нужную вещь из обоза.

Сев за стол, попыталась осознать слова. И засмеялась, осознав. Нехорошая радость выдавливала слезы из сердца. Я смеялась и никак не могла остановиться. Все-таки судьба — шутница, раз свела меня с ним на кривой дорожке. Попасть в такую дурацкую ситуацию, ну надо же!

Какое-то время он наблюдал, а потом поднял мою кружку и выплеснул содержимое в

лицо. Вода хлестнула пощечиной, проясняя рассудок.

С силой потерла щеки, стирая капли. Подняла на него мокрые глаза.

— Спасибо...

— Тебе это было нужно, — буркнул он, утыкаясь в тарелку. — Так что насчет сделки?

Я помолчала, доедая остывшую капусту. Что я теряю, повышая для себя степень опасности? Ведь у меня и так никаких гарантий выбраться живой из этой заварушки!

— И ты не предашь меня, когда мы их нагоним? Не ударишь в спину? Не сдашь своим? Прости, вынуждена уточнить...

— Нет, — одним словом он ответил на все вопросы. И так ответил, что я чуть было ему не поверила.

— Хорошо, — я откинулась на спинку стула. — Догадываешься, кто покушался на тебя?

Он покачал головой, отрицая:

— Не догадываюсь, знаю!

— Хочешь убить его?

Горечь на миг проступила сквозь правильные черты лица. Породистые черты потомка одного из древних родов Вирховена. Поговаривали, в таких еще течет кровь райледов — мифической расы, ушедшей во тьму времен. Райледы считались мифом, однако иногда встречались в моем мире артефакты, которые ему принадлежать не могли.

— Посмотреть в глаза, — ответил паладин, и я изумленно уставилась на него, когда поняла, что он не врет.

Посмотреть в глаза тому, кто ударил тебя в спину! Как ни пыталась мэтресса вбить в мою упрямую голову мысль о всепрощении, урок отца я помнила лучше: ‘Все имеет в этом мире цену, Тами. И платить надо равновесной монетой. Зуб за зуб. Глаз за глаз. Жизнь за жизнь!’ Жаль, сейчас у меня было не то положение, чтобы воспользоваться этим правилом. Будь моя воля, Первосвященник, избитый и вывалянный в грязи, умирал бы, медленно поджариваясь, на огне собственного алтаря! Но, увы, из всех возможностей воздействия на церковь Единого у меня был только мой боевой сармато. И немного дней простой человеческой жизни, отпущенных судьбой.

— Ты псих! — констатировала я. — А я — Тамарис, можно просто Тами. Доедай и ложись спать. Выезжаем до рассвета.

* * *

Спустя день мы миновали Кривой Рог. Накануне Викар молча сунул мне полновесный кошель с деньгами. Я тоже не сказала ни слова, но из городка мы выезжали на двух крепких коняшках, с сумами, полными припасов. Каурку отдала недорого какому-то крестьянину, чей вид и манера обращения с животной вызвали у меня доверие. На гнедом Викара был приторочен мешок, в котором спрятали его доспехи. Рукоять своего меча от умело оплел кожаным ремешком, скрывая чеканку и позолоту. Пришлось купить перевязь — везти меч в мешке он отказался напрочь.

— Куда они направляются? — спросила я его, когда мы покинули Кривой Рог. Я шла по следу, но понятия не имела, куда он меня приведет.

— В столицу. Нам было приказано возвращаться сразу после Фаэрверна, не заезжая в другие монастыри.

— Вы ехали из столицы? — изумилась я. — Я думала, вы из Костерн-Хилла.

Костерн-Хилл был центром земли, в которой стоял мой монастырь. Большой отряд если и мог откуда прибыть, так только оттуда.

Викер пожал плечами.

— Мы выполняли приказ.

— Вы его выполнили, — желчно поправила я, — с честью, успешно и быстро!

Он ничего не ответил.

Солнце уже перевалило зенит, когда моих ноздрей коснулся запах дыма, тут же всколыхнув еще болезненные воспоминания о пожарище. Я прищипорила своего вороного, ощущая, как сжимается в тревоге сердце.

У дороги, в небольшой деревеньке сгорел один из домов. Когда мы подъехали, пожар давно погасили, но воняло знатно. Толпы не было, улицы казались на удивление опустевшими, дома — затаившимися.

Я спешила, постучала в дверь дома, ближе всех стоящего к пепелищу.

— Кто вы и что вам нужно? — раздался мужской голос. Напряженный и испуганный.

— Кто-нибудь пострадал? — вместо ответа, спросила я. — Нужна ли помощь целителя?

Загremели снимаемые засовы. Дверь приоткрылась, из-за нее выглянул невысокий мужичок, в одной руке держащий ржавый солдатский меч, а в другой отлично наточенный охотничий нож.

В глубине дома слышались сдавленные рыдания.

Мужичок с подозрением оглядел моего спутника, который, спрыгнув с седла, удерживал поводья лошадей.

— Целитель не поможет, — вздохнув, тихо сказал он. — Мальчонка сильно обгорел. Помирает в страшных мучениях.

Оттолкнув его, я быстро прошла вглубь. Нужную комнатку нашла по звукам плача, больше похожим на вой. У лежака, накрытого чистым полотном, сидела прямо на полу маленькая женщина и плакала, раскачиваясь, как безумная, ничего не замечая вокруг. Лицо ее от слез опухло до такой степени, что нельзя было узнать черты.

Откинула полотно и задохнулась от запаха горелой плоти. Маленькому почерневшему человечку, похожему на обгоревший корешок, было лет девять.

— Что здесь произошло? — послышался голос Викера из горницы.

Я уже не слушала ответных слов. Прикоснулась пальцами к вискам страдальцы, посылая ее в целительный сон — отдых ей был необходим. Приподняв её полегчавшее за последние сутки тело, пересадила на стул в углу. Опустилась на колени у кровати, заглядывая в запавшие закрытые глаза ребенка. Ради этих минут жили мои сестры и я. Жили ради жизни.

‘Бирюза и мёд твоих глаз, Великая Мать, тепло и сила твоих ладоней, да пребудут со мной! Дай мне возможность исцелить невинное дитя! Дай силу подарить ему долгую жизнь рядом с любящими людьми!’

Я наложила руки на область его солнечного сплетения. Пространство вспыхнуло огнем, опаливая мою кожу, сжигая мои волосы, выжигая мои глаза. Я дернулась и едва не закричала, как вдруг прохладные ладони коснулись разума, помогая не потерять сознание. Сила Великой Матери хлынула в меня студеной водой, поглощающей пламя. И время остановилось.

Большую часть пути ехали молча. Рыжая впереди, Викир — чуть позади. Молчание не напрягало его, скорее радовало. Он с удовольствием смотрел вокруг — на облака, на деревья, на солнечный свет, и все ему казалось каким-то новым и неизведанным — как ребенку. Вот так однажды сделаешь шаг за порог, намереваясь покинуть отчий дом навсегда, а потом передумаешь, развернешься. И будто что-то меняется в хорошо знакомом помещении. Все знакомо и незнакомо. Близко и далеко.

Запах дыма нарушил раздумья, заставил прищипорить коней. Пепелище посередине небольшой придорожной деревеньки казалось раной, нанесенной ей в самое сердце.

Тами, едва переговорила с хозяином и шагнула через порог, ушла туда, откуда раздавался плач, а Викир задержался в горнице, пытаясь выяснить, что произошло.

— Племяшку соседка в доме прятала, — без особой охоты поведал ему хозяин дома, то и дело поглядывая на опутанную кожей рукоять его меча, — а та монахиней была... Неподалеку отсюда обитель, до сих пор дымит. Так они всех в доме заперли, подожгли и уехали. Пока мы с соседями заднюю дверь ломали, почти все задохнулись, а мальчонка обгорел — балка горящая на него упала с потолка.

Викир слушал глуховатый голос и чувствовал, как встают дыбом волоски вдоль позвоночника. Одно дело — порешить отступника честным ударом меча. Другое — сжечь дом и людей в нем. Невинных людей! Когда отряд ехал в Фаэрверн, он, Викир ар Нирн, не сомневался в своей миссии. Монастырь — скверна Вирховена, чахоточная каверна, которую следовало иссечь из его тканей! Но при чем здесь обычные люди?

— Ты говоришь о паладинах? — все еще не веря своим ушам, уточнил он. — О паладинах Его Первосвященства?

— Тш-ш, господин мой! — испуганно замахал на него руками мужик. — Не произносите это слово всуе!

— Воины Света... — высокомерно начал Викир и осекся, натолкнувшись на стену льда в глазах собеседника.

Да, тот был испуган и подавлен. Но ненависть на миг открыто выглянула из его зрачков.

Викир обошел его, шагнул в комнату, где ранее скрылась Тами. И застыл на пороге, разглядывая обугленную плоть распростертого на лежанке ребенка и женщину с закрытыми глазами, тихо шепчущую молитву Великой Матери. Вокруг обоих струилось едва видимое сияние, завихряясь в районе головы, сердца и солнечного сплетения мальчика. Руки монахини, лежащие на обгоревшей коже, казались хрустальными, прозрачно пропускающими призрачный свет...

Ар Нирн зажмурился, развернулся и бросился прочь. Остановился лишь, выскочив во двор. Запрокинул голову к высокому небу. С запада заходили тучи — не иначе ночью пойдет дождь.

— Единый! — зашептал он. — Укрепи меня в вере моей! Дай не сойти с истинного пути, укажи на видимый обман! Боже... — перед глазами вновь встала изломанная фигурка на простыне, измазанной копотью, — вразуми...

Бог молчал. Единый молчал всегда, и в этом, так говорил Первосвященник в своих проповедях, была его сила. 'Он верит в вас! Это лукавая Богиня отступников управляет ими, лишая воли! А вам, дети мои, дается выбор! Но помните, поступая по Его заветам, вы

приближаете время Его явления пред лицами вашими! Время его земного царствия!’

— Лошадей бы надо распрячь, господин мой, — послышался рядом голос хозяина дома. — Целительница ваша быстро не управится с мальцом! Помоги ей Великая Мать, хотя бы подарила ему смерть покойную и без боли!

Давешние сомнения неожиданно оборотились в душе Викера яростным гневом.

— Мальчик выживет! — заорал он на побледневшего мужичка. — Выживет!

— Да я чего, — зашептал тот трясущимися губами, — я ничего! Только рад буду... Я к тому толкую, что вам придется у нас задержаться!

— Конечно, — буркнул уже успокоившийся Викир и бросил ему монету. — Это за постой. Распряги лошадей и напои.

И ушел за окраину деревни, бродить в перелеске между квадратами полей. Бродить, задавая себе бесконечные вопросы, ответа на которые так и не нашел.

* * *

Тело страшно ломило, а резь в глазах способна была, казалось, их выжечь. Я приходила в себя медленно, будто выныривала откуда-то с глубины, собирая по пути в сознание обрывочные воспоминания о страхе, боли и бесконечном горе людей, вынужденных умирать. Я приходила в себя и плакала беззвучно, и это было все, чем я могла поделиться с умершими.

— Пей, пей, говорю, — сильная мужская ладонь обхватила мой затылок, заставляя меня приподняться. К губам была поднесена чашка с ароматным бульоном.

Не столько его вкус, сколько тепло и запах возвращали меня к жизни. Давясь, я выпила все и, откинувшись на подушку, снова попробовала открыть глаза. Надо мной нависал темный силуэт, по мере возвращения зрения становившийся все более четким. Красивое лицо, глаза синие, как небо середины лета...

— Пришла в себя, ась? — взволнованно спросили от двери.

— Да. Принеси теплой воды, она мокрая вся, обтереть бы ее!

— Сейчас, мой господин, сейчас!

— Что... ты... делаешь? — слабо поинтересовалась я, когда Викир ар Нирн, откинув укрывающее меня одеяло, принялся стаскивать и длинную рубаху, в которую я была облачена.

— Оботру теплой водой, — невозмутимо ответил он. — Ты вся в испарине, это нехорошо!

Я дернулась, ладонями преграждая путь его рукам. Но, увы, была слишком слаба, чтобы сопротивляться.

— Ты для меня не женщина, Тами, — пояснил он, стаскивая с меня рубашку и оставляя обнаженной. — Потому уймись и лежи смирно!

Не женщина! Великая Мать, а это мне за что?

— Как... мальчик?

— Розовый весь, как поросенок! Постоянно спит. Вчера пришел в себя и попросил воды! С ним все будет нормально...

Вчера?

— Сколько дней?

— Ты сидела с ним трое суток, и потом еще четверо лежала в горячке.

Закрыв глаза, я застонала от разочарования. Отряд оторвался так, что мы никак не успевали нагнать его! Значит, придется соваться в столицу! Однако без помощи отца мне там не выжить!

Теплая влажная ткань бережно коснулась моих стоп, голеней, бедер, принося упоительные свежесть и прохладу.

— Ты уже не такая горячая, как вчера, — послышался довольный голос моего спутника, — жар спадает! Еще пара дней и совсем уйдет!

— Пстой! — отринув смущение и стыд я открыла глаза и посмотрела на него. — Почему ты здесь? Ты же упустил того, кто желал твоей смерти! Дал ему уйти вместе с отрядом!

Быстро, умело и молча Викар обтер мое тело и лицо, укутал в чистое полотнище и поднял на руки. Жена хозяина, невзрачная женщина лет сорока, споро сменила белье и вышла, бросив на меня полный благоговения взгляд. Значит, паладин не соврал: мальчик выжил. Иначе в ее глазах я прочитала бы совсем другое!

— Какая ты легкая стала, — без эмоций сказал паладин и уложил меня обратно, — как перышко. Тебя же с седла теперь сдвух будет!

Я невольно засмеялась. Негромко — на обычный смех почему-то не хватало сил. Спросила, хотя глаза уже закрывались:

— Я еду в столицу, Викар... А ты?

— Я знаю, где он живет, — послышалось мне, хотя сон уже уносил меня на крыльях в сладостную даль, — в столице...

Последующие двое суток я всё время спала, а когда просыпалась — видела рядом его. Воин Света ухаживал за мной, не зная сна и отдыха. Но ни единое его бережное движение, увы, не искупало вины перед сестрами и мной. Та же рука, что лишала их жизни, нынче врачевала мое тело, из которого целительство вытянуло все силы даже несмотря на вмешательство Богини...

На рассвете третьего дня я проснулась с твердым намерением ехать, невзирая на слабость.

— Ты уверена? — только и спросил он, когда я озвучила свои планы. И едва я кивнула, молча отправился запрягать лошадей.

Я уже вышла из дома, когда следом за мной бросилась женщина в одной ночной рубашке. Рыдая, упала на землю, обнимая мои ноги и пытаясь целовать сапоги. Сейчас, когда отеки с ее лица спали, я, наконец, узнала родную сестру одной из наших монахинь, которая иногда приезжала навещать ее. Даже имя вспомнилось — Селестина.

— Встань, Селестина, — я взяла ее за плечи и крепко встряхнула, — не позорь меня перед людьми!

— Какой позор, тэна? — воскликнула она. — Вы спасли моего сына! Спасли от такого, от чего не спасают!

— Волею Великой Матери твой сын жив, — грустно улыбнулась я, — благодари ее!

Развернулась и пошла к лошади. Что я могла еще сказать ей?

Вскочила в седло, пустила вороного рысью. И скоро уже дом, да и вся деревенька скрылись за поворотом дороги.

Ховенталь располагался на пологом склоне горы, что сказалось на его архитектуре. Ступенчатые террасы, на которых притулились разноцветные дома и домишки с зелеными черепичными крышами, спускались к подножию горы, к почти круглому озеру, чьи берега густо заросли, и где всегда водилось видимо-невидимо всякой живности. В детстве я с мальчишками из Сонного квартала ловила здесь водяных крыс, которых мы потом продавали за гроши беднякам на шапки. Шапки, кстати, из крыс получались отменные!

Сердце сжалось. Мэтресса Клавдия утверждала, будто прошлое имеет обыкновение возвращаться, и вопрос лишь в том, какие выводы вы сделаете, встретив его лицом к лицу и переосмыслив. Выходит, она была права... Все это время я скучала по отцу, хотя и злилась на него за то, что он пытался со свойственной ему жесткой волей вмешаться в мою жизнь, отобрать мою любовь и свободу. Впрочем, 'любовь' отпала сама, едва осознала, что родительское благословение и доходы мне не светят. Но свобода осталась. И ей я не собиралась делиться ни с кем!

— Чего ты застыла? — поравнявшись со мной, удивился Викиер. — Не знаешь, что делать дальше?

Мне даже не пришло в голову разыскивать в нотках его голоса иронию. Не тот он был человек, этот прямой, как сармато, Воин Света. Их таких получают самые свирепые фанатики, ибо они свято верят в то, чему их научили.

Я посмотрела в невыразимо синие серьезные глаза.

— Пришла пора прощаться, Викиер! Я знаю, что делать дальше. Ты, видимо, тоже!

Он качнул головой. Натянул поводья гнедого, чуявшего жильё.

— Уговор был другим, Тами! Ты помогаешь мне, а я — тебе!

— Я думала, ты обрадуешься возможности расстаться со мной! — искренне удивилась я.

— Я тоже так думал! — буркнул он, помрачнев, и пустил коня вскачь.

Последовала за ним, зашептала молитву Великой Матери. Просила себе терпения, а ему — вразумления.

Подъезжая к городским воротам мы, не сговариваясь, натянули капюшоны плащей. Сармато висел у меня на боку, скрытый его полкой, а в мече с потертой кожаной рукоятью никто не опознал бы меч паладина.

— Где сейчас отряд? — спросила я спутника. — Куда они повезли награбленное?

Он вскинулся. Слово задело его. Однако промолчал, лишь указал на северо-восток, где возвышался над городом Тризан — город-храм Первосвященника Единого бога. Государство в государстве, не дворец и не крепость, не район и не лабиринт, а все вместе.

— Придется где-то оставить коней, — пояснил Викиер. — Конным в Тризан путь заказан!

— Следуй за мной, — не вдаваясь в подробности, сказала я, и повернула вороного в противоположную от Тризана сторону — в Сонный квартал.

Название свое этот район столицы получил за ленивое спокойствие, царящее на улицах днем. Здесь все казались немного не выспавшимися, вежливыми и тихими. Причина была проста — Сонный квартал бодрствовал ночью. И тогда обывателю не стоило ходить его улицами и заглядывать в его окна. Здесь обретались самые известные разбойники и воры,

шлюхи и ростовщики, правители, или, как их называли ‘папы’ преступного мира. И самым главным из них был мой отец, Стамислав Камиди, или, по-свойски, Стам Могильщик. Кличку свою отец получил заслуженно, пройдя путь от наёмного убийцы до короля преступного мира столицы.

— Плохое место! — только и заметил Викиер, едва мы оказались на улицах квартала.

Я кинула на него короткий взгляд и ничего не ответила. Прошное вставало перед глазами, здесь каждый закоулок, поворот или лавочка были полны ими. Сейчас-то, насмотревшись за эти десять лет на разные семьи, я понимала, что мое детство было счастливым, и отец любил меня... как умел. Мне бы немного мудрости тогда, десять лет назад, а ему — терпения попытаться объяснить мне происходящее другими словами, не приказным тоном, руганью и криками. Говорят, будто прошлое не вернешь, и это правда! Потому что оно возвращается только по собственному желанию!

* * *

Когда она так смотрела на него, Викиеру хотелось её придушить. Он не понимал этот взгляд — сумрачный, уходящий вглубь себя, не враждебный, но неприятный. Будто она осмеливалась смотреть на него с вершины — прожитых лет, опыта... Однако он знал, что старше и опытнее — интуиция не подводила в таких делах.

О Сонном квартале паладин был наслышан. Самому не доводилось здесь бывать — что делать потомку семейства ар Нирнов в богом забытом месте, где собирается всякий сброд? И сейчас с интересом оглядывался, ощущая разочарование. Район казался самым обычным — пыльные улицы, окна, плотно занавешенные шторами, хозяйки с корзинами, спешащие на рынок, босоногие мальчишки, стайками пробегающие мимо. Да, здесь было грязнее, чем в других кварталах города, ну так и народ тут жил более бедный. Ни кровавых разборок на улицах, ни продажных девок в закоулках, призывно улыбающихся накрашенным ртами и выставляющих напоказ сомнительные прелести, ни караульных, гоняющихся за преступниками. Городские патрули за время пути не встретились вообще ни разу!

Рыжая спешила у какого-то трактира с покосившейся вывеской, слов на которой разобрать было невозможно — так её загадили голуби, рядом сидящие поверху.

Из дверей на звук бряцающей сбруи выглянул мальчишка, она поманила его пальцем, вручила монетку и приказала сторожить лошадей. Обернулась к Викиеру. Выражение её лица показалось ему напряжённым, и он невольно насторожился, привычно положил ладонь на рукоять меча.

— Идём со мной! Не стоит оставаться здесь одному...

— Я могу за себя постоять! — усмехнулся Викиер, многозначительно качнув клинок на поясе.

— Это не поможет! — криво улыбнулась она и толкнула дверь.

Народу внутри было немного — человек пять. Сидели за разными столиками смирно над кружками с пивом, размышляли о чём-то с одинаковыми выражениями на лицах. Викиер ощутил холодок, пробравшийся по позвоночнику под волосы на затылке. Неспроста они здесь сидели...

Тамарис подошла к стойке, за которой стоял неподвижной глыбой широкоплечий парень с совершенно разбойничьей рожей.

— Налей нам пива, трактирщик, — попросила она, садясь на высокий табурет. — Жарко нынче!

Хозяин молча нацедил два стакана мутного пива и поставил перед ней. Викир побрезговал пить такое, а она отпила половину и заметила:

— Да, Зубатка, пиво здесь по-прежнему дерьмо!

Пятёро в зале, отвлекшись от кружек, посмотрели на нее с нехорошим интересом. Викир чуть развернулся, чтобы видеть их, прикидывая про себя, кто осмелится напасть первым.

— Ты меня знаешь? — удивился громила за стойкой. — Открой лицо!

Тами скинула капюшон. Трактирщик сделал шаг назад, осеняя себя охранным знаком Великой Матери. Викир невольно поморщился — отступники, оказывается, еще встречаются в столице!

— Тами! — воскликнул парень. — Глазам не верю! Тамарис!

— Не так громко, Зубатка, — засмеялась она, — не от хорошей жизни я приехала...

— Ходят слухи... — понизил голос тот, — о Фаэрверне и других монастырях.

— Это не слухи, — помрачнела рыжая. — Он здесь?

— Где ж ему быть? — удивился трактирщик.

— Как он?

— Здоров как бык и ревет по-прежнему, — ухмыльнулся парень. — И, думаю, будет дико рад видеть тебя!

— Вот в этом я сомневаюсь, — пробормотала Тами и поднялась, бросив на стойку монетку. — Мы оставили лошадей у входа с каким-то мальчонкой. Проследи, чтобы их почистили и накормили.

— Этот мальчонка — мой сын Дак! — не без гордости сообщил трактирщик. — Смышлёный, шельмец! Считает быстрее меня!

— Так тебе и надо! — улыбнулась Тами и положила руку ему на плечо: — Ужасно рада тебя видеть, Зубатка!

— И я тебя, Огонёк! — расцвёл устрашающей улыбкой парень.

Викир вдруг пожалел, что у него нет никого, кому он мог бы порадоваться так искренне! За годы служения Единому как-то ничего не осталось в жизни: ни верных друзей, ни сердечных привязанностей. Был брат, которому он верил, как себе. И именно его нож оказался у Викира между лопаток!

Рыжая подходила к лестнице на второй этаж, и её движения становились всё медленнее и медленнее. Будто на ногах повисали невидимые кандалы, делающие шаг короче. Что связывало её, монахиню Великой Матери, с этим опасным местом, в котором каждая доска кричала о крови и насилии, а тёмные пятна на полу, хоть и были замытыми, но оставались заметны? Перед двустворчатыми дверями, к которым вела лестница, она остановилась и скинула плащ резким движением, словно ей стало жарко. Викир невольно протянул руку, принимая его. Отчего-то сейчас он воспринимал Тамарис не как отступницу, не как монахиню, но как женщину, которая нуждается в поддержке. И она снова одарила его взглядом ореховых глаз, однако на этот раз сквозь неприязнь проступила на мгновение и пропала благодарность испуганного ребенка.

Она толкнула створки с резким 'хэ', будто била шестом.

Перед глазами предстала большая комната, увешанная оружием и доспехами, и разделённая на зоны: жилую, с кроватью, обеденным столом у окна, удобными креслами и

камином у дальней стены, — справа, и слева — со шкафами, забитыми книгами, с тяжелыми сундуками. Викир никак не мог понять, кто по профессии хозяин этой комнаты? Библиотекарь? Купец? Ростовщик? Оружейник?

С кресла у камина резко поднялся огромный, как гора, седой мужчина. Несмотря на седину, черты тяжелого лица оставались красивыми, густые брови — чёрными, что создавало странный контраст с седой головой. Не говоря ни слова, он ринулся к вошедшим. Викир шагнул вперёд, вставая рядом с рыжей, но она вдруг всхлипнула, бросилась к незнакомцу, поднырнула под его руки и повисла у него на шее.

— Тами, девочка моя, — сдавленным голосом пророкотал мужчина — такой бас сложно было утихомирить эмоциями, — жива, слава Богине! Я слишком поздно получил сообщение от своих осведомителей о том, куда и с каким приказом направляется отряд стервятников!

Рыжая на мгновение отстранилась от него, а затем судорожно вздохнула и снова прижалась.

— Я и не знала, что так скучала по тебе, ата, — сказала она, не стыдясь слабости и заливаясь слезами, — не знала!

Викир поднял брови. Ата? Так простолюдины ласково называли отцов. Неужели этот громила, непонятных дел мастер, её отец? Они вовсе не похожи!

Паладин незаметно оглядел комнату снова, ища какой-нибудь памятный портрет. Но нет, дощатые стены не были украшены ничем, кроме оружия и доспехов. Разного размера и стоимости, надо сказать, доспехов. Словно... их снимали с разных людей. Ар Нирн невольно поёжился и вновь посмотрел на спутницу. Та стояла рядом с гигантом, а он гладил её лицо огромными ладонями с такой нежностью, что у паладина защемило сердце.

— Кто это с тобой? — бросив на него короткий взгляд поинтересовался хозяин заведения.

— У него свои счёты с Первосвященником, — коротко ответила рыжая.

Громила нехорошо усмехнулся:

— У многих уже свои счёты! И даже с процентами! Давай сядем, Тами, надс поговорить.

— Давно надо, — пробормотала она, и Викир с удивлением услышал в её голосе извиняющиеся нотки.

— Эй, ты, — позвал седой, — не стой столбом, садись с нами! Трептангу будешь?

— Это...

‘...Пойло?’ — чуть было не ляпнул паладин, но вовремя опомнился и довершил:

— ...Неплохо!

Хозяин достал оплетённую кожаным ремешком флягу, плеснул в стоящие на столе глиняные чашки прозрачную жидкость. Поднял свою, посмотрел на Тами подозрительно блестящими глазами.

— За тебя, дочка! За твоё возвращение!

‘Значит, дочка!’ — выливая в себя мерзкое пойло, с удовлетворением подумал Викир.

Рыжая выпила трептангу, не морщась, но, поставив чашку на стол, покачала головой, не соглашаясь:

— Я не вернулась, ата! Здесь проездом. Меня ищут и рано или поздно найдут!

Седой показал непристойный жест.

— Вот они найдут теперь, дочка! Вывезу тебя на корабле в одну из сопредельных стран.

— И что дальше? — с горькой усмешкой спросила она. — Жить на чужбине и ждать неведомого?

Громила покосился на Викера, проворчал сдержанно:

— Очень даже ведомого...

— Я уеду, ата, — неожиданно изменила тон рыжая, — если ты и твои люди помогут мне забрать из Тризана то, что увезли паладины Первосвященника из Фаэрверна.

— Золото? Сакральные принадлежности? Артефакты Богини? — изумился тот. — Тами, дочка, неужели тебе есть до них дело?

— Я могла бы ответить, что уродилась в папочку, — покачала головой та, — однако все гораздо сложнее. Они забрали кое-что, принадлежащее Великой Матери, и это не золото, не побрякушки и даже не святыни...

Викер насторожился. Он и седовласый молча смотрели на женщину, ожидая ответа. Но она только пожала плечами:

— Скажу позже! Отец, нам с моим спутником надо пробраться в Тризан!

— Не проблема! — легкомысленно отмахнулся громила. — Воспользуетесь городской канализацией, проводника и прикрытие я дам! Но что дальше?

— А дальше... — Тамарис перевела взгляд на Викера, — он подскажет, где Первосвященник прячет свои игрушки!

— Он, что, знает? — прищурился седой.

Ар Нирн кивнул и не отвёл взгляда. С минуту они сверлили друг друга глазами, и ни один не желал отступать. Выдержать взгляд седовласого оказалось очень тяжело — тот будто разбирал душу на кирпичики, выкидывая большинство и откладывая в сторону те, что представляли какой-то интерес. Но Викер выдержал. Громила посмотрел на дочь и снова нежно коснулся ее щеки. И вдруг, потемнев лицом, полез в ящик стола.

— У меня для тебя письмо, Огонёк, — сказал он.

— Письмо? — удивилась рыжая и вновь посмотрела на Викера, как тогда перед дверью — безмолвно прося помощи. — От кого?

— От покойницы, — вздохнул седой, протягивая ей запечатанный конверт.

* * *

— От покойницы, — сказал отец и протянул мне конверт, надписанный так хорошо знакомым мне бисерным почерком матери-настоятельницы, — от мэтрессы Клавдии!

У меня тряслись руки, когда я брала письмо и вскрывала его. А рядом сидел он — Воин Света, один из превративших лучшего человека на свете из всех, что я встречала, в кучку паленой плоти!.. Я так сжала пальцы, что чуть не порвала письмо. Безмолвно просила Великую Мать дать мне сил прочитать и... не ударить сидящего рядом. Короткий выпад концом сармато в кадык, другой — в условную точку за ухом, и его меч более никогда бы никого не коснулся!

Но едва я прочла и осознала первые из написанных слов, меня будто окатило холодной водой, смывая ярость и отчаяние. Я снова слышала негромкий голос Клавдии, имеющей привычку во время разговора расхаживать туда-сюда, заложив руки за спину.

‘Тамарис, девочка моя, ты, наверное, сильно удивишься, когда узнаешь, что я прихожусь тебе родной тёткой. Твой отец, Стамислав Камиди, мой родной младший братишка,

которого я качала на руках когда-то. Мы рано лишились родителей и выросли на улице. Стамик, несмотря на то, что был младше, всегда защищал и поддерживал меня, защищал, не щадя себя. В нем и до сих пор полно этого мужества идти до конца — в уличных ли драках, в бандитских ли разборках. И эта жестокая воля к победе то, что в конечном итоге развело наши пути, как мы думали, навсегда. Я лечила людей, он — убивал их. Много лет назад, после решительного разговора, я покинула столицу и отправилась в одну из отдаленных обителей, твердо решив посвятить себя служению Великой Матери. Стамик остался и стал... кем стал. Долгие годы мы не виделись, пока однажды я не получила от него письмо, в котором он просил взять под опеку его дочь, взбалмошную, глупую девчонку, влюбившуюся в негодея. Брату хватило одного взгляда, чтобы понять — твой тогдашний кавалер хотел заполучить тебя лишь как пропуск в его ближайшее окружение. Но ты ничего не хотела слушать и, знаешь, я понимаю тебя! Будь я на твоём месте, тоже не слушала бы ничьих советов, как не слушает их вечная любовь, царящая в мире! Твой отец писал, как раскаивается в словах, что вынужден тебе говорить, рассказывал о том, как вы ругаетесь, как однажды в порыве гнева он сказал тебе, что ты не его дочь, и как ты горько плакала потом, думая, что он не слышит... Писал о твоих побегах и безумствах, о которых честной девушке и вспомнить стыдно. В общем, он ничего не скрыл от меня, как тогда, когда мы были ещё маленькими! В довершение он просил на время подержать тебя в монастыре — дать вам отдохнуть друг от друга, а тебе — возможность взглянуть на ситуацию со стороны. Я отдавала себе отчет, что его дочь скорее всего окажется чудовищем, воспитанным по-свойским законам, но подумала, и согласилась. В прошлом я не смогла удержать брата на праведном пути, а нынче Великая Мать давала мне шанс спасти душу его ребенка.

Ты приехала в обитель измученная любовью и тем, что считала предательством со стороны отца. Ты дерзила, портила вещи, воровала деньги из монастырской кассы и покупала девчонкам-послушницам сладости и вино в ближайшей деревушке. Так и вижу изумление на твоём лице сейчас — дитя мое, неужели ты думала, я не знала об этом? Но однажды ты увидела, как мы с сестрами спасаем женщину, умирающую в тяжелых родах. И в тебе что-то переменялось... Ты пришла и просила меня о посвящении. Ты была одной из лучших моих учениц, Тами, и я горжусь успехами, которые ты делала сначала под моим руководством, а затем и сама. Я никогда не говорила, что люблю тебя, однако так и было. И если ты прочтешь эти строки — значит, все не зря, и моя душа может покоиться с миром... Ибо, если письмо дошло до адресата, значит, я мертва, Тамарис. Окончательно и бесповоротно.

А теперь о деле! Знаю, сейчас ты вынуждена скрываться, потому я не прошу тебя немедленно выполнить то, о чем буду просить. Прошу лишь сжечь это письмо, отправив в небытие тайны Фаэрверна...'

Я встала и, отойдя к окну, выглянула на пыльную улицу. Не хотелось делить строки ни с кем — даже с отцом. Мэтресса Клавдия никогда не выделяла меня из других монахинь или послушниц, она со всеми была строга, ровна и приветлива, но мы все ощущали ее любовь стеной, отделяющей нас от несправедливостей мира, а Клавдию — матерью, которой у многих из нас не было. То, что она приходилось мне родной теткой, не меняло ничего, однако на сердце становилось одновременно теплее и горше.

Я вернулась к письму и более не отвлекалась, ощущая, как кровь стынет в жилах. Фаэрверн, мой дом, сделавший меня счастливой, мое место в мире, пал жертвой интриг, цена которых оказывалась слишком высока!

Дочитав, я прикрыла глаза и повторила про себя координаты тайника, описанного в письме. Тайник находился на территории монастыря и вряд ли пострадал при пожаре, но прежде, чем вернуться, мне следовало закончить начатое. Подойдя к камину, в котором тлели угли, я бросила на них бумагу и дождалась, пока она не превратится в пепел. Мои глаза были сухими — цель давала мне мужество жить дальше!

Обернувшись, посмотрела на отца. Он почти не постарел за эти годы — то же обветренное лицо с тяжелыми чертами, тот же недобрый прищур в глазах, выражение которых могло быть нежным. Только седина полностью скрыла черноту в его волосах, черноту, не доставшуюся мне. Пламенный цвет моих волос был цветом матери, а о ней он никогда не говорил. Нет, я не стану вмешивать отца в это... Лишь заберу из Тризана то, что принадлежит Фаэрверну, и снова отправлюсь в путь, дабы выполнить последнюю волю мэтрессы. Тёти Клавдии...

— Когда мы сможем пробраться в Тризан? — резко спросила я. — Время поджигает!

— Вас ищут? — спокойно уточнил отец.

— Нет, — подал голос Викар, — для паладинов мы оба — мертвецы!

Я с посмотрела на него — такая горечь вдруг прорезалась в его голосе. Потеряв Фаэрверн, я только сейчас задумалась, а что же потерял он, получив в спину кинжал от близкого человека?

— Вот даже как? — усмехнулся отец. — Что ж... Это нам на руку! Через пару дней будет праздник Великого обретения, и Тризан превратится в проходной двор. Вот тогда мы и нанесем туда визит!

— Мы? — не поняла я.

Отец вперил в меня тяжелый взгляд. От этого взгляда самые отъявленные мошенники бледнели и молили о пощаде.

— Мы, — повторил он. — Ты же не думаешь, что я брошу тебя одну!

‘У меня есть Викар!’ — посмотрев на паладина, чуть было не сказала я, но вовремя спохватилась. Ата прав. У меня никого не осталось, кроме него.

День тянулся невыносимо долго. После разговора рыжей с отцом её и Викара отвели в соседнее здание, обстановка в котором была не в пример роскошнее. Паладину выделили комнату на втором этаже, а Тами, похоже, целый дом.

— Отдыхайте пока, — сказал громила, целуя вновь обретенную дочь в лоб, — отсыпайтесь! Здесь безопасно.

И ушел по своим непонятным делам.

Тамарис казалась задумчивой, разговаривать не пожелала, развернула кресло к окну и стала смотреть на улицу. А Викар поднялся в свою комнату, где обнаружил комплект чистой одежды, какую носят простые мастеровые. Недолго поблуждав по дому, он нашел, наконец, купальню и с удовольствием вымылся. Когда вылез из ванной, остановился перед зеркалом, повернулся, пытаясь разглядеть место между лопатками, куда угодил кинжал. На коже уже и следа не осталось, но он ощущал в этом месте постоянный холодок, будто клинок всё еще сидел в теле. Да, ведьма славно потрудились над ним, восстанавливая пробитое легкое, порванные жилы и мышцы. Сказал ‘ведьма’ — и задумался. И вдруг понял, как давно этого не делал — не думал! Был приказ — выполнял приказ, не требуя объяснений, не подгоняя мораль под содеянное. Хотя Его Первосвященство Файлинн любил говаривать, что для Воина Света деяния не должны вступать в противоречие с совестью. Так в его, ар Нирна,

случае, они и не вступали — ему было сказано, что монахини Великой Матери дурят и калечат народ, что культ Сашаиссы отходит в прошлое, уступая место вере современных людей. И он поверил. А поверил, поскольку не взял себе труда обдумать услышанное и сравнить с реальным положением вещей! Перед его глазами встало видение несчастного обожженного ребенка. Не дай бог еще раз увидеть такое! Воину не положено бояться увечий и трупов, и никто не посмеет упрекнуть его в страхе перед ними, но видеть беззащитное существо, страдающее от боли, умирающее мучительной смертью он не пожелал бы и врагу!

Ар Нирн оделся, накинул перевязь с мечом — без нее ощущал себя голым — и, вернувшись в свою комнату, завалился спать. Громила не соврал — в этом странном доме, который мог бы принадлежать богатому торговцу, но стоял в самом небезопасном месте Ховенталя, Викир ощущал себя в безопасности.

Он проснулся с наступлением темноты. Сел на кровати, с силой потер щеки. Затем спустился вниз и обнаружил рыжую, уснувшую в том самом кресле у окна. Длинные ресницы женщины подрагивали во сне, глазные яблоки жутковато двигались под закрытым веками — ей снилось что-то, налагавшее на лицо печать отчаяния. И Викир догадывался — что!

Фаэрверн...

Он уже начинал ненавидеть это место, не потому, что оно являлось пристанищем для отступников, но потому, что даже уничтоженное, беззащитно вмешалось в его жизнь, столкнув с понятного и простого пути Воина Света на какую-то кривую и подозрительную дорожку. И еще за то, что свел с этой... монахиней! Чуть было вновь не подумал 'ведьма'! На лице Тамарис сон раскатал вуалью светлую печаль, стершую резкие тени. С уголка её глаза выкатилась одинокая слезинка. Она оплакивала его, свой Фаэрверн! Она оплакивала его даже во сне!

Да будь он проклят!

Викир резко развернулся и направился к выходу. Но был остановлен тенью с кинжалом в руке. Черный шарф скрывал лицо, оставляя открытыми глаза, диковато блестящие белками в темноте коридора.

— Куда собрался, незнакомец?

— Погулять. Или я здесь пленник?

— Ты здесь гость, поэтому я не убью тебя сейчас. Возьми это... — в руку ар Нирна упала серебряная монета с выточенными семиконечной звездой краями, — если остановят в Сонном квартале или прижмут к стене в городе — покажи монету и спокойно пойдешь дальше.

Викир колебался лишь мгновение, затем взял монету.

— Благодарю!

Тень бесшумно отступила в угол, становясь незаметной.

А паладин шагнул на улицы города, который считал родным, почитая за светоч, несущий обездоленным пищу, обманутым — правду, немощным — исцеление.

Тризан был виден отсюда — чуть в стороне от королевского дворца, стенами, облицованными гранитом, напоминающий раскрывшийся бутон черной розы. 'Цветок' пестрел огнями, будто отметинами светляков — цитадель Первосвященника готовилась к празднику. Во дворце было не в пример темнее. Повинуясь непреодолимому желанию оказаться у его стен, Викир решительно зашагал в том направлении. Его останавливали пару раз — неясные тени, вышедшие из подворотни с тускло блестящими в свете звезд

клинками, и полупьяные громилы, вывалившиеся из какого-то сомнительного заведения. Но тайная монета открывала дорогу получше грубых слов, звона мечей или денег. Скоро ар Нирн уже касался ладонью шершавого камня дворцовой стены, борясь с желанием проникнуть внутрь. Желание победило. Он воспользовался потайной калиткой в стене, той самой, что показал ему слуга королевы, когда вел к ней, и очутился в саду. Плотные кроны яблоневых и апельсиновых деревьев казались шарами черноты, повисшими на нитях звездного света. Ласковый ветер приносил запахи древесных и плодовых соков, цветов с многочисленных клумб, разбитых между стволами. Здесь можно было, гуляя, сорвать зрелый плод и насладиться его вкусом в беседке, увитой девичьим виноградом, что так греховно краснел по осени. Здесь было тихо и спокойно — королева любила сад и не пускала сюда посторонних. В эту ночь здесь должен был царить покой... но вместо него слышались жадные стоны, звуки поцелуев и шлепки тела о тело. Разгоряченного страстью тела о другое, неумоимо принимающее ласки.

Викер, пригнувшись, подкрался к беседке, отвел виноградную плеть... И у него потемнело в глазах, несмотря на лампадку, поставленную на стол и освещавшую обнаженную женщину, легшую грудью на скамейку, и мужчину, стоящего на коленях позади и неустанно вбивающего себя все глубже... в королевское лоно. Ибо Викер узнал ее — светловолосую дочь Джонора Великолепного, Её Величество Атерис.

— Еще... еще, мой лев! — стонала она, не сдерживая голоса. — Будь сильным, будь смелым... Дай мне все, как отдал брата...

По подбородку ар Нирна потекла кровавая струйка: он слишком сильно прикусил губу, желая услышать ответ. И он его услышал.

— Для тебя, моя королева, я достал бы звезду с неба... — задыхаясь от страсти, шептал Астор ар Нирн. — Ради тебя я убил Викера... Лишь бы ты была моей... Только моей...

Королева неожиданно схватила его руки, лежащие на ее бедрах, и с силой сомкнула на своем горле.

— Придуши меня, — тяжело дыша, приказала она, — и кончай! Я хочу ощутить смерть и жизнь в одно мгновение!

— Но, моя госпожа... — попытался возразить Астор.

— Заканчивай, я сказала! — в нежном голосе послышался металл. — Двигайся, мой хороший, двигайся, не останавливайся... Твой брат был бы жив, если бы не я!

Астор зарычал и сдавил ее шею, двигаясь с мощью парового молота. Королева вдруг забилась под ним, замотала головой и захрипела. Лицо ее из украшенного приятным румянцем стало красным. ‘Ну, брат, еще немного! — поймал себя на мысли Викер. — Чуть дольше поддержи пальцы в напряжении!’ Однако Астор его не слышал. Отпустив нежное горло, он перехватил королеву за плечи и рывком насадил на свой член. Ар Нирн, разглядывая его напряженную спину, невольно представил между лопаток тот кинжал, что остался у Тамарис.

Её Величество дождалась, когда утихнут судороги, бывшие партнера, потерлась о его грудь спиной, и, изгибаясь, как кошка, томно произнесла:

— Ты — мой славный рыцарь, Астор! Я люблю тебя!

— О, моя королева! — прошептал тот, зарываясь лицом в ее волосы.

— Не вини себя за смерть брата, он сам был виноват! Вот что случается с теми, кто осмеливается отказывать мне, повелительнице Вирховена! Надеюсь, урок, полученный им, и для тебя даром не пройдет?

И она, извернувшись, лукаво посмотрела на него, призывно облизываясь. Вместо ответа Астор схватил ее за волосы, повернул сильнее и с жаром впился в губы.

А Викиер, закрыв глаза, просил кого-то дать ему терпения, чтобы не убить их обоих прямо сейчас. В это мгновение он простил брата — мужчина, потерявший голову от страсти к порочной женщине, не ведает, что творит! Но эта шлюха заслуживала наказания! Проблема заключалась лишь в одном — шлюха была королевой. Его королевой.

* * *

Я проснулась незадолго до рассвета в кресле у окна, за которым струился по мостовой тонкий пласт тумана. И не сразу поняла, где очутилась — перед глазами все еще стоял охваченный огнем Фаэрверн, и кровавые розы расцветали на телах моих сестёр, пронзённых клинками Воинов Света. Внутреннее убранство дома сильно изменилось. Роскошь и комфорт теперь не бросались в глаза, как когда-то. Отец старел и становился с годами мудрее, хотелось бы и мне однажды поймать себя на мудрости вместо недальновидных порывов сердца. Поднявшись, я потянулась и ощутила голод. И отправилась на кухню, где обнаружила кладовку, забитую продуктами, свежееиспеченный пирог с мясом, накрытый полотенцем и крынку с молоком. Поколебавшись, накрыла на стол на двоих и отправилась искать паладина. Он должен был быть где-то в доме.

— Он ушел, — раздался тихий голос из-под лестницы, когда я собиралась подняться на второй этаж, где располагались гостевые комнаты.

Обернувшись, увидела человека, укутанного в черное. Так, скрывая лицо, предпочитали одеваться наемные убийцы. Ну конечно! Кому еще доверили бы охранять дом главы их гильдии и всего преступного мира Вирховена? Были у отца и громилы, одним своим видом наводившие ужас на простых обывателей, но самыми эффективными являлись именно эти — невысокие, гибкие как змеи, люди ‘без лиц’.

— Куда? — сорвалось невольно с языка.

Тихий смехок был мне ответом.

— Не могу знать...

И действительно, откуда ему?

Я вернулась на кухню, налила себе молока и взяла кусок пирога. Покидая Фаэрверн не предполагала, что мне придется вернуться так скоро! Но после прочтения письма мэтрессы, нет, тети Клавдии, сделать это было необходимо!

В прихожей слышался шум, шаги. Мой спутник застыл в дверях, и мне показалось вначале, что он ранен, так замедлены и неверны были его движения. Тяжело ступая, он прошел на кухню и сел напротив, сцепив перед собой руки. Костяшки пальцев побелели от усилия. Под прокушенной нижней губой запеклась плохо стертая кровь.

Я молча смотрела на него, не желая спрашивать: скажет сам, ежели ему это нужно! Но на сердце было тяжело. Этому человеку сейчас было плохо, очень плохо. Ему следовало помочь, однако букет из кровавых роз надежно перекрывал путь моей доброте.

— Брат... — наконец, с трудом выговорил он и запнулся, отведя глаза — не стыд ли я видела в них? — Это был мой младший брат Астор.

Как бы ни хотела я оставаться равнодушной от его слов, признание ударило под дых. Как жить после такого?

— Почему? — разлепив губы, спросила я.

— Он выполнял приказ.

Мужской голос звучал безжизненно, будто принадлежал привидению.

— Чей?

— Её Величества...

— Атерис? — моему изумлению не было предела. — Зачем ей твоя смерть?

От гримасы, на миг промелькнувшей в его лице, мне захотелось отшатнуться. Все в ней было — ненависть, боль, презрение, отчаяние, но больше всего... стыда.

— Я отказал ей... в близости!

Сказал, и покраснел. И отвернулся. Вообще встал и отошел к окну, повернувшись ко мне спиной. Развернувшись на стуле, я разглядывала его: темные волосы до плеч, мощную фигуру, меч у пояса с рукоятью, перевитой старым ремешком. Физически ощущая ту боль, что бушевала пожаром в его душе, я видела двух мальчишек, старшего и младшего, которые почти не расставались, вместе ели, учились драться и охотиться. Вместе слушали сказки о прекрасных принцессах и рыцарях, спасавших их от бед... Не все принцессы однажды становятся королевами, и не все рыцари остаются ими с течением лет.

Тихо поднялась и подошла к нему сзади. Кровавые бутоны никуда не делись из моей памяти, но рядом со мной находился человек, страдающий от боли.

Мои ладони легли на его плечи, слегка массируя. Он весь был как валун — твердый, холодный, безответный. Тепло, что источала моя кожа, проникало внутрь, расплетая тугой клубок отчаяния, отравляющий душу. Нет, я не смогла бы заставить его забыть. Или простить. Однако, разделяя одну боль на двоих, позволяла ему вздохнуть свободнее и взять себя в руки.

Викер вздрогнул, начиная вновь ощущать жизнь жизнью, а не бездной отчаяния.

В последний раз провела ладонями по широким плечам. Уже отмечала мужскую силу и привлекательность паладина, потому не удержалась... Монахини Великой Матери не стремились к воздержанию, любя жизнь во всех проявлениях и почитая отношения между мужчиной и женщиной её венцом.

Осознав это, резко отдернула руки и отошла. С момента падения Фаэрверна я впервые подумала о чем-то, не связанном со смертью!

— Спасибо, Тамарис! — ар Нирн, повернувшись ко мне, смотрел своими яркими как синие звезды глазами, и взгляд был чист. — Ты помогаешь всем...

— Великая Мать учит нас не проходить мимо чужих бед, тем самым умножая их, — тихо ответила я, вновь садясь за стол. — Благодарю её!

Викер сел напротив и, посмотрев мне прямо в глаза, сказал открыто:

— Я пока не могу...

Часть 2 Тайны Фаэрверна

Глядя на Тризан, он вспоминал, как любил видеть его таким — источающим сияние. В честь Великого праздника стены и башни были украшены магическими светильниками, и ни одно кольцо для факела не пустовало. От обители Первосвященника в небо поднимался мощный столп света, который должен был перекрыть даже восход солнца. Но до рассвета было еще далеко.

— Спускайся, не медли! — послышался хриплый шепот отца Тамарис.

Викер подтянул повыше сапоги и спрыгнул в дыру, обнаружившуюся под одним из бочонков на каком-то складе неподалеку от центрального рынка.

Хлюпнула вода. Здесь она доходила до колен и пахла, слава богу, не испражнениями, а тиной и болотом. Десять одетых в черное человек, среди которых Викер мог узнать Стама лишь по мощным плечам, уверенно двинулись в черноту коридора, взяв ар Нирна в кольцо, чтобы не потерялся. Викер никак не мог угадать среди фигур с лицами, укутанными тканью по самые глаза, Тами, и отчего-то это его нервировало. Дорогу освещали специальными магическими браслетами на запястьях, которые простым дуновением можно было погасить или включить в любой момент.

— Куда, говоришь, должны были подогнать телеги с барахлом из монастыря? — поинтересовался Стам, и Викер увидел, как одна из закутанных в черное фигур резко обернулась, укоризненно взглянув на него ореховыми глазами.

— Пятый уровень, тринадцатый внутренний двор, — машинально ответил ар Нирн, более не выпуская гибкую фигурку из поля зрения — так ему было спокойнее.

— Пятый — предпоследний! — присвистнул кто-то из сопровождающих головорезов.

В том, что в одной компании с ним идут воры и убийцы паладин больше не сомневался. Тогда, на кухне, за куском пирога и кружкой молока, они с Тами впервые открылись друг другу. Он рассказал ей о брате, она ему — об отце и давнишней ссоре. Да, Фаэрверн еще стоял между ними, но пересказывая друг другу сцены из прошлого, они более не скрытничали и не стеснялись откровенности. Частичка тепла, которую один случайный попутчик мог подарить другому, была поделена на двоих.

— Файлинн, видать, ценит эти сокровища, раз пустил обозы во внутренний круг! Может, и мы найдем, чем поживиться!

Тамарис дала говорившему нехилую затрещину.

— Ой! — шепотом завопил тот. — Простите, сестра, я имел в виду сокровищницы Первосвященника, а не награбленное паладинами в Фаэрверне!

Викер тихонько скрипнул зубами. Одна и та же ситуация выглядела совершенно по-разному с двух точек зрения. С его — и его теперь уже бывших братьев, — спасением человечества от скверны. С точки зрения этих простых, но опасных людей — то ли карательной операцией, то ли обычным разбоем. Он размышлял над этой странностью всю дорогу, занявшую около часа, махнув рукой на попытки запомнить многочисленные повороты и развилки. Ясно, что одному ему никогда не выбраться из этого подземного царства.

— Мы на месте, — констатировал один из сопровождающих, и все, остановившись, задрали головы, разглядывая люк, ведущий наружу.

— Где мы окажемся? — поинтересовался Стам.

— Там, куда стремились, — в голосе говорившего слышалась насмешка, — в закромах Его Первосвященства!

Тамарис сделала движение, будто желала что-то сказать. Но промолчала.

Люк оказалось непросто сдвинуть, однако совместными усилиями Стама и одного из взломщиков, не менее широкого в плечах, чем он, это, наконец, удалось. Один за другим все поднялись по металлическим скобам, ведущим наверх. Викир крутил головой, оглядываясь, ладонь лежала на рукояти меча. Прошли времена, когда он мог ходить в Тризане, как у себя дома. Нынче он был ничем не лучше своих спутников — воров и убийц, таким же, как и они, — вне закона.

— Вот это дело! — тихо сказала одна из ‘черных фигур’. — Берем все!

Они оказались в помещении, вдоль стен которого стояли сундуки, набитые мехами, богатыми тканями, свитками пергаментов с заклинаниями, магическими артефактами.

— Стойте! — Тамарис резко подняла обе ладони. — Это — не то, что мне нужно!

— А что ты ищешь, дочка? Может, скажешь нам, наконец? — задал вопрос Стам.

— Нам следует разбиться на пары и обыскать этот уровень. И искать мы будем... маленькую девочку, вывезенную из Фаэрверна!

— Что?! — изумился Викир, а остальные взломщики зароптали глухо, удивляясь и негодуя.

Ар Нирну даже в голову не приходило, что она следовала за его отрядом из-за ребенка! Впрочем, он только теперь понял, что находилось в закрытой кибитке в обозе, под постоянной охраной нескольких паладинов, особо приближенных к Его Первосвященству, а ранее даже не догадывался! Думал, какие-нибудь сокровища Фаэрверна.

— Молчать! — Стаму удалось рявкнуть шепотом. — Раз путь проверен — сюда мы всегда сможем вернуться! А сейчас ищем то, что нужно Тами! Ничего не предпринимать, найти девчонку и сообщить мне. Мы будем ждать вас здесь!

Одна за другой пары начали растворяться в темноте. Послышался тихий скрежет вскрываемого замка, и все затихло.

— Мы с Викиром не будем ждать! — парировала Тамарис.

— Ты останешься! — прошипел отец.

— И не подумаю! — рыжая стянула с лица повязку, неожиданно задрала голову и поцеловала отца в подбородок. — Я уже взрослая, ата! И могу постоять за себя!

— Боевая монахиня Сашаиссы, — насмешливо протянул он, — ну конечно, как же я забыл!

Но взгляд был тревожным — свет браслета не смог этого скрыть.

— Иди, егоза! — тяжело вздохнув, Стам оттолкнул от себя дочь и повернулся к Викиру: — Защищай её! Вижу, с мечом ты умеешь управляться. Но лучше бы не пришлось...

— Я сама заинтересована в том, чтобы уйти тихо, ата!

Тамарис вновь скрыла лицо, оставив лишь прорезь для глаз. Посмотрела на Викира.

— Готов?

Он молча кивнул. Сделка есть сделка — свою часть он выполнит. А потом она поможет ему поймать Астора!

Мы с паладином, подобные теням, бесшумно следовали круговыми коридорами Тризанской цитадели, скрывались, сворачивали, едва слышались шаги охраны. Гвардейцы Первосвященника не прятались — громко разговаривали, топали подкованными сапогами по каменным плитам. К слову сказать, патрули были редки. Здесь Файлинн ощущал себя в полной безопасности. Наверное, узнай он, что монахиня Сашаиссы идёт по его владениям, счел бы это самым кошмарным из кошмарных снов!

По мере осмотра помещений, мое разочарование усиливалось. Здесь было полно книг, одежд, предметов роскоши и тому подобного хлама, но ни следа, ни звука белокурой сестрички Асси, которой о ту пору едва исполнилось шесть. Прочитав письмо Клавдии, я понимала, зачем дитя понадобилось Первосвященнику, и в этом была главная причина того, почему мне следовало вернуться в Фаэрверн, чтобы уничтожить тайник.

Коридор заканчивался винтовой лестницей.

Викер предостерегающе поднял сжатый кулак — знак во все времена призывающий затаиться и прекратить движение. Но за мгновение до этого я услышала негромкие голоса.

— Давно не видел тебя, ар Тарин, где демоны носили?

— Устраивали рейд по приказу Его Первосвященства.

— Славно развлеклись?

— Славно, Дакер! Десятка четыре отступниц уже каются у порога Единого в том, что предали его, и с воплями и плачем отправляются в Преисподнюю!

— Хорошая работа, ар Тарин! Мое почтение!

— Мое почтение, Дакер!

Судя по звукам, собеседники разошлись — один поднимался вверх, другой спускался.

В сердце будто проворачивали ледяное шило.

‘Славно развлеклись?’

‘Хорошая работа!’

Они говорили о моих сестрах. О тех, кому я открывала сердце, с кем делила пищу и кров... спасала людей!

Воин Света, обернувшись, молча смотрел на меня. Выражение его лица было сумрачным, непонятным.

Сердито отвернувшись, смахнула непрошенные слезы и вдруг ощутила его руки на своих плечах. Прикосновение было мимолетным — он сжал меня и отпустил. То ли пытался поддержать, то ли... просил прощения?

Не солоно хлебавши мы вернулись к отцу. Другие уже были там. Асси нигде не обнаружили.

— Нам нужно обыскать остальные уровни Тризана, — сказал отец. — Только на сегодня наше время вышло — пора убираться. Если тебе это так важно, мы вернемся завтра — другим путем и в другое место.

— Что же делать? — прошептала я, глядя в темноту, расцвеченную блеклым светом магических браслетов. Время уходило бесследно. Завтра можно было не успеть...

Один из сопровождающих отца ответил, явно усмехаясь:

— Только молиться...

Молча опустила на колени, отмахнулась от пытающихся удержать рук. Вопрос мной был задан и ответ получен! Неисповедимы пути божественного провидения!

Зашептала молитву Великой Матери, загоняла слова внутрь сознания, свивала их плотной сетью, текучей дорогой огней, за которыми следовала глубже... глубже... глубже...

Под Тризаном находились катакомбы, Древний город, на костях которого строилась и вырастала столица.

Искра, вырвавшаяся из моего сознания, казалась слабой и неяркой, но она была живой! Я следовала за ней, вниз-вниз-вниз, в самое нутро Тризана, в самое нутро столицы. Там, среди костей давно умерших, среди признаков не упокоенных, в круглой зале с нишами для мёртвых, в серебряной клетке сидела моя Асси. Сидела, обняв руками колени, глядя в одну точку. Душа ещё теплилась в ней, но силы постепенно оставляли, выгоняемые холодом, голодом и страхом.

Рядом с ней лежала сухая корка хлеба.

Отчего-то эта корочка ударила меня в сердце похлеще кинжала! Когда в земле Костерн, в которой находился Фаэрверн, два года подряд случался неурожай, сёстры делились с людьми плодами своих полей и садов. В первую очередь с беременными, имеющими детей и больными. Да, мы грызли чёрствые корки, но знали, что какая-нибудь женщина сможет сварить детям на ужин тыквенную кашу с горсткой пшена! Асси была слишком мала, и не застала то время, а я помнила... оказывается помнила, как будто это случилось только вчера.

— Можно уходить отсюда, — сказала я, поднимаясь. — Отец, есть среди твоих людей тот, кто хорошо знает катакомбы?

Отец взглянул на меня не столько с испугом, сколько с изумлением. Коротко спросил:

— Дитя там?

Я кивнула.

Нехорошо ухмыльнувшись, он посмотрел на тех, кто пришёл вместе с нами.

— Планы меняются, ребята! Берите всё, что сможете, и уносите ноги. Если при этом вам удастся навести среди местных панику — будет неплохо!

Один за другим, как тени, наши провожатые растворились в окружающих помещениях.

— Идёмте! — сказал отец. — Никто в Ховентале не знает катакомбы лучше меня!

Спуск показался мне ужасно скучным и долгим. Тётя Клавдия учила сдерживать свои порывы, и сейчас это умение сильно пригодилось. Я шла, считая ступени и искоса поглядывая на Викера — их ширина позволяла двоим идти рядом. Воин Света казался големом, выполняющим чей-то приказ: бесстрастное лицо, выверенные движения. На мгновение я пожалела, что не видела, как он бьётся, но тут же пристыдила себя. И где я могла бы увидеть подобное чудо? Не иначе в Фаэрверне, где кровь моих сестёр окропляла его меч! Но всё же Викир ар Нирн был красив! Мне доставляло удовольствие смотреть на его правильный профиль, тёмные волосы, лежащие на широких плечах. Простая рубаша, которая была ему чуть маловата, рельефно облепила грудь, очеркивая пластины мышц. Паладин — машина смерти на защите обиженных.

Лишь покачала головой. Как всё смешалось в этой жизни. Добро и зло. Ненависть и... симпатия. Да что со мной, в конце концов, такое?

* * *

Викир бросил считать ступени на четыреста пятьдесят восьмой. Судя по тому, как шевелились губы у Тами, упрямая девчонка не сдавалась, продолжая счёт.

Здесь царилась крошечная тьма. Факельные кольца давно заржавели, некоторые незажженные факелы были воткнуты прямо в звенья толстенных цепей, зачем-то висающие на

стенах. Слава богу, браслеты давали достаточно света — неяркого, но цепкого, позволяющего не потерять ни себя, ни спутников в темноте. За всю дорогу им не встретилась ни единая живая душа. Даже крыс, этих вездесущих посланцев чумы, нигде не было слышно. И то верно, что им тут делать? Грызть холодный камень, да слизывать влагу со стен?

Тризанский колодец привёл ко входу в катакомбы. Сколько Викир помнил, здесь никогда не было стражников — никто не желал проводить в подобном месте ни дни, ни тем более ночи. Ходили слухи о пропавших патрулях, страшных криках, холодящих кровь, явлениях ужасающих призраков, но, скорее всего, всё это было не более чем игрой распоясавшегося человеческого воображения. На самом деле людям казалось невыносимым находится под тоннами камня и земли, в окружении сотен и тысяч мертвецов. Какими бы спокойными ни были останки, их близость усиливала человеческий страх до недостижимых пределов, ибо живым нечего делать рядом с мёртвыми!

Под ногами что-то противно захрустело. Викир перевёл взгляд вниз — пол усыпали кости. Большие и маленькие, рассыпавшиеся в пыль и почти целые. Больше тысячелетия жители Ховенталя высекали в скальной породе ниши, чтобы хоронить своих мертвецов. Город рос, возводил над кладбищем новые каменные арки, которые в свою очередь уходили по земле под давлением неумолимого времени. Викир покосился на Тамарис. Боевая монахиня не должна бояться костей, но вдруг испугалась? Отчего-то ему хотелось, чтобы она, ища поддержки, взяла его за руку и взглянула снизу-вверх своими огромными ореховыми глазами. Он привык всегда и во всем чувствовать себя сильным, но ей, кажется, его сила была вовсе неинтересна, и это задевало чувствительное мужское самолюбие.

Впрочем, сейчас рыжая вовсе никуда не смотрела. Глаза её были закрыты, губы шевелились, безмолвно произнося слова молитвы. Тонкое бледное лицо, пятно света в темноте... Внутренним взором ар Нирн увидел, как оросили его брызги крови... с его меча! По телу прошёл озноб. Да, она не попала под его удар в Фаэрверне, будь он проклят, но ведь могла?

Монахиня открыла глаза, решительно оттолкнула отца и пошла в левый коридор. Спустя некоторое время остановилась, поводя головой, будто лань в лесу. Прошептала одними губами: 'Притушите браслеты!'

Коридор заполнился тьмой. В ней шептали безмолвные голоса, раздавались какие-то шумы и шорохи, от которых волосы у Викира встали дыбом. Воины Света не должны ничего бояться, однако сейчас ему было страшно, как никогда в жизни!

— Какого Дагона ты не избавляешься от неё? — донёсся до них визгливый истеричный голос, в котором ар Нирн с удивлением узнал голос Её Величества. — Тебе доставляет удовольствие наблюдать за её мучениями? Покончи с ней, и забудем об этом!

— Не мучениями — угасанием! Блекнущая день за днём искра жизни в телесном вместилище — самое прекрасное зрелище! Когда-нибудь, солнце, она погаснет и в тебе!..

Последовала пауза. Затем, изменившимся голосом испуганного ребёнка, королева спросила:

— Но ты ведь не допустишь этого?

— Бог не допустит, — сразу, будто ждал вопроса ответил её собеседник. — Тебе не стоит бояться ребёнка. Сюда никто, кроме нас, не ходит, даже мои доверенные слуги! Совсем скоро она угаснет — от голода, холода и одиночества. Тело я развею в прах. Считай, уже развеял! Так что спи спокойно, моя прекрасная Атерис, не беспокойся ни о чём! Идём!

Яркая вспышка прорезала воздух. Из-за поворота коридора плеснуло алым. А затем наступила призрачная тишина, нарушаемая шорохами... Будто множество когтистых лапок карабкались по стенам, тревожа мёртвых. Будто мёртвые тревожились...

Тамарис зажгла браслет и чуть не бегом бросилась вперёд по коридору, который вывел в круглую залу. В стене чернели ниши. Если покойники когда-то и лежали в них — давно обратились в воспоминания.

В центре залы, на постаменте, стояла клеть, на дне которой замерло бездвижно худенькое тельце.

Монахиня ладонями закрыла рот, сдерживая вскрик, метнулась к клетке раненой птицей, трясущимися руками принялась ощупывать замок, висящий на двери.

— Отойди, — нехорошим голосом сказал ей отец и достал из висевшей на поясе сумки отмычку, — здесь молитва не поможет!

Замок поддался быстро. Видимо, заточивший ребёнка в клетке не стал заморачиваться хитроумными механизмами, полагаясь на крепость обычного амбарного замка.

Очень осторожно, будто величайшую драгоценность, Стам вытащил безвольно обвисшее тельце девочки из клетки и передал Тами. По лицу той текли слёзы, однако она более не кричала, не причитала, даже не молилась. Лишь с ужасом смотрела в запавшие глазницы девочки со спутавшимися волосами неопределённого цвета.

Викер пытался увидеть в ребёнке зло, как видел его в ней Первосвященник Файлинн. Именно его голос отвечал королеве — ар Нирн слишком хорошо был знаком с этими мягкими, обволакивающими и в то же время стальными нотками, чтобы ошибиться. Да, он пытался. Но у него не получалось. Перед ним был замученный ребёнок, которому дела не было ни до добра, ни до зла, ибо жизненный срок подходил к концу, ибо испуганное сознание страшилось финала.

— Что ты стоишь, Тами? — неожиданно хриплым голосом рявкнул он. — Помоги ей, она умирает!

И отвернулся, ощущая себя предателем Веры, худшим из еретиков.

— Какое зверство, — недобро сказал Стам, — слыхивал я про всякие дела Его Первосвященства, однако такое вижу впервые! Чем девочка ему не угодила?

Между тем Тамарис, опустившись на каменный пол, положила ребёнка головой себе на колени, накрыла ладонями её веки. Ар Нирн уже видел однажды, как происходит исцеление именем Богини, но и сейчас смотрел не отрываясь, не понимая, богохульство он наблюдает или чудо.

— Бирюза и мёд твоих глаз, Великая Мать, тепло и сила твоих ладоней, да пребудут со мной! Дай мне возможность исцелить невинное дитя! Дай силу подарить ей долгую жизнь рядом с любящими...

Тамарис резко оборвала фразу, глядя огромными глазами в темноту.

— Что не так, девочка моя? — Стам осторожно положил ладони ей на плечи. — Чего ты испугалась?

— Я прошу Богиню подарить ей жизнь рядом с любящими... с теми, кто уже мёртв, с теми, кто остался в Фаэрверне! — сдавленно произнесла она. — Я не могу молиться! Вижу смерть вокруг... В этом склепе... в монастыре... в этом теле!

— Тами... — растерялся отец.

Ар Нирн с неожиданной силой оттолкнул его и за воротник куртки вздёргнул монахиню на ноги.

— Молись, — с ненавистью сказал он, — молись, чтобы дитя увидело небо, а не полные праха могилы! Даже если ей суждено умереть, молись, чтобы она умерла, вдыхая свежий воздух, а не запах тлена! Молись, демоны тебя побери!

В глазах рыжей появилась осмысленность. Она вырвалась и вновь опустилась на колени, наложила ладони на закрытые веки девочки, из-под которых виднелись белые полосы склер.

* * *

‘Бирюза и мёд твоих глаз, Великая Мать, тепло и сила твоих ладоней, да пребудут со мной! Дай мне возможность исцелить невинное дитя! Мои вера в любовь и справедливость угасают вместе с её жизнью, но я верую в тебя! Я не знаю, откуда взялась эта тьма, павшая на мою родину, но мне тяжело, Великая Мать, так тяжело! Сможет ли Асси забыть тот ужас, что испытала в Фаэрверне и здесь? Сможет ли жить дальше? Не поломана ли теперь её душа? Я прошу тебя дать мне Силу исцелить этого ребёнка, а сама боюсь того, что увижу в её глазах, когда она их откроет. Но, Сашаисса, этот ‘Воин Света’, сам того не зная, дал мне крючок, за который я цепляюсь. Имя ему — надежда! Каков бы ни был приговор, там, наверху, царствует вечное небо — твои голубые ладони, Великая Мать! Он прав, враг мой, — Асси должна увидеть его! Бирюза и мёд твоих глаз, тепло и сила твоих ладоней, да пребудут со мной!’

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я молилась, а душа моя плакала. Плакала, а душа молилась. Асси казалась мне тем огоньком, что — единственный живой! — остался от пылающей сути Фаэрверна. Да, я боялась за её рассудок, но сильнее боялась того, что эта искра угаснет. И мир погрузится во тьму.

Знакомое тепло наполнило, заставив позабыть обо всём. В кончиках пальцев стало щекотно — Сила истекала из меня, вливаясь в испуганное сознание и замученное тельце девочки. Спустя некоторое время она вздохнула со всхлипом и задышала глубоко, порывисто, а не так поверхностно-страшно, как ранее. Спустя ещё немного её накрыл целительный сон. Пока я больше ничего не могла сделать!

Я открыла глаза, с удивлением ощутив, что щёки мои мокры от слёз. Давно не плакала во время молитвы, да и зачем плакать там, где следует радоваться целительной силе Великой Матери? А вот поди ж ты, как скрутили сердце сомнения, заставив вывернуть душу, словно карман!

— Викиер, возьми её на руки, — приказал отец, — я бы сам понёс, но мне лучше идти впереди! Думаю, самое время уматывать!

Паладин бережно поднял её. Нежно прижал к груди. Я смотрела на него во все глаза — он должен был ненавидеть и проклинать маленькую отступницу, а я видела радость в его лице оттого, что смерть ей более не грозила!

— Уходим, — сказал отец, встряхивая меня за плечо, — Тами, приди в себя!

Мы покинули Тризан без особых приключений. Идя по канализационным тоннелям слышали доносящиеся из открытых люков топот множества ног и крики. Ребята Стама Могильщика знатно почистили сокровищницу Первосвященника, навели, что называется, шороху.

К рассвету мы были дома.

Дома... Подумала, и сама удивилась. Это здание, в котором отец устроил логово, было для меня чужим, но слово, его обозначающее, уже обрело смысл. Мой дом был в Фаэрверне, после того, как монастыря не стало, разум пытался искать замену.

Я приготовила для Асси тёплую ванную и вымыла её. На тельце не было следов пыток — ублюдок Файлинн просто держал её в темноте, не давая пить и почти не давая есть. Как она выдержала эти дни? Ладно без света и еды. Человек может выжить без них какое-то время. Но без воды?

Завернув девочку в полотенце, я понесла её в выделенную мне комнату, намереваясь положить спать рядом с собой. Правда, после канализации мне тоже не мешало бы вымыться! И вдруг увидела, что Асси внимательно и серьёзно смотрит на меня. В голубых глазах не было страха. Она рассматривала меня с таким выражением, словно разгадывала величайшую загадку бытия.

— Ты мертва, сестра Тами? От тебя пахнет мертвечиной! Значит, я тоже умерла? — спросила она.

Я как раз зашла в свою комнату и аккуратно уложив ее на кровать, стащила полотенце с худенького тельца. Одеда его в чистую рубашку отца, в которой Асси просто утонула, накрыла одеялом, поправила спутавшиеся влажные волосы, чтобы не касались лица.

— Посмотри вокруг, сестричка, — улыбнулась, стараясь сдержать слёзы, — это обычная комната. Самая обычная. В таких люди живут, разговаривают друг с другом, ложатся спать, кушают... Мои пальцы тёплые, вот я касаюсь твоей щеки... И запах, который ты чувствуешь, тоже говорит о том, что я живая. Просто очень грязная!

Асси очень осторожно ощупала мои пальцы. А затем вдруг подложила мою ладонь себе под щёку и закрыла глаза.

— Это хорошо, что ты живая, сестра Тами, — сказала она, — значит и я не умерла!

— Не умерла! — успокоила я, сглатывая ком в горле. — И не умрёшь, именем Великой Матери клянусь!

Я дождалась, когда её дыхание выровняется и встала, снимая куртку. Надо вымыться. Смыть с себя запах мертвечины... Глупость какая! Те, что похоронены в Тризане, не сохранили даже собственного запаха! Прах не пахнет, Асси говорила о другом. Об ощущении, исходящем из этого места. Что-то там было не так, в Тризане!

Выкинув эти мысли из головы, я отправилась в купальню. Мыться, спать, а завтра на свежую голову думать, как и куда вывезти Асси!

Рванула на себя дверь, выпуская наружу клубы пара. Уходя, не вылила воду из большого корыта, в котором мыла девочку, вот и запотел воздух!

Вошла и... остановилась, будто налетела на стену. В корыте, спиной ко мне, стоял Викар ар Нирн, держа в поднятых руках ведро с водой, лил неспешный поток себе на макушку. Вода приглаживала его кудри, заставляя их липнуть к широким плечам, текла между лопатками, в ложбинку на поясице, оглаживала ласковыми ладонями его крепкий поджарый зад и мускулистые ноги.

Моя челюсть в буквальном смысле отвисла и влажный воздух слишком глубоко проник в горло. Я закашлялась. Паладин резко обернулся, явив мне себя во всей красе. Во взгляде его заметался ужас. Он с грохотом уронил ведро, попытался выпрыгнуть из корыта и... поскользнувшись, со всего размаха уронил себя на пол.

Последовавшие за этим слова, сорвавшиеся с благостного языка Воина Света

цитировать я бы не рискнула.

— Эй, — спросила я, когда он выговорился, — ты живой?

— Уберись отсюда, ведьма! — прошипел он, пытаясь подняться. Нога неловко подогнулась, и он снова упал.

Я шагнула к нему.

— Что с ногой? Дай посмотрю?

— Дай полотенце! — прорычал он. — И не смотри на меня!

— Надо же, какие мы стыдливые, — фыркнула я, стягивая со скамьи полотенце и кидая ему. — Думаешь, я бы обнаружила для себя что-то новое, неизведанное?

Он ничего не сказал, обматывая чресла полотенцем, но люди с таким взглядом обычно решаются на убийство!

Ногу он растянул в голеностопном суставе. Прежде чем положить на него ладони, я взглянула на красного как помидор Воина Света и спросила уже серьёзным тоном:

— Ты позволишь тебя вылечить?

— Почему ты спрашиваешь? — буркнул он, не глядя на меня.

— Не хочу оскорбить твою веру, — ответила я.

Он поднял на меня изумлённый взгляд. Помолчав, сказал:

— Вы, дочери Великой Матери, все чокнутые! Фанатички!

Я улыбнулась и покачала головой:

— Нет, паладин, нет! В истинной любви нет места фанатизму!

* * *

— Не хочу оскорбить твою веру! — произнесла эта сумасшедшая.

Она заставила его проникнуть в Тризан, навести кипиш в покоях Первосвященника, спасти от казни приговоренную им к смерти девчонку-отступницу и теперь утверждает, что не хочет оскорбить его веру?!..

— Вы, дочери Великой Матери, все чокнутые! Фанатички... — фыркнул он.

Повреждённый сустав болел невыносимо. Какой стыд, вывалиться из корыта под ноги ведьмы, в глазах которой нет никаких чувств, кроме ехидства. ‘А ты хотел бы видеть в них совсем другие чувства? — поинтересовался внутренний голос. — Неужели?’

Викер закашлялся и прослушал то, что она сказала. Поднял на неё красные глаза:

— А?

— Б! — неожиданно рассердилась рыжая. — Почему у вас, у мужчин, едва речь заходит о любви, начинаются проблемы со слухом?

— Что? — он с изумлением смотрел на неё, будто не узнавал.

— Похоже, и со зрением тоже! — фыркнула она, и наложила ладони на его ногу.

Ар Нирн напрягся. Он помнил, как однажды его лечила старая целительница, монахиня Великой Матери. Он тогда сломал ключицу — перелезал через высокую ограду отцовского дома и упал неудачно. Старушка казалась полубезумной, читала то ли стихи, то ли молитвы, говорила ему, какой он смелый, что не плачет, хихикала сама с собой. Измученный болью и страхом Викар сидел мышонком, следя за ней огромными глазами. Ожидал, что она сделает с ним что-то страшное. А целительница вдруг посерьезнела и погладила его по вихрам. От ее ладони исходило странное тепло — проникавшее прямо в сердце и дарящее надежду. Оно

успокоило мальчика, и он уснул. А когда проснулся — ключица уже срослась, а старуха покинула их дом.

От ладоней Тамарис тоже тянуло теплом. Будто от костра в холодный день. Костра, который пытался загасить ветер.

— Ты не веришь мне, — на миг отняв ладони, сказала она, — оттого мне трудно тебя лечить! Ты мог бы не думать о том, что я убью тебя, выпью твою кровь и выну твою душу?

— Да я!.. — вскинулся Викиер.

— Я здесь только для того, чтобы помочь, — тихо произнесла она, вновь опуская руки.

Тепло заструилось сквозь его кожу, на миг стало больнее, а затем боль стихла, превратилась в жар, в зуд, и вскоре сошла совсем.

— Ну вот! — Тами оглядела его ногу с таким видом, будто не исцеляла её, а пришивала и работой своей осталась довольна. — Вставай. Помочь?

— Сам! — рывкнул паладин.

Поднялся, ощущая, что и бок, и плечо ноют от ушибов. Ну уж с этим он как-нибудь проживет. Похватав свою одежду, обернулся на пороге. Вытолкнул из себя:

— Спасибо!

Она широко улыбнулась и задумчиво потянула шнуровку на куртке.

Викиера как ветром сдуло. Шлепая босыми ногами по холодному полу в свою комнату, он пару раз останавливался, чтобы взглянуть на себя в зеркало или створку шкафа, покрытую пылью, но все же дающую возможность разглядеть свое отражение — он ли это? Да, Воину Света следовало быть воздержанным в связях, но ар Нирн от женщин никогда не бегал. Коли была нужда — пользовал, как нужную вещь, и быстро забывал. В таких, кратковременных связях, не было грязи, лишь необходимость. Брат его шёл другим путём — крутил многочисленные романы с дамами из дворца, купеческими дочками, не гнушался простутками. Викиер не раз читал ему нотации на эту тему, но тот отмахивался. ‘Когда я найду свою единственную женщину, брат, я остановлюсь. Но как, о Единый, я её найду, если выбора не будет?’

Остановившись на пороге своей комнаты, Викиер в сердцах швырнул кипу одежды на пол. Вспомнилось увиденное в дворцовой беседке. Астор, неужели ты нашел свою единственную? И ей оказалась шлюха, которой досталась корона не по уму и делам на благо родины, а по наследству?

Ар Нирн, как был в полотенце, улёгся на кровать, закинув руки за голову. Мышцы уже начали тихонько ныть — паладину следовало ежедневно поддерживать физическую форму утомительными тренировками, а он вместо этого занимается демонами, зная чем!

Викиер резко сел. О чём он думает? Прошлая жизнь кончилась, он больше не Воин Света, посеребрённые латы более никогда не коснутся его тела! Он — мертвец. И как дальше жить мертвецу? Какие цели у мертвецов, как они встречают рассветы, с кем уходят в закаты? ‘Разобраться с братом и покинуть Вирховен навсегда, начать все заново где-то, на другом берегу!’ — мысленно ответил сам себе и скривился. Ар Нирн не был фанатично преданным своей стране... Во всяком случае, он так думал. Но необходимость покинуть ее ударила в сердце... Неожиданно и сильно. Он не хотел оставлять родину! ‘Значит, скрываться как дикий зверь! Сменить лицо при помощи магии, сделаться наёмником... Мечом и воинским искусством можно неплохо заработать!’ Подумал, и самому тошно стало. А как же высокие идеалы добра, которым он следовал всю жизнь?

В доме было тихо. Сквозь толстые двери не доносились звуки из купальни, где в клубах

пара мылась сейчас беда с ореховыми глазами, случившаяся с ним во время выполнения задания. Беда? А может быть...

Ар Нирн спал, мечась по кровати. Сквозь страшные сны, сквозь сомнения и печали смотрели ему в душу глаза Тамарис Камиди.

* * *

— Девочку нужно вывозить немедленно! — отец с силой тёр лицо руками, похоже, ему так и не удалось поспать этой ночью. — Не знаю, чем она так ценна для Файлинна, но он приказал перекрыть доступ в город и начать повальные проверки. Улицы кишат паладинами, стражниками и даже личными гвардейцами Его Первосвященства!

Я смотрела на отца, наматывая локон на палец. Где искать помощи? Да, думала вчера об этом, но ничего не пришло в голову кроме одного — увозить Асси следовало туда, где Файлинн её не найдёт!

— Тами, — вдруг спросил паладин, — а в соседних странах есть монастыри Великой Матери?

Я посмотрела на него с изумлением. Ну, конечно! Любой из монастырей примет нас с радостью, ведь новости о происходящем в Вирховене становятся известны и за границей! Но...

— Что? — спросил Викар, а я удивилась — надо же, уже и читать по моему лицу научился.

— Мне надо вернуться в Фаэрверн, — тяжело вздохнув, ответила я. — Меня просила об этом мэтресса Клавдия в последнем письме!

Я лукавила, и оттого, что врала отцу, становилось гадко. Но если бы он знал то, что знаю я, никогда не отпустил бы меня!

— Тами, по всей стране идут аресты и убийства твоих сестёр по вере! Фаэрверн был самым крупным монастырём земли Костерн, но и он не устоял! Тебе надо уезжать вместе с девочкой! — заявил отец, подтверждая мои размышления.

Сердце рвалось на части. Я хотела бы уехать с ней — не потому что боялась охоты Файлинна, а желая быть рядом и видеть, как исчезает из прозрачных глаз Асси пережитой ужас, сменяясь желанием жить и познавать новое! Хотела бы... Но совсем недавно держала в руках письмо, написанное тётёй Клавдией, читая: 'Я не прошу тебя выполнить то, о чем буду просить. Прошу лишь сжечь это письмо, отправив в небытие тайны Фаэрверна...' Да, она не настаивала, однако я прекрасно понимала, что тайник необходимо уничтожить! Иначе над Асси будет висеть постоянная угроза, а Файлинн всегда будет искать её!

— У меня есть деньги, ата! Посоветуй надёжного человека, и я заплачу, сколько он скажет, лишь бы доставил девочку в целости и сохранности в один из монастырей Великой Матери! А мне придётся вернуться...

Отец смотрел на меня, прищурившись.

— И что же такого написала тебе Клавдия? — поинтересовался он.

Я промолчала, обдумывая, в какой из зарубежных монастырей отправить Асси. Наверное, лучше всего подойдёт не уединённая обитель на отшибе, где все знают друг друга, как облупленных, а крупный монастырь, среди многочисленных послушниц и монахинь которого можно легко укрыть ребёнка! За заливом, неподалёку от Роковиц, столицы

соседнего королевства Артанстана, находился один из крупнейших монастырей Великой Матери — Таграэрн, величайший научный и библиотечный центр этой части материка. Когда Первосвященник, будь он проклят, начал свои ‘реформы’ мы радовались, что большинство оригиналов сакральных текстов и священных книг хранятся не в Вирховене, а именно там.

— Асси нужно отправить в Артанстан, ата, в монастырь Таграэрн! Кораблём будет быстрее и безопаснее. Помнится, ты сам предлагал мне покинуть страну подобным путем. Найди мне сопровождающего для девочки!

В дверь постучали.

— Позже! — крикнул отец, но стук повторился.

Створка открылась и внутрь проскользнул один из охранников отца — убийца в черном.

— Они уже в квартале, — коротко сказал он.

— Не думал, что сюда сунутся! — удивился отец, поднимаясь. На мгновение я залюбовалась им — его гибкой, несмотря на тяжеловесную фигуру, грацией опасного человека.

— Ребята дадут им жару, но ненадолго, — пояснил вошедший. — Вам надо уходить!

— Тебе придется поехать с ней! — с нажимом повторил отец. — Я приказываю!

Я смотрела на него, не веря своим глазам. После того, как мы потеряли и вновь обрели доверие друг к другу, он опять говорит со мной в таком тоне? Опять приказывает, будто собачонке? Опять решает за меня?

Неожиданно ощутила на плече руку паладина. Легко отодвинув меня с дороги, он встал перед отцом и сказал негромко:

— Я отвезу девочку. А вы помогите Тами выбраться из города!

* * *

Впервые эмоции в ореховых глазах показались ему не замутнёнными ни скорбью, ни ненавистью, ни иронией. Чистое изумление плескалось в них, чистое неприкрытое изумление.

— Ты? — воскликнула Тамарис. — Ты?!

— Я, — кивнул ар Нирн.

— А как же твоё желание разобраться с... тем кто покушался на тебя?

Он оценил её тактичность. Ей тогда, в минуту слабости, открыл имя Астора, но другим слышать его не стоило. Она и не сказала.

— Он никуда не денется от меня, — спокойно и горько ответил Викиер. — Пока я отвезу Асси, здесь немного успокоится, и мне будет проще... посмотреть ему в глаза.

— Но я обещала помочь!

Паладин позволил себе слегка улыбнуться.

— Ты можешь сделать это после моего возвращения, Тами!

— Почему ты помогаешь? Как я могу верить тебе... после всего?

Ар Нирн молча смотрел на неё. Сейчас он был честен перед собой — да, поступал, как отступник, как еретик. Нужно было убить их всех — и монахиню, и её отца, а девочку вернуть Первосвященнику. Именно так призывал поступать долг. Однако впервые за многие годы Викиер ар Нирн слушал не его жестяной голос, а тихий голос собственного сердца.

Голос, который говорил ему, что в ребёнке нет зла, а жизнь — ценнее, чем смерть... Голос говорил ещё много чего, но остальное Викир старался не слушать.

— Если ты предашь меня, ответишь жизнью, — пронзительно глядя ему в глаза сказала рыжая, — я приду за тобой даже с того света!

— Не предам, — покачал головой тот.

— Ата, — Тамарис посмотрела на отца, — помоги им выбраться из города и обеспечить корабль. И дай проводника мне, чтобы вывел за стены!

— Я — твой проводник, дочка! — тяжело вздохнул Стам. — В Фаэрверн ты едешь со мной... или не едешь вообще! — он посмотрел на своего ‘черного человека’. — Гас, забирайте девочку и дуйте в порт. Корабль ты знаешь... Пусть отчаливают, как только они будут на борту. Выдай парню все, что он скажет — деньги, оружие, документы. И отправляйтесь.

Тот кивнул и скрылся за дверью. Спустя мгновение заглянул обратно, поманил за собой Викира.

Тами коротко вздохнула. Так вздыхают люди, готовые прыгнуть с обрыва.

— Я попрощаюсь с девочкой?

То ли вопросительно, то ли утвердительно посмотрела она на отца. Тот кивнул:

— Иди. А твой друг пока подберет одежку и документы на себя и нее.

Еще раз взглянув на ар Нирна потемневшими глазами, Тамарис быстро вышла.

— Не доставишь девочку в нужное место или обидишь ее... — тихо и угрожающе начал Стам Могильщик.

— ...Не утруждайся, — усмехнулся Викир, — я доставлю ее в Таграэрн и сдам на руки матери-настоятельнице. Даю слово.

Взгляды мужчин скрестились, как лезвия мечей, только что не лязгнули.

— А как ты познакомился с моей дочерью? — с подозрением поинтересовался Стам.

Викир пожал плечами.

— Это неважно. Но если тебе интересно, могу вкратце сказать: мы должны были убить друг друга, однако не убили.

Брови Стама с изумлением взлетели вверх.

— Моя дочь всегда добивается задуманного, имей в виду, — покачал головой он.

— Я не боюсь ее, — улыбнулся в ответ ар Нирн.

А внутренний голос неожиданно добавил: ‘Я боюсь за нее!’

* * *

Прежде чем отправится к Асси, я зашла в свою комнату, и набросала короткое письмо мэтрессе Таграэрна, матери Лидии. Используя кодовые выражения и перестановки слов, с виду ничего не значащие, описала ситуацию в Вирховене и судьбу девочки, просила укрыть и взрастить, как редчайший цветок, не потеряв ни лепестка. Если Файлинн так желал устранить Асси, значит боялся. И бояться ему было чего. Дела давно минувших дней не в добрый для него час восставали сегодня из прошлого!

Письмо не запечатывала, просто сложила вчетверо. Пусть читает, кто хочет, ведь, не владея искусством монашеской тайнописи его не прочитать верно.

Асси еще спала, когда я вошла. Остановилась у порога и засмотрелась на нее. На личике

уже не было ни следа перенесенных страданий. Этот ребенок был прекрасен, странно, что там, в монастыре я не замечала, как она красива необычной, светлой какой-то красотой. У нее был высокий лоб, широко расставленные голубые глаза, сейчас прикрытые тонкими нежными веками, густые ресницы, маленькие нос и подбородок и губы, лукавым изгибом напоминающие охотничий лук. Казалось бы, все вместе эти черты должны были делать ее лицо простоватым и не очень привлекательным, но с Асси выходило наоборот. Стоя рядом, я любовалась ей: румянцем на щеках, прядями волос цвета старинного золота, необычным лицом, и чувствовала, как уходит напряжение из тела, а ощущение хождения по грани покидает разум. Пока Асси жива, пока цветет эта странная, неземная красота — надежда не потеряна!

Девочка улыбнулась во сне, потянулась, перевернулась на другой бок и сладко засопела. Так жалко было будить ее, но пришлось.

— Тебе придется уехать с Викером, — сказала я, когда она открыла, наконец, глаза, разбуженная мной, — оставаться в городе опасно — Первосвященник ищет тебя.

— Викир, это тот человек, что нес меня на руках из темноты? — спросила она, а я поразилась точности формулировки. Вместо ответа кивнула.

— А ты, сестра Тамарис?

Я обняла ее.

— Мне придется тебя оставить, Асси. Есть важное дело...

Ожидала слез, нытья, страха и отчуждения — всего того, что накрывает детей, когда они попадают в непривычную для себя обстановку, но ошибалась. Асси, выбравшись из моих объятий, прыгнула с кровати.

— Я готова, сестра, — сказала она, — что мне нужно делать?

— Умывайся, — невольно улыбнулась я, столько решимости прозвучало в звонком голосе.

Спустя некоторое время мы с отцом провожали их, уходивших по крышам из Сонного квартала. Асси была одета, как мальчишка, лицо вымазано сажей, волосы убраны под платок, какой носили моряки. Переодевшийся Гас неожиданно оказался высоким и красивым блондинистым парнем со смешливыми карими глазами, а ар Нирна каким-то образом состарили, добавив морщин на лице и седины в волосы, одев в поношенную одежку. Меч был скрыт плащом, в который паладин кутался, будто мерз.

— Великая Мать да поможет вам во всем, — сказал отец, прощаясь, и я порадовалась, когда не заметила в глазах ар Нирна досады на эти слова.

Наверное, мне тоже надо было что-то сказать. Но я лишь поцеловала Асси на прощание, провела ладонью по маленькой макушке, надеясь, что уже скоро она сможет не скрывать свои волосы под грубой тканью платка.

Когда они ушли, отец повернулся ко мне, спросил серьезно:

— Готова, Тами?

— Готова, ата. Как мы уйдем?

— Мы — низами, — засмеялся он. — Подтягивай сапоги повыше!

Покинув Ховенталь подземными ходами, как крысы, мы выбрались из какой-то лисьей норы неподалеку от городских стен. Отряхнулись и пошли к виднеющейся у дороги конюшне и уже спустя полчаса гнали лошадей на восток. В Фаэрверн.

Викеру ар Нирну плавать на кораблях как-то не довелось. Не было дел по ту сторону залива, он и учился, и службу проходил на родине, не рвался за ее пределы, хотя и прослужил долгое время в пограничном гарнизоне на севере, иногда совершая вылазки на территорию, полную враждебных племен, снежных львов и других опасных тварей.

Морское путешествие оказалось для него открытием и... мукой. Паладина укачивало до зелени в глазах, и как он ни пытался держаться прямо, смотреть гордо — все равно периодически выворачивало у лееров, даже когда выворачивать стало уже нечем.

Небольшой кораблик с грузом Вирховенского пива и эля резво несся по волнам, а Воин Света сидел на палубе, на связке каната, прижавшись затылком к мачте, и мечтал умереть. Как вдруг прохладная ладонь легла ему на лоб, принося облегчение.

Асси, излазившей уже весь корабль от верха до низа, качка, похоже, была не страшна. — Дыши глубже, Викар, — серьезно сказала она, — давай, начинай!

Он с изумлением посмотрел на нее — в голосе ребенка прозвучал мягкий, но приказ.

— Ну же, — нахмурила бровки Асси, — давай, глубоко и редко.

Вторая ее рука легла на его голову. Маленькие пальцы массировали, надавливали на какие-то точки, и дурнота постепенно стихала. Скоро Викар с удивлением обнаружил, что тягучая, скручивающая тошнота отступила, а разум прояснился.

— Как ты это сделала? — воскликнул он.

Лукаво улыбаясь, она устроилась рядом, пошарила в кармане своей хламиды и протянула ему яблоко, подаренное кем-то из матросов.

— Съешь, — сказала, зевнув.

Прижалась головешкой к его плечу и моментально заснула.

Ар Нирн бережно обнял ее, накрыв полой плаща — по палубе бил свежий, хлесткий ветер, и задумчиво откусил яблоко. Асси была маленькой и теплой, как воробей. Сердце неожиданно защемило чем-то, ему неведомым. Сожалением ли? Желанием ли любви? Он никогда не думал о том, чтобы создать семью, родить детей. Все казалось — рано, да и какая семья, когда надо успевать творить добрые дела во славу Единого...

Взметнулись перед глазами языки пламени, копоть и брызги крови с лезвия меча. Добрые дела? Добрые?!..

Викар поморщился, доел яблоко и выкинул огрызок за борт. Как разобраться в себе? Как не рваться на части, а делать лишь то, что верно? Он взглянул на спящую девочку и окаменел. На него смотрело совсем другое лицо, невыразимое, прекрасное, и бледные губы шептали: не слушай богов, мальчик мой, слушай свое сердце! Паладин сморгнул, и пугающее видение исчезло. Асси мирно спала, все-таки ей надо было еще много спать, чтобы полностью восстановиться!

Плыли три дня. Дурнота более не докучала паладину, и он даже начал получать удовольствие от рассматривания синего сверху и снизу простора, белых шапок волн в своем бесконечном движении, редких птиц в вышине. К концу третьего дня птиц стало больше, а утром четвертого он, крепко держа Асси за руку, уже сходил на берег. Спустя еще два дня пути в почтовой карете они вышли на перекрестке и далее шли пешком по дороге, затерявшись в толпе паломников и путников, направляющихся в Таграэрт за советом, исцелением, учебой или мудростью. У ворот Викар передал письмо монахине привратнице

— суровой старухе с боевой выправкой и потемневшим от времени сарматом. Едва развернув письмо, она изменилась в лице и, кликнув одну из послушниц, что вместе с ней встречали прибывших, отдала письмо, приказав отвести Викера и девочку к матери-настоятельнице.

Мэтресса Лидия, к удивлению паладина, оказалась молодой и привлекательной женщиной. Пепельная коса толщиной в руку была короной уложена на голове, голубые глаза с бледного тонкого лица, которое явно не могло принадлежать простолюдинке, смотрели доброжелательно и серьезно. Ар Нирн, слегка поклонившись, молча передал письмо. От него не ускользнул взгляд, которым обменялись мэтресса и Асси. Таким взглядом обычно смотрели близкие родственники, давно потерявшие друг друга из вида и неожиданно обретшие. Это сильно удивило его, однако не Воину Света выказывать удивление, и он с холодным высокомерным лицом смотрел в окно, пока Лидия читала письмо. Когда она оторвала от бумаги взгляд, в ее глазах плескалось не изумление — высшая степень волнения.

Опустившись на колени, она развела руки, позвала Асси:

— Иди сюда, дитя!

Девочка бросилась к ней, словно к родной матери, и прижалась.

Лидия трясущимися руками стянула с нее платок, погладила по волосам, поправила спутавшиеся пряди. Посмотрела на ар Нирна.

— Великая Мать да благословит тебя за то, что ты сделал! — сказала она. — Чем Таграэрн может отблагодарить тебя за спасение этого ребенка?

Паладин пожал плечами. Благословение Сашаиссы — последнее, что ему было нужно в этом мире!

— Ничего мне не нужно, мэтресса, разве только... напишите пару строк той, что спасла и отправила сюда Асси. Я передам ей!

— Конечно, — улыбнулась мэтресса.

Лист бумаги был таким же — простым и незапечатанным, как и письмо Тамарис. Лидия передала его Викеру со словами:

— И передайте ей — знаки говорят...

— Что? — не понял тот.

— Просто скажите: 'знаки говорят'. Слово в слово. Она поймет!

Ар Нирн кивнул, спрятал письмо, развернулся, готовясь уйти, как вдруг его обняли маленькие руки.

Пришлось оборачиваться и опускаться на колени, чтобы Асси могла поцеловать его в лоб. Ощувив ее прохладные губы на своей коже, Викар подумал, а смог бы он там, в Фаэрверне, всадить в нее меч. И с ужасом понял, что да, смог бы. Он не видел бы этих доверчиво распахнутых глаз, не замечал бы ее малого роста и слабости, не вдыхал бы аромат ребенка — чистый, незамутненный грехом, нежный... Он видел бы проклятую отступницу!

Викар встретился взглядом со взглядом мэтрессы и резко поднялся, ощущая, что краснеет. Эта молодая женщина с непростым лицом только что прочитала его, как открытую книгу, и все поняла. Она не боялась его, Воина Света, однако... сожалела!

Стыдливо поцеловав Асси в макушку, он вырвался из ее объятий и покинул Таграэрн, унося в сердце сожаление, природы которого понять не мог.

Мы ехали в Фаэрверн, не останавливаясь в населенных пунктах, ночуя в лесу неподалеку от дороги и не разжигая огня. Разговаривали мало, но эти несколько дней пути вернули то время, когда мы с отцом были близки и не ранили друг друга острыми словами.

— Знаешь, — призналась я ему в одну из ночей, когда моя голова лежала на его плече, а он обнимал меня ручищей, будто я до сих пор была маленькой девочкой, — ты был прав насчет того парня, а я ошибалась. Прости меня!

Признание далось мне с трудом, но я была рада, что сделала его. Жизнь в монастыре, путь целителя, путь бок о бок со страданиями человеческими, научили меня, что нужно не стыдиться признаваться в своих ошибках сейчас, сегодня, ведь потом может не быть шанса, даже несмотря на помощь Великой Матери!

Отец поцеловал меня в макушку.

— И ты прости меня, доченька, — сказал он. — Я так боялся тебя потерять, что оттолкнул собственными руками...

И дальше мы молчали полночи, разглядывая видневшиеся сквозь листву звезды, которые вдали от города казались такими яркими, что кололи глаза.

Запах гари ощущался уже за несколько часов до Фаэрверна. Отец встревожено поглядывал на меня, но во мне будто все заledenело. Будто не в монастырь я возвращалась, а в чужое, незнакомое поселение, сожженное после чумы.

За поворотом дороги показались покрытые копотью стены. Слава Богам, мертвой плотью не пахло, чего я очень боялась. Причина этого стала ясна, едва мы остановили лошадей в роще рядом с монастырем — свеженасыпанный холм земли. Братская, точнее, сестринская могила. Видимо, о мертвых позаботились жители окружающих деревень. Дождались, когда паладины отъедут подальше и справили обряд — на земле лежали уже подсохшие ветви березы и ив, венки из цветов, мешочки с пшеном. Нехитрые подношения людей, которым сестры помогали справиться с недугами и печалью.

Подойдя к могиле, я опустилась на колени и уткнулась лицом прямо в подсохшую землю. Любви не ведома ненависть, а ненависти ведома ли любовь?

‘Великая Мать, прости мне! Прости жажду убивать, скрючивающую пальцы яростной подагрой! Прости...’

‘Прости и ты, дитя...’

Самое филигранное из всех искусств человеческих — прощать! Ненависть, месть не отнимают столько сил, сколько оно...

Отец молча ждал. И видимо ждал бы столько, сколько мне было нужно. Казался окаменевшей фигурой рядом с лошадьми, тянущими морды к траве.

Я поднялась, смахнула землю с лица. Глаза были сухими.

— Пойдем, ата.

Он бережно обтер мое лицо краем рукава, и от этой нехитрой нежности у меня закололо сердце.

Осторожно зашли в разлом в стене, остановились, как лани в лесу, оглядываясь, пригнувшись, только что ушами не прядали. Вокруг было тихо. Даже птицы не пели. Вернутся ли они сюда когда-нибудь?

Тайник Клавдии находился у ручья, протекавшего через монастырь. Там спускались к воде посадки картофеля и моркови, а на ту сторону был перекинут мост из трех бревен, крепкий добротный мост. Внутри одного из бревен находился сундучок с документами. Как следовало из письма мэтрессы, то были метрики на послушниц и монахинь, в которых

указывались их имена, ближайшие родственники и адреса, а также истории их появления в Фаэрверне. Не указывались только даты рождения — считалось, что для служения Богине возраст значения не имеет.

Зайдя в ручей по колено, нащупала снизу на бревне потайной сучок, и сундучок упал мне в руки. Дерево, из которого он был сделан, пропитывалось специальным составом, защищающим бумагу от водных испарений.

— Ата, разведи костер, — попросила я, откидывая крышку.

Вот они, белые листы, испещренные мелким ровным почерком матери-настоятельницы. За каждым сокрыта история моей сестры, живой или мертвой. Скорее, мертвой...

Я быстро проглядывала документы и бросала их в радостно зашедшийся огонь. Адреса оставались глубоко выжженными клеймами на памяти, будто сама Великая Мать помогала мне запоминать их. Если я останусь в живых, обойду все. Буду останавливаться в каждом доме и рассказывать о тех девочках, девушках, женщинах, что, однажды выйдя из родных дверей, ступили на нелегкий путь целительства...

Имя Асси Костерн было написано поверх другого, тщательно вымаранного. Девочка была привезена в Фаэрверн человеком, имени которого Клавдия не указывала, подобравшим ребенка среди обломков кареты, упавшей с обрыва на Кардаганском перевале. Ехавшие в ней люди погибли, она же чудом осталась жива. Имя Асси — сокращенное от Сашаиссы, девочка получила в честь спасшей ее богини, фамилия была наименованием земли, в которой располагался Фаэрверн. К метрике прилагался конверт, из которого на мою ладонь выпал старинной работы кулон-амулет — цветок лилии с лепестками разного цвета и формы. Такие были в ходу в знатных семействах и часто изображались на портретах — то в качестве подвески на шее у дамы, то брошью на камзоле господина. Приглядевшись, заметила в середине цветка маленькую золотую корону, поразились искусной работе ювелира и сунула украшение за пазуху. Отдам Асси как память о родителях, если доведется свидеться!

На дне сундучка обнаружилась тетрадь в сафьяновой обложке. Заполнена была все тем же почерком моей тетушки, однако древних райледских писмен, которыми Клавдия пользовалась, я, увы, не знала. Подумав, сунула тетрадь в седельную сумку. Не стоит избавляться от того, что никто, кроме посвященных, прочитает не сможет!

Вот и все... Огонь превратил память Фаэрверна в пепел, однако она навсегда жива в моем сердце! И тайна Асси больше ей не угрожает!

Пустой сундучок засунула обратно в бревно, закрыла потайной замок. Вдруг когда-нибудь пригодится?

Повернулась к отцу. Ата на меня не смотрел — ворошил палкой сгорающие листы в костре: хрупкие, черные пластины, рассыпающиеся прахом.

— Тами, — сказал он, — мне нужно признаться тебе кое-в-чем...

И вдруг насторожился. Заворчал, будто большой пес, поднимаясь и выхватывая оба кривых коротких меча, что были пристегнуты к его поясу.

Они бежали от развалин — одетые в мундиры стражников воины, в таком количестве, что у меня зарябило в глазах. Значит, в монастыре оставался наблюдатель, который, однако, не помешал прихожанам похоронить погибших! Вывод был только один: ждали тех сестер, что станут рано или поздно возвращаться в родную обитель. Ждали, желая добить!

— Бежим к стене! — рявкнул отец, и я послушалась беспрекословно, каменная стена Фаэрверна должна была надежно прикрыть наши спины.

Громким свистом он спугнул лошадей, и они умчались прочь, спутавшись поводьями.

Среди нападающих не было лучников, что сыграло нам на руку. Поглядывая на догорающий костер, я прикидывала количество противников, а пока сорвала с себя плащ, закрутила на конце сармато, отвлекая внимание первой линии нападавших. Мечи отца походили на взблески небесного огня, а вкрадчивые, выверенные движения не оставляли сомнения в их природе. Ата учился не биться, но убивать, и уже несколько стражников корчились в пыли у наших ног.

Взметнула плащ на одного из бедолаг, отцовский меч последовал за ним — ткань окрасилась в красное. Сармато затанцевал в моих руках: блок — выпад, выпад — блок — удар. Да, он не рубил, как холодное оружие, но сила боевого посоха, обрушенная на непутевую голову, лишала ее владельца сознания и жизни. Клинки не причиняли сармато вреда: вымоченное в семи травяных настоях дерево становилось крепче железа.

Отец сдвинулся, давая мне место для маневра. Мы с ним бились бок о бок впервые, однако ощущали друг друга наитием, будто прошли не один бой вместе. Я закрутилась волчком, сармато стал моим смертельным продолжением. Его касания призывали на противников небытие. На миг поймала в собственной груди дикую дурную радость убивать... За моих погибших сестер! За копоть и гарь Фаэрвена! Поймала и ощутила стыд, и голоса Великой Матери мне было не нужно, чтобы замешкаться в ужасе от себя самой... Отец вскрикнул, развел руки, лезвия прошли сразу двух нападающих. Пришла в себя, поднырнула ему под локоть, прикрывая спину — он отошел от стены в пылу боя. Сармато танцевал в моих руках: выпад вправо — блок — удар, выпад влево...

Не знаю, сколько мы плясали со смертью — несколько мгновений или целую жизнь? Но когда все нападающие лежали на земле бездыханными, ата вдруг выронил мечи и шагнул вперед, рухнул лицом вниз рядом с ними. Сзади справа торчала из его тела рукоять кинжала, и одежда уже давно набухла красным. Отец не позволял себе упасть, страсть боя держала его вздернутым на ноги, но силы уходили, принося взамен стылый холод.

Уронив посох, я бросилась к нему, упала на колени и коснулась клинка... Холод, тот самый холод, что не всякому целителю дано одолеть, заморозил мои руки.

Ата повозил лицом по земле, будто устраивался поудобнее, затем повернул его ко мне и сказал:

— Слишком поздно, Тами, доченька... Посади меня!

— Но...

— Не спорь!

Я не стала спорить. Плача, повернула тяжелое тело, обняла, удерживая.

— Видать, вовремя мне пришла мысль повиниться... — продолжил говорить отец, и алая кровь запузырылась в углу его рта. — Ты — не моя дочь, Тамарис, а мой заказ. От моей руки умерли твоя мать и твой брат, и ты должна была умереть... Но я не смог... убить тебя. Смотрел в твое лицо, а видел лица всех, кого порешил. Я забрал тебя и унес с собой, чтобы воспитать, как дочь... И не жалею о том! Ты выросла хорошим человеком... лучше, чем я!

— Ата, — рыдала я, укачивая его как младенца, — ата, что ты такое говоришь?

— Вернись туда, — голос отца затихал, — вернись на Кардаганский перевал... Найди безногого Риза...

— Ата, нет! Не-е-ет!

‘Бирюза и мёд твоих глаз, Великая Мать, тепло и сила твоих ладоней, да пребудут со мной! Дай мне возможность исцелить его! Помоги мне! Он — самый лучший отец на свете!’

Но молитва падала оземь сухими листьями. ‘Самый лучший отец на свете’ признался в

том, что убил мою родную мать и брата... Не поэтому ли Богиня не слышала меня сейчас? Не потому ли я тогда вовсе не обратила внимание на странное совпадение в наших с Асси судьбах — на Кардаган?

Уткнувшись лицом отцу в грудь, почти упав на него, я шептала и шептала знакомые слова, с ужасом понимая, что он ушел, и никакое целительское искусство его не спасет. И вокруг становилось темнее, темнее, темнее... Ата шел через узкий коридор, вдоль шеренги безглазых и безротых лиц, из которых струилась немая укоризна, шел, не страшась, но жалея о содеянном. А я торопилась следом, и каждое новое лицо всаживало свою ненависть в мое сердце ударом плохо заточенного ножа.

Здесь смерть казалась избавлением, а жизнь — ошибкой.

Здесь не было радости, лишь сожаление.

И памятные огни Фаэрверна здесь не горели.

* * *

Викер и сам не знал, отчего сошел на берег не в Ховентале, а раньше, на какой-то деревенской пристани, куда везущий его обратно кораблик причалил, чтобы пополнить запас пресной воды и солонины. Отсюда до Фаэрверна был всего день пути и, не раздумывая, ар Нирн купил в местной конюшне лошадь и погнал в ту сторону. Как преступник всегда возвращается к месту своего преступления, так и ему хотелось увидеть развалины прежде прекрасного сооружения... А, может быть, он лукавил? И вовсе не камни звали его туда, а возможность посмотреть в ореховые глаза, полные самых разнообразных эмоций. Тамарис Камиди, боевая монахиня Великой Матери, вовсе не была воином в привычном ему значении этого слова. В первую очередь она была человеком. Живым человеком со своими тараканами в голове, с тщательно запрятанными 'скелетами в шкафу'. Она не стремилась произвести на него впечатление, как женщины его круга, или изобразить из себя что-то такое, чем на самом деле не являлась. Если ей было смешно — она смеялась, грустно — грустила. Маски, носимые в обществе, ее лицу были неведомы. В начале их знакомства он воспринимал Тами как дикого зверя, от которого непонятно чего ждать, а нынче тосковал по ощущению прозрачности граней бытия, что посещало рядом с ней. Да, мир был полон красок и оттенков, но только рядом с ней они разделялись четкой границей — на черное и белое. И — он вынужден был это признать — его половина мира лежала в черной зоне. А еще он помнил ощущение ее горячих ладоней на собственной коже... Легкие прикосновения, когда она пыталась утешить его... Истекающую из ее рук целительную силу, что тушила боль, будто мощная струя воды — пламя. Да, там, в Фаэрверне, он не задумываясь порешил бы ее, но сейчас уже не смог бы. Нет... Глупо было обзывать себя слабаком и трусом. Не в слабости и трусости было дело. Его вера в Единого пошатнулась, когда он понял одну простую вещь — никакой бог не стоит детской жизни! Его душа, в которой образовалась пустота, стремилась заполнить ее теплом, а от Тамарис Камиди тянуло им, будто в промозглый день — от очага.

Уже подъезжая к монастырю, ар Нирн почувствовал дурное. А когда встретились две мирно пасущиеся лошадки с полными переметными сумами, и вовсе напрягся. Перехватил лошадей, вместе со своей скрыл в укромном месте в кустах, дальше двинулся пешком. Громада Фаэрверна выростала над ним занесенным ударом палаческого топора. Еще

несколько дней назад палачом был он сам, а нынче смотрит в землю, не решаясь поднять глаз на стены, будто явился за наказанием.

Маленькую неподвижную фигурку он узнал сразу. Только опыт удержал его от того, чтобы бросится на помощь. До скрипа стискивая зубы, он обошел, крадучись, все вокруг, желая убедиться в отсутствии очередной засады. И только потом побежал к телам, лежащим на земле. Стражников оказалось порядка тридцати — полноценный отряд, ведомый офицером. Рядом с застывшей, будто неживой Тамарис лежал ее отец, смотря широко раскрытыми глазами небо. Он был мертв окончательно и бесповоротно. Тами скрючилась на его груди, будто пыталась услышать стук его сердца или согреть теплом собственного тела. Она была жива — ар Нирн навскидку ощупал ее и осмотрел одежду. Поверхностных ран не нашёл, однако женщина казалась застывшей, словно впавшей в кому. На голос не реагировала, тонкие пленки век подрагивали на глазных яблоках, но не спешили подниматься, чтобы подарить ему ореховый взгляд.

Подняв Тами на руки, он отнес ее в укрытие, к лошадям. Вернулся за телом отца.

Раз за монастырем следили, и их перехватили, значит, кто-то обязательно вернется проверить, как прошла операция. Нужно уезжать!

Стамислав Камиди нашел упоение в наспех вырытой могиле среди густых зарослей шиповника. Знака Викар не оставил — сам покажет Тами место... когда-нибудь. Усадив ее в седло перед собой, погнал лошадей прочь, по неторной дороге, в горы. И остановился только тогда, когда солнце село, а из-под закрытых век Тамарис потекли слезы. Она плакала очень тихо, как механическая кукла, совершающая одни и те же действия — всхлип, вздох, всхлип. И отчего-то ар Нирна это ужасно напугало. Он спешился, снял спутницу с седла. Намотал поводья лошадей на ветку дерева, и сам сел у основания его ствола, прижав к себе Тамарис. Как она пыталась теплом своего тела согреть умершего отца, так и он сейчас, обнимая ее и укачивая, как ребенка, пытался согреть, вернуть к жизни. И понимал, нужно говорить — негромко и спокойно, как говорил бы с испуганной Асси! Но что именно говорить, Викар понятия не имел. И потому начал рассказывать о своем путешествии по морю, о том, как ему было плохо на корабле, о помощи, которую оказала девочка, о матери-настоятельнице Лидии и о Таграэрне, и еще о знаках, которые говорят...

— Что?

Он не сразу осознал, что слышит ее голос. Тамарис по-прежнему не шевелилась, всхлипывала, не утирая слез. Но вопрос был задан.

— Мэтресса Лидия написала тебе письмо, сейчас... — стараясь не потревожить ее, прижавшуюся к нему раненой птахой, он вытащил из-за пазухи лист бумаги и сунул ей в пальцы, — а на словах просила передать, что ‘знаки говорят’. Она сказала — ты поймешь.

Лист белел в темноте, но строки сливались: сумерки перерастали в темень.

— Давай я запалю костер? — спросил ар Нирн, ощущая нежелание вставать и куда-то идти. Сидеть вот так, держа Тами в руках, было куда приятнее.

Слабым движением она сунула лист за отворот собственной куртки.

— Завтра... Я прочту завтра...

Подняла лицо, белеющее почти так же, как бумажный лист:

— Викар, каково это, осознавать, что тебя предали самые близкие люди? Ты знаешь, ответь мне!

Он посмотрел на нее с изумлением и еще больше изумился, когда осознал, что она не иронизирует, а спрашивает всерьез, имея в виду... себя саму!

Прежде чем ответить, прижался подбородком к ее макушке. Вдохнул запах волос, неожиданно ставший родным. Ведьма и паладин. Нет, еретичка и отступник!

— Это как удар под дых... — он запнулся. Ну как объяснить? — Удар, который тебя порвал на части... И ты больше никогда не станешь целым, никому не поверишь и даже смеяться будешь по-другому...

— А такое можно простить?

Ореховые глаза в темноте казались черными безднами, и звезды в них не отражались!

Ар Нирн не ответил. Готов ли он простить брата за то, что тот сделал? А разве он уже его не простил, обвинив во всем коронованную шлюху Атерис? Но простил бы он его, если бы вину не на кого было переложить? Викинг не знал ответа.

— Я не знаю ответа, Тами, — тихо сказал он. — И сердце мое молчит.

— Разбитые сердца не умеют петь... — прошептала она. — Мой отец...

Ее будто прорвало. Переменяя слова с рыданиями, она рассказывала ему сбивчиво то, что слышала от Стамислава Камиди. Викинг слушал, не перебивал, лишь иногда рукавом куртки утирал ее совершенно мокрое от слез измученное личико. Он держал ее крепко, не позволяя истерике взять верх над телом, и, в конце концов, она уснула где-то на середине очередного всхлипа. Продолжая тихонько укачивать ее, ар Нирн смотрел в небо. И казалось ему, что они одни во всем мире. Ведьма и паладин...

Нет. Еретичка и отступник.

* * *

Утро в горах холодное и росяное. Еще не открывая глаз, я поняла, что нахожусь не у стен Фаэрверна, а гораздо выше над уровнем моря. Под щекой мерно колыбалась широкая, твердая, будто железная мужская грудь. Я вскинулась, разом вспомнив все, произошедшее вчера. И самое последнее воспоминание — неподвижное тело отца, к которому я прижималась лицом... Отца... Я не знаю, как теперь называть его!

Постаралась встать тихо, не желая тревожить ар Нирна, однако он тут же открыл глаза. С мгновение мы смотрели друг на друга, не зная, что сказать, а затем в один голос произнесли:

— Доброе утро!

И смутились непонятно чего.

Я отерла влагу с лица. Одежда за ночь отсырела, надо бы запалить костер да просушить куртки!

— Как мы сюда попали, Викинг? Как ты сюда попал?

— Заехал в монастырь, — ответил он, поднимаясь и отряхивая штаны, — наткнулся на ваши тела.

— Оте... Стам?

— Я похоронил его в кустах, неподалеку. Место запомнил.

Отвернулась. Нужно ли мне знать, где это место?

На сердце было тихо, в душе — пусто. Утро в горах всегда прекрасно, но этим утром все краски мира покрылись патиной.

— Не думай об этом... — послышался голос сзади.

Я резко обернулась. Ар Нирн стоял рядом.

— Не думай о том, что произошло вчера, — повторил он, — не сейчас. Делай что-нибудь, иначе сойдешь с ума! Встань на след!

Смотрела в его синие глаза, подобные осколкам летнего неба, и не находила в них ни ненависти, ни подозрительности, лишь сочувствие человека, испытавшего подобное. Произошедшее вчера у стен Фаэрверна сблизило нас, сделав понятными друг другу. Понятными в своем одиночестве.

Отец говорил о Кардаганском перевале... В метрике Асси тоже было упомянуто это место. Если вставать на след, как выразился паладин, то в том направлении!

— Мне нужно на Кардаган, — сказала я, отведя глаза, — где-то там можно найти информацию о моих родителях... Моих настоящих родителей!

Понятия не имею, чего я ждала от своего спутника. Но уж никак не покорности!

— Хорошо, — покладисто согласился он и пошел к лошадям. — Только сегодня нужно сделать привал — кони измучены дорогой, их надо напоить, да и нам не мешает перекусить и обсохнуть! В ваших сумках есть припасы?

— Ты не обязан...

Слова застряли в горле. Викир ар Нирн, Воин Света, развернувшись, широко шагнул ко мне и прижал к себе.

Мне бы хотелось окуклиться, как гусеница, в броню, сквозь которую не проникают лучи света и посторонние шумы, ведь так не ощущаешь боли, ни своей, ни чужой! Но вместо этого я подалась вперед, вжавшись в его тело своим. Не хочу становиться бесчувственной, не хочу разуверяться в людях даже после рассказанного мне отцом! Великая Мать, вразуми, как пережить боль и предательство! Научи, как прощать? Подскажи, что поможет мне?

‘Любовь!’

Теплые губы бережно коснулись моих. Паладин держал меня в объятиях так нежно, словно я была бабочкой, разрушившей кокон одиночества. Я потянулась к нему, обвила его шею руками. Наш поцелуй был долгим, мы пили друг друга, как измученные жаждой путники пьют воду из родника, забирая жадными губами пригоршни живительной влаги, наслаждаясь ее вкусом. Викир привлекал меня и тогда, когда я готова была убить его, а я... Была ли я для него желанной, после того, как он сказал мне однажды ‘Ты для меня не женщина?’

— Что ты? — прошептал он, когда я, упершись ладонями в его грудь, отпрянула.

Испытующе смотрела в его глаза, и не видела в них страсти. Только нежность, грусть... сожаление. Вновь потянулась к нему, как к глотку воды в пустыне. Будь что будет! Здесь и сейчас мне нужно заполнить пустоту внутри, так пусть это будут мгновения нежности и сожаления!

Паладин поднял меня на руки и отнес под то дерево, под которым мы провели ночь. Уложил на собственный плащ, принялся раздевать, не прекращая поцелуев. Его нежность постепенно перерастала во что-то большее. Огонь охватил нас, едва мы прижались друг к другу обнаженными, кожа к коже, не чувствуя ни влаги, ни холода горного утра. Эта сладкая ласка нежить друг друга телами, пробовать на вкус, распаяя страсть. Мир закружился огромным куполом, а мы, такие маленькие, лежали в его ладонях, и он поднимал нас все выше, и выше, и выше, на самый пик наслаждения. На самый пик жизни... И когда Викир, застонав, навис надо мной, удерживая себя на руках, и мощным финальным движением толкнулся внутрь моего естества, я закричала, не сдерживая себя: ‘Я жива! Жива-а-а!’

Эхо еще долго повторяло мои слова, пока мы любили друг друга, страшась отпрянуть

хоть на мгновение. Прикосновения стали необходимостью, там, где мы отрывались друг от друга образовывалась холодная страшная пустота, которую оба торопились заполнить. Еще не раз в это утро нам казалось, будто в мире не существует никого, кроме нас. И когда мы, потные и совершенно измученные, наконец затихли, солнце уже стояло высоко над головами.

— Надо бы поесть... — задумчиво сказал паладин, зарываясь лицом в мои волосы. И засмеялся.

И я засмеялась следом, смаргивая непрошенные слезы.

Коли человек, чей клинок разил моих сестер, умудрился занять кусочек моего сердца, может быть, когда-нибудь, я смогу и простить убийцу своих родных? Простить тебя... отец?

Часть 3. Мой Фаэрверн

На Кардагане голубая дымка висела рыбацкой сетью, растянутой для просушки. Ранее мне не доводилось бывать здесь, хотя в горы я поднималась, но южнее, ближе к Фаэрверну. Мы с Викером остановили лошадей на том самом перевале, о котором говорил отец. Справа дорога обрывалась в пропасть, на дне которой шумел говорливый горный поток. Слева возвышалась над ней отвесная стена с уступами. С них ссыпались иногда, шурша, потоки камней и пыли. Опасное здесь было место...

За поворотом открылся вид на уединенную долину, где, на излучине реки стоял небольшой городок. Назывался он Кардалена, состоял из почти двухсот дворов, чьи хозяева в основном зарабатывали продажами овечьей шерсти и шкур. Туда-то мы и отправились чтобы заночевать и поискать сведений о человеке, которого отец назвал Безногим Ризом. За время пути я успела рассказать Викеру о судьбе Асси, умолчав самое главное — то, ради чего она нужна была Файлинну, зато отметив странное совпадение в наших с ней судьбах.

Внутри добротных каменных стен со сторожевыми башнями обнаружился лабиринт из узких улиц и деревянных одноэтажных домов. Строений из камня здесь было всего два — здание, которое занимал местный Городской Глава, и небольшой храм, на фронтоне которого двое мастеровых аккуратно разбирали витраж, изображающий сведенные ладони Великой Матери, в которых она держала чистую воду и зеленый росток.

— Зачем разбираете? — спросила я, кинув одному из трудяг, молодому парню, монетку.

— Приказ из столицы пришел, — охотно ответил тот, радуясь перерыву. — В соседнем городе у стекольщиков заказали изображение Единого, скоро привезут.

— А это куда? — я кивнула на аккуратно прислоненные друг к другу обрезы цветного стекла, которые мальчишка-помощник укутывал мешковиной.

— Известно куда — в пропасть скинем, и дело с концом! — проворчал старший из напарников.

Как ни больно мне было видеть пустующее, словно выколотый глаз, круглое оконце Храма, про себя порадовалась такой откровенной лжи — зачем вынимать, упаковывать и аккуратно складывать стекло, которое отправится в пропасть? Проще разбить на месте, да подмести осколки, чтобы не поранили прихожан. Нет, новую веру в Кардалене не приветствовали!

— Подскажи, добрый человек, — не отставала я, — а где здесь можно переночевать недорого и вкусно покушать? Ну и новостями разжиться...

Мастеровые переглянулись.

— Езжайте по этой улице до конца, потом направо вокруг рыночной площади. Аккурат рядом со школой будет постоянный двор для приезжих купцов. Называется 'Полный бурдюк', хозяйка добрая женщина и готовит вкусно.

Бросив еще монетку, ударила пятками свою лошаденку. Покосилась на Викера. Паладин на протяжении разговора не сказал ни слова и даже, кажется, старался не смотреть на Храм.

Пусто человеку без веры...

Отчего-то мне захотелось погладить его по щеке, прямо здесь и сейчас, но я сдержалась. Не знала, как он на людях воспримет мою ласку. Да, он открылся мне совсем с другой стороны, этот Воин Света, там, в горах, где мы были только вдвоем. Оказывается, у него была обаятельная улыбка, заразительный смех и нежные, умелые губы, которые дарили мне

блаженство. Но сейчас, мрачный, замкнутый и высокомерный, он более чем когда-либо выглядел паладином Его Первосвященства.

Постоялый двор был добротным и основательным. Удачное расположение — на перекрестке главных городских улиц, рядом с рыночной площадью, — залог успеха. Хозяйка, которая назвалась матроной Аделью, полная, пышущая здоровьем и энергией красивая женщина, властной рукой управляла и ‘Полным бурдюком’, и большим семейством, состоящим из мужа, троих сыновей с женами и детьми, и дочки-последыша пяти лет отроду. Все, кроме старшего сына, гоняющего отары в горы, работали в заведении маменьки, поддерживая в нем чистоту и порядок. На обед нам подали тыквенный суп с гренками и бараньи лопатки с тушеной морковью. Викиер, подумав, заказал еще и пиво и оказался прав — после долгой дороги по горным буеракам под палящим солнцем первые глотки показались просто восхитительными.

В зале было полно народу. Близился ярмарочный день, и торговцы, прибывшие из соседних поселений и городов, шумно здоровались друг с другом. Они явно приезжали сюда не первый раз и были знакомы.

— А мне все одно, кому из богов верить, лишь бы винишко продавалось! — громко хвастал за соседним столиком один из торговцев. — Я им, богам то есть, за все благодарен, за рождение там, силу в руках, но продажи вовсе не зависят от того, чей символ повесят на Храме!

— Ерунду ты говоришь, мил человек, — ответил ему из-за другого стола пожилой купец в богатом кафтане, — нельзя за раз уничтожить то, во что наши прадеды и прапрадеды еще верили! Тому, кто эти... реформы задумал, отойдется еще, вот увидишь!

Слово ‘реформы’ старик произнес, как будто это было неприличное слово, которое он вынужден говорить при детях.

— Точно! — поддержал третий, молодой купец. — Слухи ходят, что в столице люди среди бела дня пропадают с улиц! Не к добру это! А ну как и у нас начнут?

— Да у нас где им пропадать, людям-то? — подала голос из-за трактирной стойки хозяйка. — Разве конь на откосе оступится чей, или овца с обрыва сорвется! Свои все тайные тропы в горах знают, а приезжие, вроде вас, с дороги ни шага, особенно, ежели опытные!

— Дык по вашим дорогам, уважаемая Адель, и при свете ехать опасно! — хохотнул какой-то бородач у стены. — Надысь проезжал Кардаган, так чуть было каменюку макушкой не словил. Лошадь шарахнулась, еле удержал на краю, Великая Мать помогла, не иначе!

Трактирщица вздохнула.

— Лукавить не буду, почтенный, прав ты насчет Кардагана. Там надо верхушку горы срывать, чтобы обвалов на дорогу не было, а для того надобно магов из столицы выписывать. А откуда у нашего городишки такие деньги? Ладно хоть, лет двадцать пять назад, после той трагедии, Голова распорядился склон очистить от крупных камней да сетями укрепить, а не то каменюка твоя крупнее лошади бы оказалась!

— Это какая трагедь? — уточнил пожилой купец. — Когда карету с людьми в пропасть камнепадом сбросило?

Вспомнив метрику Асси, я едва не вскочила на ноги, но тяжелая рука Викиера, опустившаяся на плечо, удержала меня.

— Она самая, дядь Сём, она самая, — покивала трактирщица. — Жалко было, ужась! Особенно женщину с мальчонкой! Поломало их страшно! Да и поток тела побил. Когда доставали, уже и не опознать, только по одежде да размерам и ясно, где — кто!

Закрыв глаза, читала коротенькую молитву, пытаюсь заставить себя дышать ровно, а возбужденный румянец — уйти со щек. На душе было стыло, будто некто открыл дверь в прошлое и потянуло оттуда сыростью и холодом могильной земли. Вот так выглянет неожиданно прошлое из-за какого-нибудь угла, и покрываешься мурашками, словно страшную сказку услышал!

— Не сходится, — прошептал мне на ухо ар Нирн, мигом приводя в чувство. — Время не сходится!

— Что? — я смотрела на него, не понимая.

— Они говорят о событиях двадцатипятилетней давности! А Асси сколько?

Прижалась головой к его плечу. А ведь он прав! Или... была еще одна трагедия?

Подозвала хозяйку, заказала еще пива и пирог с тыквой. Похоже, здесь был просто какой-то тыквенный рай! Сказала, округлив глаза от ужаса:

— Какой кошмар то, что мы услышали! Ведь проезжали через это место! И много там людей погибло?

— Да после того случая боле никто, — успокаивающе улыбнулась матрона, — у мельника вот телегу сдвинуло на обрыв камнепадом, да он успел лошадь выпрячь, пока телега сползала. Хотя место опасное, что и говорить! У нас в народе его до сих пор кличут Прощением Богини. Мол, если проехал свободно, значит отпущены твои грехи, ну а коли, как вон тому, свезло с каменюкой — надобно о душе подумать!

— А вы не знаете никого по имени Безногий Риз? — поинтересовалась я, кладя в ладонь хозяйки монеты. — Ищем его по делу!

Та задумалась. С улицы послышались возбужденные голоса.

— Не припомню, — пожала плечами Адель, — безногих у нас вообще нет. Безрукие есть, — она засмеялась, — за воровство рубят руки-то... на главной площади у дома Головы.

Шум с улицы усилился. Наплывал, будто морской. Я ощутила, как напрягся мой спутник, увидела, как ладонь его скользнула к рукояти клинка.

— Да что там такое? — воскликнула трактирщица, направляясь к дверям, однако они распахнулись снаружи, и на порог забежал мальчишка.

— Птицы, — кричал он, — птицы летят! Там...

— Ну, птицы... — заворчала Адель, выходя, и вдруг ахнула, запрокинув голову.

Купцы и гости толпой повалили наружу. К шуму прибавились их крики: восторженные, испуганные, возбужденные.

Схватив Викера за руку, потащила следом за собой.

Они кружили над поруганным Храмом, и их были сотни и тысячи. Воронье и голубки, ястребы и стрижи, пустельги и ласточки, и даже несколько горных орлов с крыльями, напоминающими паруса. Кружили, не трогая друг друга, будто подчиняясь единому велению, и постепенно образовывали картину в небе: сомкнутые ладони, в которых плескалась вода и лежал росток...

Над площадью повисла тишина.

Стоящий рядом паладин протер глаза, словно не доверял собственному зрению. Посмотрев на меня, белыми губами прошептал:

— Что это такое?

А в моем сердце ширилась и пела светлая радость. Будто, подними я руки, окажусь там, в небе, рядом с крылатыми вестниками Великой Матери. Что все земные строения и богатства рядом с верой, живущей в сердцах? Ничто.

— Это знаки, — не отрывая взора от неба, ответила я. — Знаки, которые говорят...

— Вот! — раздался истошный вопль откуда-то из толпы. — Вот, видите? Я говорил, я предупреждал? А вы? Бога нам заменили, будто голову, и все молчат, как овцы? Так и на убой пойдете, молча? Толпой? СТАДОМ!

Приподнявшись на цыпочки, постаралась разглядеть кричавшего. Им оказался худой мужчина в порванной местами рясе, стоящий на коленях в пыли. Он был, раскачивался и выкрикивал до тех пор, покуда не подбежали женщина с юношей, не подхватили его под руки и не увели.

— Совсем отец Терентий сбрендил, — вздохнула стоящая рядом молодуха, держащая на руках толстенькую малышку с косичками и голубыми глазенками. Глазенки с восторгом внимали птичьему вальсу.

— Он болен? — осторожно спросила я. — Главою болен?

— Здоров был, — молодуха мрачно сплюнула в траву, — покуда не приехали из столицы эти... Воины Света... Да не принудили его публично отречься от Богини, запугав казнью домашних! Он все сделал, как они хотели: и отрекся, и веру новую принял. А едва они Кардаган перевалили, буйный сделался. С тех пор таким и остался... Ты смотри, доченька, смотри, — она перевела глаза на ребенка, и они даже посветлели от исходящей из них любви, — смотри на птичек-то! Так-то Великая Мать детей своих привечает!

Оттолкнув меня, ар Нирн ушел внутрь трактира. Сердце пронзило болью, будто оно было привязано к паладину тонкой ниточкой, которую он сейчас болезненно дернул. Но в это мгновение мое место было не рядом с ним. Мое место было рядом с несчастным отцом Терентием.

* * *

Викер ушел в комнату, которую они сняли с Тамарис. Ушел, не дожидаясь окончания чуда. Он слышал, как в зал внизу повалила возбужденная толпа, желающая срочно промочить горло, слышал крики и споры, восторженные восклицания, но слышать ничего этого не желал! Повалился на кровать ничком, накрыл голову подушкой. Попытался молиться Единому, однако слова как вымело из памяти тысячью птичьих крыльев. Стал вспоминать, какие чудеса являл им Единый и... в голову не приходило ничего, кроме лица Первосвященника. Бледного и бывшего бы красивым, если бы не высокие залысины и слишком узкие и яркие губы. Сколько ар Нирн помнил его, тот не старел, не менялся ни фигурой, ни лицом. Лишь залысины ползли выше, как пески пустыни, захватывающие оазисы. 'Разве мир и благополучие страны в наши тяжелые времена — не чудо? — вещал Файлинн в своих проповедях. — Разве спокойно спящие родные в ваших домах, улыбающиеся дети, Воины Света, готовые протянуть руку помощи любому — не доказательство могущества Единого?' Да, так и было... Перед глазами паладина вдруг вспыхнули языки пламени, в которые превращались, в том числе и его усилиями, горящие монастыри. Если доказательства существования Нового Бога так очевидны, зачем нужно было уничтожать людей и здания? Убивать целителей, посвятивших себя спасению людей? Или это для новой веры тоже доказательство и оправдание? Но ЧТО тогда это за вера такая?..

Он не выдержал, вскочил и ушел на улицу. О Тами даже не вспомнил — коли случается

у мужчины момент истины с самим собой, весь мир может подождать! Быстро шагая, добрался до выхода из города. Улицы и дома захлестнулись на шее петлей, от которой он задыхался. Паладин страшился поднять глаза в небо, ожидая вновь увидеть 'знаки', но небо было чистым и пустым. Утренняя голубая дымка развеялась, и горы предстали перед ним во всей красе. Им, величественным, древним, могучим, не было дела до человеческих вопросов о вере и о себе.

Он шел, не разбирая дороги, около часа. И вдруг за боковиной скалы открылся его глазам огромный луг, полыхающий огнем. Ар Нирн даже глаза протер и лишь после этого понял — лук зарос маками. Неправдоподобно огромными, яркими, величиной в две сложенные ладони... Опять эти ладони! Застонав, Викир упал на колени, уткнулся лбом в землю. Перед собой было не стыдно за слабость. Стыдно было за неправильную картину бытия, в которой он долгое время занимал свое место и прекрасно себя чувствовал. В последние дни он будто собирал осколки разбитого зеркала и складывал по порядку, желая его восстановить. И пусть пока не хватало нескольких, основное уже было собрано, измерено, осмыслено.

Бессмысленная жизнь...

— Эй, мужик, тебе плохо? — раздался голос над головой.

Викир застыл. Прошло первое побуждение — вскочить и обнажить клинок. Ему стало все равно. Мужчина, которого застали в минуту слабости, уже не станет бояться ничего, ибо самое страшное с ним произошло.

— Ну ты чего, а? — сильные руки потрясли его за плечи и вздернули.

Перед ним стоял не старый еще мужик, крепкий, сероглазый, в широкой соломенной шляпе. Смотрел не сколько с жалостью, сколько с сочувствием. И что-то такое он, видимо, разглядел в глазах паладина, что без слов взял его за руку и повел за собой — через маковое поле, в небольшую рощицу между двумя горными склонами, мимо пасеки, жужжащей на все голоса и пахнущей медвяной росой.

Дом его был небольшим, но добротным, сделанным с любовью.

Усадив Викира на скамью у окна, пасечник вытащил из печки горшок с теплой кашей, а из комода рядом — бутылку с мутной жидкостью. Разлил жидкость по стаканам, наложил себе и гостю каши, сунул ему в руку ложку.

— Поешь, — просто сказал он. — Хозяйка моя еще из города не вернулась, так что будет тихо и спокойно. Давай-ка, вот, выпьем!

Напиток был вкусным, щипал небо, сахарил язык. От первого стакана у Викира зажужжало в голове, как на пасеке. От второго живее пошло сердце, и кровь побежала по венам.

— Что за беда у тебя? — спросил хозяин, разливая по третьей. — Вижу, что беда, но помочь не могу, пока не скажешь!

Ар Нирн помолчал, подбирая слова. А потом вдруг ляпнул, позабыв их все:

— Ты веришь в бога, пасечник?

— Верю, — серьезно ответил тот. — Только не в конкретного такого бога, который говорит мне, что надо, а что не надо делать...

— А в какого? — искренне удивился Викир.

Мужик улыбнулся, кивнул в окно, в которое то и дело стукались любопытные пчелы.

— Вот в это все верю, парень! В небо и горы, в землю и воду, в пчелок своих, кормилиц...

— А как же бог?

— А это все и есть Бог... Коли есть все это — есть и Бог, парень, понимаешь? По-другому просто не может быть!

— А имя есть у твоего бога? Или это богиня?

Пасечник отпил из своего стакана, откинулся на спинку стула.

— Ты о Великой Матери спрашиваешь?

— О ней, — буркнул паладин, залпом выпивая брагу.

— И она тоже мой Бог, — кивнул собеседник, — мир есть, я есть, она есть, понимаешь?

В голове у Викера шумело камышом на берегу реки. Нет, он ничего не понимал!

— А — Единый? — хрипло спросил он. — Тот, кто несет людям правду?

— А вот про этого ничего не знаю, — засмеялся пасечник, — нет, я, конечно, не совсем пень лесной, в город выбираюсь с мужиками пивка попить, языки почесать, знаю про новые веяния. Но видишь ли, есть веяния, а есть Бог. Все просто! Веяния пройдут, через двадцать, сто, тысячу лет... А это, — он снова кивнул в окно, — это останется!

Задумался, разлил брагу по кружкам. Заговорил:

— Мир велик! Только тот, кто истинно велик может позволить себе быть добрым. А зло... Зло начинается с малого. Расскажу тебе одну историю, парень. Жил-был в нашем городе парнишка один, лентяй и лоботряс. Крепок был, руки из правильного места росли, да вот лень-матушку привечал. Однако ж кушать на что-то надо было, и придумал он себе занятие такое. На перевале выкопал яму, рано утром туда забирался, будто коротыш такой увечный, под рубаху подушку и пару башмаков, чтобы носы наружу. Торговцы мимо едут, а он плачется: ‘Помогите, люди добрые, безногому на пропитание!’ Караваны-то через Кардаган и по сих пор часто шастают. С одного торговца монетка, с другого — и безбедная жизнь обеспечена! Вот однажды он так-то уселся, а ему сверху на голову камешки просыпались. Он едва не обделался, думал, сейчас камнепад начнется, вот ведь прознала Богиня о его обмане честного людя! Чуть выглянул из-за уступа-то, смотрит, а там человек, весь в черном, камень на камень кладет. Что за диво? Вот так он и смотрел, рот открыв, да помалкивая на всякий случай. Как вдруг карета из-за поворота вырывается. Богатая такая, красивая, четверкой запряжена. Из окна детские лица — мальчишка постарше и девчонка, совсем маленькая, на руках у дамы. Все рыжие, как солнышки. Сердце у нашего калеки тут екнуло. Да испугался он человека в черном отчего-то. Так испугался, ажно сердце зашлось! Ему бы на дорогу выбежать, карету поворотить, предупредить, а он застыл с выпученными глазами... Тут черный сверху как на карету прыг, будто кот ночной. Сначала кучера порешил, потом того, кто сзади на козлах. Кони стали. Женщина вышла, рукой от солнца закрылась — лица не разглядишь, и спрашивает его: ‘Нас вы тоже убьете?’, а он ей ласково так: ‘Конечно, красавица!’ Она постояла мгновение, а потом к ногам его бросилась, обняла за колени, стала просить за детей, имена повторяла, плакала. Только не успел наш калека оглянуться, как она мертвая лежала. А он в карету полез. Мальчишка покричал немного и затих. А человек в черном все не выходит. Самые страшные мысли калеке тому в голову полезли, что он там с детьми делает-то... Тут тот вдруг вылез и девчушку держит на руках. Она не плачет. Смотрит на него серьезно, как будто что-то понимает! Он ее к спине ремнями привязал, женщину и мужиков в карету затащил и на гору полез. А там уж легонько так, пальцем, камни толкнул... Они и карету, и коней под обрыв снесли, долго эхо билось... Калека застыл ни жив, ни мертв. Глазами моргнул, смотрит — черный перед ним на корточках сидит. И спрашивает так ласково, как ту даму: ‘Ты все видел?’ Вот тут-то вся

никчемная жизнь у того калеки перед глазами и пронеслась. Вроде никому плохого не делал, — что торговцу станется от брошенной убогому монетки? — был простой лентяй, а оказался подручным убийцы, вот оно как повернулось-то! ‘Я тебя не порешу, — сказал ему черный человек, — этот раз у меня последний был! Но ты все-таки помалкивай, парень, а то ведь я и передумать могу!’ И пошел, посвистывая, прочь. Будто прогуливался.

У Викера давно пересохло в горле от волнения, но он совсем позабыл про брагу.

Собеседник замолчал, загляделся в окно. От уголков его глаз бежали морщинки белее, чем загорелое лицо, будто солнечные лучики. Такие бывают у людей, которые много и по-доброму смеются. Вот только сейчас в глазах пасечника не было радости.

— Тебя зовут Риз? — хрипло спросил Викиер.

Хозяин посмотрел на него с удивлением.

— Да, а откуда ты знаешь мое имя?

Перед внутренним взором паладина полыхнуло алым — то ли пламенем Фаэрверна, то ли маками Кардагана. Он нашарил в кармане горсть монет, ссыпал на стол. Встав, поклонился.

— Благодарю тебя за откровенность, человеке. И за сочувствие!

— Наше дело такое, — улыбнулся мужик, — мимо чужого горя не проходить. Тогда и сам счастливее станешь!

Уже на пороге ар Нирн обернулся.

— Забыл спросить тебя! А какие детские имена тот калека слышал от женщины?

Пасечник почесал в затылке.

— Мальчонку кликали то ли Джанисом, то ли Джарвисом... А девчонку — он точно запомнил! — звали Тамарис.

* * *

Из-за двери дома священника раздавался вой, подобный волчьему. Когда я входила, в моем сердце не было ни раздражения, ни досады, ни злости на человека, так легко предавшего нашу веру. Я знала, что он не предавал — иначе не был бы сейчас обезумевшим животным. Себя, себя самого предал, и это сводило с ума. Будь он целителем, через которого проходила Сила Богини, будь он чуть ближе к ней, знал бы — Великой Матери нет дела до слов. Мера человеческой жизни — дело!

Остановилась на пороге, разглядывая открывшуюся картину. Отец Терентий сидел на скамье у окна, забравшись на нее с ногами, как мальчишка. И выглядел бы смешно, если бы не напряженное белое лицо, затравленный взгляд. Рядом с ним расположился симпатичный парень, который потерянно смотрел в пол и изо всех старался не слышать тихого плача матери, раздающегося откуда-то из-за печи.

Увидев меня, парнишка вскочил, нахмутив брови.

— Кто вы? Что вам нужно? Уйдите, госпожа, нам сейчас не до гостей!

— Кто там, Тэри? — раздался голос матери.

Спустя мгновение она сама выглянула из-за печи, наверное, спешно вытирала фартуком заплаканное лицо.

Я улыбнулась ей и вошла. Отец Терентий скользнул по мне равнодушным взглядом, не прекращая выть, и снова устался в окно. А затем вдруг резко развернувшись, вскочил на

ноги и... замолчал. Застыл, шурясь на меня, как на солнце. Нерешительно, будто забыл нормальные слова, произнес:

— Тэна?

Тэна — обращение к жрице Великой Матери, простое короткое слово, в его устах зазвучало целой молитвой, гимном величию Богини — столько он вложил в него эмоций!

— Что же ты сделал с собой, брат мой, — ласково сказала я, подходя и беря его за руки, — зачем довел себя до такого состояния? Сядь рядом, давай поговорим...

Краем глаза увидела, как женщина, быстро направившись к двери, закрыла ее, и сделала знак сыну — тот задернул шторы. Все верно, в такое время надо опасаться косых взглядов и любопытных ушей!

— Тэна, — дрожащим голосом спросила жена отца Терентия, — вы и правда — жрица Сашаиссы?

Я кивнула. Отец Терентий не сводил с меня взгляда. В глубине его глаз я видела вихрастого мальчишку, однажды услышавшего Зов и посвятившего себя служению Богине. Он был хорошим священником — честным, строгим, справедливым. В дождь и слякоть, студеными горными зимами ежедневно обходил паству, для каждого находя шутку, слово утешения и поддержки — кому что нужно было. Встретясь в моей жизни подобный пастырь, может быть, и не росла бы я такой оторвой, не наделала бы всех тех глупостей, о которых теперь стыдно вспоминать.

Все эти мысли пронеслись в моей голове в мгновение ока. Стены дома, родные Терентия вдруг отдалились, а затем и вовсе пропали. Мы были с ним одни в центре огромной, сияющей чаши.

— Давай помолимся, брат мой, — тихо сказала я, — давай помолимся об избавлении тебя от отчаяния, ведь нет большего греха, чем оно. Все остальные — лишь его порождения. Ты помнишь слова молитвы? Бирюза...

— ...И мед...

Слова давались ему с трудом. Тяжело возвращаться из бездны, куда загнал себя сам, из горькой темноты, из остро пахнущего страха, из змеиных колец человеческой подлости.

Однако голос креп и становился громче, хотя Терентий все еще бормотал, торопился, глотал окончания. Слова молитвы выжжены на сердцах верующих, но для священников они подобны воздуху, без которого невозможно дышать и жить. Отец Терентий читал молитву, а я безмолвно просила у Великой Матери укрепить его дух, изгнать безумие, что он сам наслал на себя в качестве наказания. Однако Сашаисса не дала мне Силу, чтобы исцелить его. Она поступила иначе.

‘Оглянитесь...’

Мы с Терентием заозирались. Ощущение величайшего восхищения отразилось на его лице, и я знала, что на моем такое же. Не в чаше мы находились — в ладонях Великой Матери парили, словно облака, и бирюзовое небо, полное закатного меда, было синими глазами, что смотрели на нас с любовью, пред которой ни одно отчаяние, ни один страх не могли устоять. Вера — ощущение целой вселенной в сердце, но коли увидел эту вселенную воочию, никогда не забудешь, никогда не отступишь, никогда не сойдешь с Пути...

Священник плакал навзрыд, и слезы очищали его душу от страха, изгоняли отчаяние. Плакал, как ребенок, но ни следа безумия не было в его плаче, ни стонов, ни волчьего воя.

Видение мелькнуло и пропало, свет остался — в моей душе и в душе отца Терения. И лицо его стало светлым, будто источало сияние, а в руки вернулась сила. Подняв на меня

заплаканные восторженные глаза, он сказал:

— Пока на Храме будет другой знак, я не войду туда... Но в сердцах моих прихожан — храмы их веры, которые я боле не оставлю без присмотра! Тэна, благодарю тебя! Теперь я знаю, что мне делать!

— Не меня благодари — Её! — сказала я, целуя его в лоб, будто была гораздо старше и мудрее.

Жена Терентия и его сын стояли в стороне, обнявшись и глядя в нашу сторону с благоговейным ужасом. Что видели они, что чувствовали, когда Сашаисса коснулась нас? Того не знаю.

Я поднялась, кивнула им и вышла на воздух. Кинула взгляд в голубое пустое небо и, кажется, впервые с тех пор, как пал Фаэрверн, засмеялась легко и свободно. Отец Терентий вновь увидел свой путь. А я... Я его и не теряла!

* * *

Викер увидел, как Тамарис вышла из дома священника и засмеялась, запрокинув лицо к небу. И таким радостным и чистым был ее смех, что он едва удержал себя от порыва уйти, не говоря ей ни слова об услышанном от Риза, ибо нельзя мешать человеку, когда он ощущает счастье, ведь эти мгновения так редки, так драгоценны! Но было поздно. Она уже заметила его, и шла, улыбаясь. Невыразимо привлекательная рыжая бестия, в ореховых глазах которой плескалась странная синь, будто тень великой океанской глубины.

Ар Нирн отлепился от дерева, под сенью которого ждал Тами — видел, как она смотрела на безумца, понимал, куда погонит тэну ее вера. Шагнул навстречу и поймал ее в объятия. Смотрел жадно в сияющее лицо и думал, как такое возможно? Отчего эта женщина, с которой у него нет ничего общего, кроме предательства родных и нескольких проведенных вместе ночей, заставляет его сердце спотыкаться, сбивая четкий воинский ритм.

— Ты помогла ему? — спросил он, с удивлением замечая в собственном голосе требовательные нотки.

— Он сам помог себе, — ответила она, доверчиво прижимаясь к нему. — Пойдём погуляем? Поспрашиваем жителей о безногом?..

— Пойдём... — покорно согласился он и... повёл ее прочь из города.

В уединённой рощице на склоне горы, откуда видны были крыши Кардалены, усадил Тамарис рядом с собой и все рассказал, не утаив, не изменив ни одного слова. И ощущал себя палачом, видя, как тает, разбивается радость в ее лице, сменяясь недоумением, возмущением, ужасом.

Когда он произнёс имена, названные Ризом, она схватилась за голову с такой силой, что он испугался, и застонала.

А он, как дурак, сидел рядом, не зная, что сказать. Тамарис подняла на него напряжённый, тёмный взгляд человека, которому открылась истина, и прошептала побелевшими губами совсем не то, что он ожидал услышать:

— Её там не было!

* * *

Викер рассказывал, будто доклад читал — размеренно, чётко, ритмично. А в моей душе с каждым словом ширился ужас понимания. Я поверила паладину безоговорочно, потому что рассказываемое им совпало с признанием отца. Не Асси Костерн ехала в той карете через Кардаган! Это была я двадцать пять лет назад... Перед моими глазами вновь пронеслись метрики сестёр и послушниц. Я сожгла их все, кроме одной! Тогда мне это даже в голову не пришло, а сейчас оглушило, как хороший удар сармато: в тайнике моей метрики не было!

— Её там не было! — прошептала я, вновь видя вымаранное имя, поверх которого было написано имя Асси Костерн, и вспоминая строки письма тёти Клавдии.

Именно из-за них я вернулась в монастырь, чтобы уничтожить документы:

‘Дитя, привезённое в Фаэрверн, оказалось королевской крови — привезший ее человек поведал мне истинную историю девочки, ибо был наемным убийцей, нанятым неизвестным нанимателем через подставное лицо. Первый брак Джонора Великолепного закончился трагически. Королеву оклеветали, и она была вынуждена бежать вместе с детьми, иначе король забрал бы их, а её — заточил в монастырь...’.

— Тами, Тами, тихо! Ну что ты? Что случилось?..

Голос паладина звучал взволнованно, а в моей голове мысли бились всполошенными птицами. Атерис была моей сводной сестрой! После смерти первой жены Джонор женился повторно, однако вторая жена тоже не прожила долго, оставив ему дочь... И, кроме того, в Вирховене до сих пор существовало правило престолонаследия, по которому трон после смерти монарха занимал старший отпрыск рода независимо от пола! Старшим отпрыском рода был мой погибший на Кардагане брат! Следующей за ним в очереди на трон стояла... я!

Наверное, с выражением моего лица было совсем плохо, потому что Викер притянул меня к себе, как тогда, на ночёвке в горах, усадил на колени и принялся покрывать поцелуями. А я ощущала себя куклой. Бездушной куклой, которой играет Провидение. Онс было вольно обрядить меня в любой наряд, включая... королевский.

Дрожащими руками нашарила в кармане кулон, протянула Викеру. Тот взял его, кинул взгляд с удивлением.

— Откуда у тебя королевская лилия?

Значит, я не ошиблась.

— А где ты видел такую?

— У Её Величества Атерис. Знак лилии имеют право носить представители дворянства чей род насчитывает более пяти поколений, у меня тоже такой есть. Но корона в центре цветка указывает на членов королевской семьи.

Я смотрела на цветок с разноцветными лепестками, лежащий в ладони у паладина, и думала, что его, наверняка, касалась мама. Мама... Какое далёкое и непривычное слово. В моей жизни были только отец и вера, а, оказывается, существовала женщина, которая готова была отдать за меня жизнь!

— Ты знаешь молитвы Сашаиссы? — тихо спросила я. — Хоть какие-нибудь?

Он пожал плечами.

— Помню что-то такое...

— Прочти мне, — попросила я, — прочти как стихи, если не можешь воспринимать их святым словом! Пожалуйста... Мне это нужно!

Единый, он думал, что совсем позабыл эти слова, но они лились легко, будто песня, и его разум в этом вовсе не участвовал: гортань, язык и губы помнили то, что Тами милосердно назвала ‘простыми стихами’. Он видел всю степень её потерянности и ужаса, сопоставил факты и догадался о том, чем они были вызваны. Мэтресса Клавдия подделала метрику Тамарис Камиди, вписав в неё имя Асси Костерн! Но зачем? Чью историю она желала скрыть? Тамарис или Асси, появление которой в Фаэрверне, оказывается, покрыто мраком, так же, как и её происхождение?

А у него на коленях плакала та, что по законам Вирховена должна был сидеть на троне вместо шлюхи Атерис. Теперь Викир понимал, зачем был дан приказ паладинам ехать в Фаэрверн, нигде не останавливаясь, а затем немедленно возвращаться в столицу — Файлинн, спустя столько времени каким-то образом вышедший на законную наследницу престола, пытался довершить начатое двадцать пять лет назад.

Интересно было бы посмотреть на выражение его лица, когда он увидел вместо взрослой монахини пятилетнюю послушницу! Однако разговаривая в катакомбах с королевой, Первосвященник вёл себя так, будто оба ждали именно Асси, а Атерис так просто боялась девочки, требовала её немедленной смерти, как гарантии собственного спокойствия. Что-то здесь было не так!.. Что-то не сходилось, и от этого впору было сойти с ума!

Ар Нирн замолчал. Как ни страшно ему стало от всего происходящего, улыбнулся, уткнувшись лицом в рыжие волосы и вдыхая их запах, и прошептал:

— Моя королева...

— Что? — Тамарис смотрела на него огромными глазами. — Что ты сказал?

— Я...

— Никогда не называй меня так, слышишь? — она ударила его ладонями в грудь. — Это недоразумение! Стечение обстоятельств! Мы ошибаемся! Оба!

— Стам Могильщик тоже ошибался, когда говорил тебе правду? — мягко спросил Викир.

В его мире впервые появилось что-то, что нужно было ему самому, безо всяких указаний, и он не собирался никому это отдавать! И отчаянию в первую очередь!

Тамарис сникла. Сердито отёрла мокрые щеки. Забрала у него кулон и спрятала во внутренний карман куртки. Да, она уничтожила документы, но главным доказательством, как оказалось, были не они! Кто видел кулон и читал метрики, а после сообщил об этом Первосвященнику, теперь было не важно. Что делать — вот это действительно важно!

— Что будем делать? — спросил Викир, внимательно глядя на неё.

* * *

Нелегко давать ответ, когда в голове пустота такая, что, кажется, слышно, как воют сквозняки.

— Он рассказывал тебе о матери? — продолжил спрашивать паладин. — Ну, хоть что-нибудь?

— Однажды обмолвился, что она умерла в родах, — нахмурилась я, вспоминая.

— Показывал тебе её портрет?

— Нет, — я растерялась. — Зачем? Я никогда не спрашивала!

— Не спрашивала? — удивился он. — Никогда не скучала по маме?

Я замотала головой. Мне даже в голову такое не приходило, поскольку отец был рядом всегда, и мне казалось, что так и должно быть! Я помнила его улыбающееся лицо над своей кроватью, но ещё более ранним воспоминанием был глуховатый голос, которым он пел мне глупые детские колыбельные. И запах, запах родного человека...

Объятия Викера казались почти такими же сильными, как отцовские, такими же бережными, но... родными пока не стали! Впрочем, я была благодарна паладину и за них. Прижавшись щекой к его широкой груди и закрыв глаза, позволила себе несколько минут тишины и пустоты от мыслей. Ничего нет. Ничего не было... Мы с ним одни, как единое сердце, которое бьётся, ибо живо!

— Знаешь, — вдруг сказал он, — когда мы сидим вот так, у меня спокойно на душе... Тихо, что ли... Даже в храме, после молитвы, такого не было!

‘Может быть, ты не тому молился?’ — чуть было не ляпнула я, однако вовремя сдержалась. Запрокинула к нему лицо. Двое стремятся в огонь любви, как бабочки — к свету, не думая о гибели! И как бабочки в паутине, мы с Викером запутались в наших отношениях. Мы, такие разные, как огонь и лёд, как небо и земля, как... монахиня Великой Матери и паладин Первосвященника. Нам бы бежать друг от друга, но с каждым днём мне все сложнее думать, что однажды он предаст меня, ибо того потребует его вера!

Он смотрел на меня сверху вниз серьёзно и печально. Неожиданно я поняла, что всё бы отдала, лишь бы избавить его от груза того, что он натворил, повернуть жизнь вспять, заставить его ступить на другой, близкий мне путь, который никогда не привёл бы его в Фаэрверн с обнажённым мечом в руках и пылом фанатика в сердце! От любви до ненависти, говорят, один шаг. От ненависти до любви — долгая дорога, начавшаяся на дымящихся развалинах обители, ставшей мне вторым домом...

Дрожащими пальцами я коснулась его сурово сжатых губ. Эта складка в углу рта появилась недавно — жёсткая полуулыбка, будто он постоянно насмехался над иронией судьбы, давшей ему в убийцы родного брата. Викиер, Викиер, как же мне спасти тебя?

— Тамарис... — беззвучно прошептал он, ловя губами мои пальцы и дыша на них теплом. — Тами...

Его ладони стали жёсткими. В них появилась сила, которая зажгла меня, как сухой мох от искры. У меня было много мужчин, — Богиня да простит мне как юношеские безумства, так и лёгкие, необременительные отношения во взрослый период жизни! — но ни с одним из них я не заводилась так, будто давала обет celibата, а потом преступила его! Закинув руки паладину на шею, с наслаждением вцепилась в мощные плечи, потёрлась грудью о его грудь. Каждое движение доставляло радость, простую радость бытия, каждый его поцелуй возвращал меня из мира теней, куда тянула память, заставлял ощущать себя живой. Горячие пальцы проникли под рубашку, огладили мою спину длинным, медленным движением, исполненным желания. Он был полон страсти, этот суровый с виду Воин Света, скрытой страсти, проявляющейся не с каждой женщиной. Мне хотелось думать, что только со мной он такой, женское самолюбие — самая упрямая вещь в мире! Однако я понимала — это не так! Его жизнь для меня, также, как и моя — для него, была тайной за семью печатями. Единственное, что я знала — королеву Атерис он не захотел! Интересно, почему?

Эта маленькая женщина была полна огня, который заставлял ар Нирна вспыхивать мгновенно. Только что плакала безутешно, и уже, постанывая, покусывает его губы, шею, грудь, распаяясь сама и распаяв его, бесстыдно тянет его рубашку из-за пояса брюк, шарит по нему сильными руками, сжимая ощутимо везде, куда может дотянуться. Хорошо, что есть близость — как пауза между мгновениями, как вздох перед шагом в бездну...

— Отчего ты не захотел Атерис? — спросила она в перерывах между поцелуями.

Слова подействовали на Викера, словно ушат с холодной водой. Он застыл и даже отодвинулся, будто она только что осквернила святыню. Впрочем, так и было — впервые он ощущал чувство к женщине чувством, а не простой похотью, а она вспомнила ту, которую вполне можно было считать символом греха!

Ответил, с трудом выталкивая слова:

— Не хотел её...

— Но она — красивая! — не отставала рыжая. — Любому было бы лестно, захоти его сама королева, разве не так?

Да, ему тоже было бы лестно, если бы не лязгала в нежном голосе сталь приказа! 'Ложись, мой рыцарь, — приказала Атерис, жадно облизывая губы. Зрачки у неё были ненормально расширены. — Ложись и докажи мне, что ты — мой!' Он знал тех, кто с удовольствием исполнял подобные приказы, его брат был одним из них. Знал и тех, кто не решился отказать... Более того, понимал — отказ обеспечит опалу. Но не мог заставить себя сделать это. Захоти он её первым, всё было бы по-другому! Но, глядя в блестящие от желания голубые глаза Атерис, ар Нирн чётко осознавал: он не желает становиться спальным мальчиком! И, вознеся молитву Единому об укреплении духа, ответил: 'Нет!'

— Не знаю, — буркнул он и, столкнув с себя женщину, поднялся, оправляя одежду.

Тамарис растерянно смотрела на него, сидя на земле.

— Викиер...

Он раздраженно дернул плечами, стягивая шнуровку у ворота рубашки. Прошлое не изменишь! Вопрос королевы и его ответ запустили неумолимый маховик судьбы. Жалел ли он о своем 'нет'? Нет! Жалел лишь о потере брата. Думал, как и чем помочь ему, и с горечью понимал — слишком поздно. Душой и телом Астор ар Нирн предан своей греховной страсти.

Тами встала, подошла сзади, остановилась рядом. Оба смотрели на живописно раскинувшуюся внизу Кардалену, на яркие крыши, на колокольню храма, над которой кружила голубиная стая.

— Мне не следовало спрашивать об этом, — помолчав, сказала рыжая. — Викиер, ты простишь меня? Все это не мое дело!

И так она сказала это 'не мое дело', будто и не было между ними минут близости. Отчего-то собственное раздражение показалось Викиеру пресным по сравнению с ее словами.

— Все это в прошлом, — буркнул он. Не зная, как сказать ей 'прощаю', ляпнул: — Хочешь увидеть маковое поле? Такое красивое!

Она доверчиво вложила свою руку в его. От этого движения сердце ар Нирна заныло, словно готово было проститься с ней! Простые движения — рука в руке, поцелуй, голова, склоненная на плечо — давали такое острое ощущение бытия, что становилось больно. Мир приобретал четкость и краски, и выглядел совсем не так, как раньше. Почему только рядом с ней? Единый, почему?

Не говоря более ни слова, он повел Тами туда, где встретил Риза. Остановился на краю

поля, давая ей время осознать его великолепие. Тамарис широко распахнула глаза, в которых отражался алый, шагнула с тропинки в заросли. Нежные лепестки цветов казались призрачными, нежными, невозможно тонкими и трепетными. В них играли золотинки, смущенно взблескивали, когда цветы клонили головки к земле при порывах ветра. Над полем стояло мерное гудение — это пчелы собирали нектар, перелетая от цветка к цветку.

Тамарис медленно шла вперед, словно прислушиваясь к себе. Вела ладонью по нераспустившимся бутонам и раскрытым цветам. Казалось, она пребывает в трансе.

Гул усилился. Насекомые поднимались в воздух, собирались над головой монахини в медленно кружащую воронку.

— Тами! — обеспокоенно крикнул Викар. — Посмотри наверх!

Она остановилась, запрокинула лицо.

Какое-то мгновение паладину казалось, что пчелы сейчас набросятся на нее, и он замер в ужасе, лихорадочно раздумывая, что предпринять. Но вдруг от пчелиной воронки, ставшей густо-черной и медлительной от обилия насекомых, отделилась тонкая нить, оформившаяся в четко выраженный знак стрелы. Потянулась на запад, разматывая воронку, словно клубок ниток.

Открыв рот, Викар смотрел, как тянется и исчезает за полем, за горизонтом пчелиный рой, удерживающий знак. Как падает на колени в маковую красноту Тамарис, глядя в небеса и безмолвно шепча молитву. Как на миг выглядывает из-за тучи солнце, лаская ее хрупкую фигурку лучом, заставляя рыжие волосы вспыхивать огнем. Ар Нирн однажды видел прежнюю королеву. Родители взяли его с собой ко двору, и он с восхищением разглядывал не столько трон с сидящими на нем правителями, сколько рыцарей, охраняющих залу. Потому и запомнил Её Величество смутно... Яркой лентой мелькнула в памяти красно-рыжая коса, длинной в пол, кажущаяся огненной!

Тамарис...

Он знал, что следует делать!

Она уже стояла рядом, и в глазах, как и тогда, плескалась странная синь.

— Есть пророчество, Викар, — сказала она, — пророчество о земном воплощении Великой Матери!

* * *

Я поведала ему о знаках, которые должны указать на проявление Сашаиссы в человеческом облике в мире людей, но понимала — он не верит мне. Паладин видел два из них, однако в душе не мог или не хотел соотнести увиденное с тем, что я рассказывала. У меня же не было никаких сомнений: она уже бродила неузнанной среди нас, где-то на западе — именно туда указывали знаки: улетевшие птицы, направляющая стрела пчелиного роя. Наверняка, в других местах люди наблюдали похожие явления.

В пророчестве говорилось о том, что Богиня, любящая своих детей, не раз и не два защищала их от зла, пришедшего извне, каждый раз становясь человеком и погибая в битве, чтобы вновь возродиться божественной сущностью. Но, неустанно изыскивая зло среди людей, она спешила делать добро — исцелять их души и тела, соединять сердца, даже разбитые склеивать заново, даря новый смысл жизни. Человеческий срок Воплощённой был недолог, однако именно в его границах прекращались войны и эпидемии, находились новые

чудодейственные средства исцеления опасных болезней, некоторые страны совершали эволюционный рывок, принимая законы, которые были написаны не ради самих себя, но ради народа. Появление Сашаиссы сейчас давало надежду, что моя несчастная родина, наконец, освободится из-под пяты Первосвященника, и более никогда не будут гореть обители, уродоваться храмы, погибать люди из-за ‘не той’ веры! Конечно, вряд ли Великая Мать снизошла до нас из-за него, Первосвященника Файлинна, наверняка, нашлась более серьёзная причина, но любое её появление среди людей влияло на нас благотворно, касаясь лучших струн души, возрождая свет в душах. Моё милосердие к паладину не было ли приметой того же?

Викер с силой потёр лицо. Как человек, который проснулся не до конца.

— Идём, я хочу тебе кое-что показать.

Взяв меня за руку, потащил за собой. Я несколько раз оглянулась, запоминая маковое поле, отныне ставшее для меня священным.

Мы вернулись в Кардалену, и паладин отвёл меня... в местную школу. Аккуратное каменное одноэтажное здание стояло неподалёку от трактира, в котором мы остановились. С силой, напугавшей даже меня, он застучал в запертые двери. Послышался звук отодвигаемого засова и на стук выглянула суровая могутная старуха с палкой в одной руке и связкой ключей в другой.

— А ну-ка не балуй! — потрясла она палкой перед носом у Викера, вовсе не испугавшись его. — Вот я тебе! Чего надо!

— Простите, матушка, нам бы какую-нибудь книгу о королевской династии Вирховена посмотреть! Очень надо! — смиренно попросил он.

Старуха подозрительно посмотрела на него, пожевала бледными губами, видимо, размышляя на тему ‘ходят тут всякие’, но дверь перед нашими носами не захлопнула. Развернулась и пошла по коридору, постукивая палкой о дощатый пол. Мы последовали за ней.

— Вот! — опустила она на стол в одной из учебных комнат запylённый талмуд, на котором старовирховенской вязью было начертано: ‘История королевского рода правителей Вирховена, от самого Крисса Великого начатая и во тьму времен уходящая’.

Я замерла, словно змею увидела. Только сейчас поняла, что именно паладин хочет показать мне. Портреты моих настоящих родителей!

Мама!

В носу защипало, перехватило горло. Как я жила столько лет, не повторяя этого слова? Почему сердце молчало, не звало в тоске? Может быть, потому, что отец давал мне любви с лихвой? И когда мы поссорились, мой мир разбился стеклянной игрушкой, заставив меня искать новый смысл жизни? Смысл, который я нашла только в Фаэрверне?

— Смотри! — Викер развернул ко мне талмуд.

На меня с миниатюр, украшенных орнаментом, смотрели лица отца и матери. Как выглядел Джонор Великолепный, я знала, а вот её, королеву Сильмарис, видела впервые. Ниже располагался портрет моего старшего брата, принца Джаниса. Даже плохонькая миниатюра без всякого сомнения указывала на явное сходство.

Ар Нирн захлопнул книгу. Положил сверху монетку.

— Благодарю, матушка!

— И тебе не хворать, соколик! — разом подобрев, отвечала та.

Только на улице я осознала, что Викер вновь ведёт меня за руку, на этот раз в трактир.

Перед глазами стояли их лица. Мамы и брата. И Стама Могильщика, которого я называла отцом...

* * *

У Тамарис была маленькая и крепкая ладонь, немного шершавая от каждодневных упражнений с сармато. В руке Викера она ощущалась птицей, замершим, едва подрагивающим сгустком тепла. И это ощущение разогревало сердце до самого высокого градуса. Он удивлялся сам себе — вспыхивал от страсти, едва она тянулась ему навстречу, но желал сберечь другое, вот это чувство тепла в душе. И почему ему так нравилось водить её за руку?

Они вошли в комнату, которую сняли в таверне. Викир затворил и запер дверь. Тамика казалась задумчивой, но растерянности и горечи больше не было в ореховых глазах. Будто она приняла какое-то решение, позволявшее ей двигаться дальше.

— Викир, — она остановилась у окна, отвернувшись от него, — если мы выживем, покажешь мне могилу отца?

Он внимательно посмотрел в прямую спину. Спросил бы, простила ли она Стама или полна мести, но страшился задать неуклюжий вопрос, который отдалил бы их друг от друга, вот как она, не подумав, ляпнула об Атерис.

— Я не могу простить его, — резко развернулась рыжая, словно отвечала на невысказанное, — пусть Богиня простит... Но я буду помнить человека, который учил, воспитывал и любил меня! Буду помнить его как отца!

В тесной комнатухе могучему паладину было достаточно сделать один шаг, чтобы обнять её. Она приникла к нему, прижавшись щекой к груди и затихла. Насмешливая, сильная, резкая... Маленькая, одинокая, недолюбленная... Викир задохнулся от нежности.

— Давай выпьем? — вдруг сказала Тамарис. — Мне кажется, у нас есть что отметить!

— Поводов полно, — улыбнулся ар Нирн, — например, солнце взошло...

Она засмеялась и полезла в свой дорожный мешок.

— Кардаленское пиво слишком слабое... Где-то у меня была фляга с трептангой!

Однако вместо фляги на свет появилась... старая тетрадь в сафьяновой обложке. Рыжая тихо охнула и села на кровать, держа тетрадь перед глазами.

— Что это? — Викир сел рядом.

Она не сопротивлялась, когда он вытащил тетрадь из её пальцев и раскрыл. Надо же, райледские письма! Ар Нирн не видел их уже пятнадцать лет, с тех пор, как покинул отчий дом, встав на стезю Воинов Света. Пробежал глазами по строкам — многое забылось, но основной смысл он понимал. В его роду, который вёл историю из тьмы времён, знания райледов передавались из поколения в поколение. Конечно, какая-то часть терялась, однако язык, как основа культуры предков, сберегался особенно тщательно.

Некая женщина вела дневник, доверяя ему свои нехитрые тайны — о ссоре с братом, о решении стать монахиней Великой Матери, о самообразовании и работах в монастыре... В Фаэрверне!

— Ты... читаешь? — послышался изумлённый голос Тамарис.

Она жадно следила за ним.

Викир кивнул.

— И понимаешь, что там написано?

Снова кивок.

— Переведи!

Паладин улёгся на кровать, похлопав себя по плечу. Тамарис уютно устроилась рядом, положив голову ему на грудь, и приготовилась слушать.

* * *

Сквозь дымку лет вставляли передо мной события того давнего времени. Я видела тетю Клавдию юной монахиней, с незаживающей раной в душе из-за вечной тревоги о непутёвом брате. Каждую ‘главу’ дневника она заканчивала молитвой о людях и, отдельной, о нём. О моём отце.

Вместе с ней я, волнуясь, переступала порог Фаэрверна — записи начинались с прибытия в монастырь. Перед моими глазами проходила череда исцелённых ею людей, успехи и неудачи сначала монахини, затем сестры-привратницы, а после и мэтрессы Клавдии. Я знала, что искусство целительства на заре времён было передано райледами избранным женщинам, ставшим первыми мэтрессами новых обителей. Сёстры рассказывали нам, послушницам, об этом, показывали странные округлые закорючки и значки — райледские письма. Однако для меня, как и для большинства других простых монахинь, осталась тайной передача языка вместе с искусством излечения болезней. Языка, который, оказывается, ещё помнили в древних вирховенских родах, подобных роду ар Нирнов.

Клавдия всего несколькими предложениями описала моё появление в монастыре. Не открывая истинного положения вещей, упоминала, что, признавшись ей в том, кто я есть, брат не удивил её, не удивил и тем, как я попала к нему. Последующие страницы посвящались проблемам, начавшимся в связи с разрастанием новой веры. Мэтресса беспокоилась, её наполняли самые недобрые предчувствия, пока однажды...

Викер неожиданно замолчал.

Я приподнялась на локте, вглядываясь то в его лицо, то в недоступную мне страницу дневника.

— Что там?

Паладин сумрачно посмотрел на меня.

— На этом дневник заканчивается. Из него вырваны страницы. Лишь вот здесь, внутри на обложке, имя какой-то сестры Кариллис.

Сестра Кариллис! Когда я появилась в Фаэрверне, она уже была очень стара, хотя и исполняла со всем тщанием почётные для каждой обители обязанности сестры-привратницы. Правда, на ногах держалась плохо, потому у входа в монастырь ей оборудовали беседку с удобной скамейкой, где она, окружённая помощницами, просиживала весь день, пока шли просители и паломники. Уничтожая метрики, я сожгла и её, запомнив адрес родных. Деревенька Буланный Яр располагалась в той же земле Костерн, что и Фаэрверн. Вот только, была ли сестра до сих пор жива?

— И куда мы отправимся теперь? — вдруг спросил Викер. Оказывается, он внимательно вглядывался в моё лицо, словно пытался прочесть мысли. И прочитал!

Моя интуиция кричала об опасности. Вправе ли я была подвергать ей своего спутника?

— Мне нужно в местечко Буланный Яр, что в Костерне. Но тебе не стоит ехать туда со

мною, Викиер!

— Почему, Тами?

Я покачала головой.

— Не знаю. Кроме того, я чувствую себя человеком, который не держит слова, ведь свою часть сделки ты выполнил с лихвой! А я так и не помогла тебе встретиться с братом!

Паладин помрачнел.

— Не так уж я жажду встречи с Астором на самом деле! — буркнул он. — Ты думаешь, я не знаю, что увижу в его глазах? Ненависть и морок проклятой Атерис! А ведь однажды он признался, что любит меня! Мы были мальчишками, сидели под старым тисом на лугу, и я заклеивал листками подорожника его рану — он сильно ободрал руку о сук, когда мы лазили на дерево. Такой он был смешной... Волосы пушились, как у цыпленка перья...

Он резко замолчал. Просто замолчал — не отвернулся, желая скрыть от меня собственную боль!

И я потянулась к нему, как к морозному узору на окне, мечтая согреть дыханием...

И он потянулся ко мне, как к последнему вздоху, заключил в объятия, сминая своими губами мои губы, делясь чем-то, так напоминавшим отчаяние...

Задышавшись от желания, мы упали на кровать. Пальцы бестолково тыкались в одежду, расшнуровывая, расстегивая, срывая. Нам просто необходимо было прижаться друг к другу, кожа к коже, словно без этого ощущения сердца перестанут биться. Словно они бьются только ради этого...

* * *

Боль сверлила сердце, но она исчезла, стоило только Викиеру прижать к себе Тамарис. Обнаженные, сплетенные, будто виноградные лозы, оба тяжело дышали... С ней каждый раз был, как первый, это он уже заметил. Страсть достигала высшей точки, но разрядки не давала, лишь желание повторить близость, дарующую пустоту в мыслях и покой в душе. Среди бушующих страстей двух людей, желающих друг друга, в сердце разливалось тепло, изгоняя боль воспоминаний.

Застонав от прикосновения щекой к бархату ее кожи, Викиер повел губами дорожку по плечам, по грудям, между ними, нежно лизнул соски. Но рыжая тянула его вверх, ей было важно поймать его рот своим, важно обхватить его бедра длинными сильными ногами и, вскрикнув, подтянуть тренированное тело, насадить себя на его член, замерев на миг, баюкая ощущение слияния. В этот момент, с напряженным порозовевшим лицом, с огромными дышащими зрачками, с припухшими от желания губами, с волосами, разметанными по простыне языками пламени, она была прекрасна и не на человека походила — на божество! Подхватив её одной рукой под ягодицы, Викиер начал двигаться, повинаясь силе рук, вцепившихся в его плечи, спину. В глазах Тамарис плескалось безумие страсти, в движениях её совершенного тела он ощущал неукротимость настоящей женщины и понимал, что не хочет ни с кем этим делиться! В нем проснулся собственник, желающий в одиночку наблюдать поволоку в ореховом взгляде, слушать стоны и прерывистые мольбы: 'Еще... еще... Прощу тебя!' В какой-то миг он потерял себя, потерял контроль, ибо достиг той грани ощущений, что делает для мужчины весь мир цвета взрыва. А придя в себя, понял, что и она видела эти цвета! Повернулся, укладывая её себе на грудь. Легко, невесомо она

положила голову к нему на грудь и смежила веки. На алых губах играла улыбка. Отчего-то ар Нирна эта улыбка поразила. Как бутон розы, выросшей на пепелище. Жизнь не собиралась останавливаться, даже если кто-то не знал, как жить дальше, совершив ошибку. Судьба должна была сделать их врагами, а вместо этого стянула одной веревкой, да так крепко, что он не представлял уже другой улыбки, кроме этой!

— Поспи, Тами, сердечко моё, — прошептал он, касаясь губами её чистого лба.

Её ресницы затрепетали в ответ и затихли. Паладин рассмеялся беззвучно — все у них наоборот! После страсти обычно засыпает мужчина, но у него, Викера, сна ни в одном глазу, а она уже сопит, как ребенок. И улыбается во сне.

Мгновения утекали, как песок сквозь пальцы, а ар Нирн смотрел на Тамарис, не желая упускать ни одного из них. И понимал — рядом лежит ЕГО женщина. И он готов на что угодно, лишь бы проводить с ней ночи и дни вместе, и хотя бы иногда видеть на её устах ТАКУЮ улыбку. Мир представлялся тенью, но его солнце было рядом. Было с ним.

Шевельнулось в душе сомнение червячком, пытавшимся прогрызть крепкое румяное яблоко. Мать как-то сказала ему, что в жизни каждого человека есть две самые важные вещи — это любовь и вера. Став взрослее, он вполне понял ее слова про веру, ибо всем сердцем поверил в Единого, как в того, кто принесет всем обездоленным лучшую жизнь! Но над словами насчет любви посмеивался. Ни одна женщина не заставляла сильнее биться его сердце, разве что яйца — напрягаться от желания. А сейчас... Сейчас он со стыдом признавался, что мать была права. Жаль, он не особенно слушал то, что пыталась донести до него, все казалось, он умнее ее и сам знает, как жить верно! ‘Любит ли Астор Атерис?’ Вопрос возник в голове неожиданно, будто нашептал кто. Викиер на мгновение даже перестал перебирать пальцами рыжие локоны Тами. А действительно, любит ли брат её или испытывает сводящую с ума похоть? Может быть, королева опоила его каким-нибудь зельем, которое заставляет мужчин думать только нижней головой? Он полагал, что, поговорив с Астором с глазу на глаз, сумеет это понять. Возможно, он был наивен, ведь ответ лежал на поверхности. Снова вспомнился рык брата, вбивающегося в белое нежное тело королевы. Так рычат собственники, не собираясь отдавать добычу... Он и сам недавно издавал подобные животные звуки, подгребая под себя рыжую!

Тамарис завожилась, отвернулась от него, подложив под щеку его ладонь. Викиер тоже развернулся, прижался к ней сзади, согнул ноги в коленях, чтобы прижать и их. Женщина — продолжение своего мужчины. Мужчина — отражение своей женщины. Ему показалось, что они даже дышат в унисон. И от ее спокойного, медленного дыхания потянуло сладкой негой.

Ар Нирн поцеловал Тами в затылок, вдохнул ее запах, и, улыбаясь, провалился в сон.

Снился ему Первосвященник. Вроде бы сидели они с ним за каким-то столом и играли в кости. В настоящие кости. Красивое лицо Файлинна было задумчиво, он выбрасывал из стакана то косточки от фаланг пальцев, то ключичные косточки, толкал их длинным пальцем, разглядывая какие-то одному ему видимые знаки.

— Викиер ар Нирн, — наконец, произнес он своим обволакивающим голосом, — мой преданный мальчик! Я помню тебя еще юношей, полным желания сделать этот мир лучше! Помню, как ты помогал целителям в больницах и приютах, когда в Вирховен пришла эпидемия кровавой лихорадки! Ты следил за каждым моим словом, выполнял любое мое указание, словно от этого зависела твоя собственная жизнь! Ты никогда не сомневался ни в себе, ни в своей вере, и казался мне чистым алмазом, настоящим Воином Света! Неужели такая ничтожность, как предательство не очень умного брата и страсть распушенной

королевы, могла заставить тебя отвернуться от нашего Бога? — Файлинн подвинул ему стаканчик и покачал головой. — Я не верю в это, Викар! Твой ход!

Ар Нирн взял стаканчик, накрыл ладонью, потряс. Раздался такой звук, будто в нем находилась лишь одна маленькая косточка. Странно...

Первосвященник вдруг наклонился к нему, обдавая горячим дыханием. Таким горячим, что коже становилось больно. С его лицом было что-то не то — он текло, как патока, из глазниц вдруг выполз туман, окрашивая радужки в пугающие цвета.

— Бросай! — приказал Файлинн.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Викар выполнил приказ. Перевернув стаканчик, прихлопнул доньшко рукой. На его ладонь легла ладонь Первосвященника: холодная, твердая и царапучая, как весенний наст. Этого человека изнутри жгло адское пламя, но снаружи покрывала ледяная корка мощнейшей силы воли!

— Приведи ко мне Тамарис, — обжигая его дыханием, приказал Файлинн. — Приведи — и я отдам тебе и Астора, и Атерис! В твоё полное распоряжение!

Он резко отдернул ладонь, освобождая Викара от захвата стальных пальцев. Тот поднял стаканчик.

На каменной плите стола лежал кулон — самоцветная лилия с золотой короной в центре.

* * *

Мы остановили лошадей на обрыве и смотрели вниз — в заросшую лесом долину. Выбирая дорогу с Кардагана в Буланный Рог поехали не той, что прибыли сюда из Фаэрверна, и вот результат!

— Кажется, мы заблудились! — констатировал Викар. — Тами, надо было ехать торным путём!

— Но ты сам сказал, что нам лучше скрываться! — возмутилась я. — Поэтому мы и свернули на эту, заброшенную.

Паладин почесал в затылке. Таким простым, не величественным жестом, что мне тут же захотелось его притянуть к себе и поцеловать. Викар ужасно нравился мне... И это пугало.

— Темнеет, — сказал он, наконец, — нет смысла поворачивать назад — там только камни вокруг. А в Кардалену вернуться до наступления темноты мы уже не успеваем. Спустимся в долину, по крайней мере, там есть растительность, а значит, сможем запалить костёр и приготовить ужин.

— Может быть, там, внизу, будет какое-нибудь поселение? — с сомнением протянула я, трогая лошадь и разглядывая раскинувшиеся внизу дебри — хвойные и оттого мрачные.

Огромные ели с темно-зелёной кроной отчего-то всегда приводили меня в подавленное настроение, хотя воздух пах землёй и влагой, хвоей и травой, всем тем, что я любила.

Спустя пару часов пути дорога исчезла вовсе. Между хаотично растущими стволами, толщиной напоминавшими колонны, не было намёка даже на тропинку. Под кронами уже таились тени — ещё немного, и вовсе стемнеет.

— Дальше в лес не пойдём! — упрямо ответил Викар на мой укоризненный взгляд, и спрыгнул с седла. — Устроим ночлег прямо здесь, всё равно тут тише, чем наверху!

Я пожалала плечами, спешила. В этом он был прав — в горах гулял ветер, и скрыться от него было невозможно.

Мы набрали веток и запалили костёр. Поджарили ветчину и хлеб, выложили на холстину овощи. Разговаривать в безмолвии, царившем вокруг, не хотелось. Казалось, лес прислушивается к нам настороженно, потому что настроен враждебно. И от этого ощущения холодок пробежал по спине. Сидели друг напротив друга, молча жевали, запивали еду горячей водой с вином — котелок и другая утварь для путешествий нашлись в седельных сумках моего отца.

После ужина я, отойдя чуть в сторону от костра, опустилась на колени на влажный мягкий мох, закрыла глаза и принялась молиться. Раньше я делала это ежедневно, в монастыре — утром и вечером, в разъездах — как позволяло время, которого у целителя иногда вовсе не было даже на то, чтобы поесть, но обязательно выкраивала несколько минут в день. С тех пор, как я покинула Фаэрверн, обычную молитву почти не произносила. Обычная, не целительная молитва, просила у Богини вразумить всех живущих, уберечь от дурных дел и помыслов, любить друг друга. Священники Великой Матери знали множество вариаций основных молитв — на все случаи жизни. И одну из них я пыталась сейчас произносить, но понимала, что мне что-то мешает, как зудящий над ухом комар. Как неожиданный крик разбуженной птицы в глухом безмолвном лесу. Как гнилостный запах от грязевого пузыря, вдруг поднявшегося над поверхностью болота.

Под закрытыми веками в ответ на безрезультатно произносимые слова не разгоралось сияние, обнимавшее тебя, словно любящие руки. Наоборот, тьма сгущалась, формируясь в чётко видимую тропинку, убегающую между деревьями в ночь.

— Викиер, — негромко позвала я.

По движению воздуха поняла, что он моментально оказался позади, держа ладонь на рукояти меча.

— Тами?

— Я вижу дорогу, но не уверена, стоит ли нам идти туда!

Открыла глаза. Тёмная лента никуда не исчезла, змеёй уползала вдаль. Туда, откуда выглядывала безглазая маска тумана.

Мэтресса Клавдия всегда учила нас, что ничто не происходит просто так. ‘Знаки во всем, дети, — говорила она, расхаживая по кабинету и по привычке заложив руки за спину, — в том, как встаёт и садится солнце, с какой яркостью светит Луна, какова рябь на речной волне или седина на морде лесного зверя. Вопрос лишь в том, как прочитать их и понять, на что именно они указывают!’ На что указывало привидевшееся мне во время молитвы? Для того чтобы понять, следует ли идти этим путём... надо ступить на него!

Я поднялась и решительно посмотрела на ар Нирна.

— Пойдём!

* * *

Как Викиер ни вглядывался в темноту, никакой тропинки не видел! Нет, все-таки с этими монахинями иногда ощущаешь себя душевнобольным!

— Ты уверена, что нам нужно идти? — осторожно, чтобы не обидеть, спросил он.

Надеялся, она поймёт — он не боится идти, просто... не совсем понимает!

Она улыбнулась одними глазами и сказала:

— Знаки во всем, Викир! В том, как встаёт и садится солнце, с какой яркостью светит Луна, какова рябь на речной волне или седина на морде лесного зверя. Вопрос лишь в том, как прочитать их и понять, на что именно они указывают!

— И на что указывает наш знак? — уточнил он и только потом осознал, что не сказал 'твой', а сказал 'наш'.

Она легкомысленно засмеялась и пошла вперёд.

— На что-то плохое! — донеслось до него.

Искренне проклиная все знаки и этот, конкретный, в отдельности, паладин заторопился за рыжей, пытаясь в темноте и сгущающемся тумане запомнить хоть какие-то ориентиры. Вокруг царила мёртвая тишина, странная даже для ночного леса. В тумане то и дело шевелились огромные тени, вздымали над головами крючковатые лапы. И как ни хотел Викир думать, что это всего лишь деревья, представлялось нечто такое, от чего пот струился по вискам и спине.

Тамарис вдруг остановилась как вкопанная, так, что ар Нирн едва не налетел на неё. Осторожно шагнув, встал рядом, плечо к плечу. И оторопел.

Сквозь туман пробивался зеленоватый свет, наводящий мысли то ли на гниль, то ли на ядовитые грибы, то ли на что-то уж совсем нездоровое. Сам туман танцевал — кружил воронки разной величины и глубины, из которых выглядывали лица, открывавшие в мученическом крике безмолвные рты. И постепенно рассеивался, обнажая круглую лысую поляну, по периметру которой стояли белые камни в подозрительных подтёках. Медленно, но неуклонно камни принимались светиться — один за другим, и чем ярче они светились, тем сильнее становились видны бурые пятна на их поверхностях.

Несмотря на леденящую жуть, чудилась в увиденном некая издёвка над наблюдателями. Будто тот, кто создал этот ужасающий театр теней, прятался неподалёку и хихикал, наслаждаясь реакцией зрителей! И от этого становилось ещё страшнее!

— Что это? — осипшим голосом спросил ар Нирн, сжимая повлажневшей ладонью рукоять верного меча. Единый, он ещё никогда не был так... испуган?

Очень осторожно, будто поверхности воды, Тами коснулась мыском сапога земли поляны. Мёртвой земли, похожей на серый прах. Из-под её каблука потянулись дымки...

Пока Тамарис шла к центру круга, образованного камнями, почва под её ногами искрила и дымилась, только что не корчилась от боли. Когда рыжая повернулась к Викиру, он увидел, что глаза её закрыты. Глазные яблоки подрагивали под веками, словно она видела страшный сон. Подняв руки, Тами вслепую шарила ими по воздуху, и от этого зрелища у паладина зашевелились волосы на голове.

Монахиня споткнулась... Чуть не упала.

Викир сделал движение вперёд, наступил на границу обычной земли и поляны, но рыжая резко выставила ладонь, запрещая.

— Стой там! — негромко приказала она. — Тебе сюда нельзя...

Сказать, что Викиру было страшно, значило ничего не сказать!

Тами пошла к одному из камней, всё так же спотыкаясь, и каждый раз паладин забывал, как дышать. Сам не зная почему, он понимал — упасть в землю-прах ей никак нельзя!

Дойдя до камня, рыжая вздохнула коротко и сильно, словно от боли, и положила руки на его поверхность. Та ответила низким гулом, срывающимся в визг. У паладина заложило уши. Земля забурилась, как кипяток, оттуда потянулось к монахине Сашаиссы нечто белёсое

— то ли клейкие нити, то ли черви.

Викер и рад был бы броситься на помощь Тами, но его сковал ужас. Лишь шумели в сознании отдалённым прибоем слова молитвы, которую недавно он декламировал, будто простые стихи. Сам того не замечая, он принялся повторять их. В душе разгорался ранее теплившийся огонёк надежды, ширился, подминая под себя и сжигая страх от увиденного на поляне, отчаяние и презрение от предательства брата, осколки разбитой веры... Ар Нирн читал молитву вслух, шептал, сбиваясь и задыхаясь от тумана, рвущегося в горло зловонными испарениями...

Лицо Тамарис исказила гримаса мучительного напряжения. Спустя миг камень вдруг почернел и... умер.

Стена тумана стала плотнее.

Рыжая, развернувшись, пошла к следующему. Чем громче звучал голос Викера, тем медленнее ползли за ней белёсые ‘опарыши’, неловко ворочались в прахе, замирали...

Один за одним Тамарис ‘гасила’ белые камни, превращая их в неживые куски гранитной плоти. Стена за стеной наплывал туман на поляну, не в силах стянуть кольцо. Слово за словом вспоминал и читал паладин молитвы Великой Матери, слышанные в детстве от матери и нянек. В какое-то мгновение он позабыл о себе, о Тами, ощутив себя пылинкой на шкуре мироздания, каплей воды и ростком в Её ладонях. И понял нечто такое, что нельзя было произнести, высказать, объяснить... С чем не справилось сознание, отправляя ар Нирна в спасительную темноту.

Когда он пришёл в себя, обнаружил, что уже занимается рассвет, а он, Викер, лежит головой на коленях Тамарис. Страшная поляна была совсем рядом, но камни более не светились, а туман развеялся, унеся с собой потустороннюю жуть.

Монахиня смотрела паладину в лицо, и в её глазах плескалась тихая, осторожная какая-то радость. Она молча гладила Викера по голове, отчего ему захотелось прикрыть веки и вновь стать мальчишкой под ласковой материнской ладонью. Однако он спросил, как ему казалось, громко, а на самом деле едва слышно:

— Тами, что случилось со мной?

Минуты текли без её ответа, лишь слегка загрубевшая ладонь бережно касалась его лба, щёк, макушки...

— Тами! — сорванным голосом потребовал он.

— Ты слышал Зов, Викер ар Нирн, — с любовью улыбнулась она. — Зов Великой Матери.

Часть четвертая: Фаэрверн навсегда

* * *

Нам пришлось вернуться назад, на тот перекрёсток, с которого мы свернули на неторную дорогу, и ехать в Костерн обычным путём.

Всю обратную дорогу мы молчали, обдумывая увиденное ночью и не спеша тревожить друг друга разговорами. Впрочем, это Викир обдумывал, по его открытому лицу эмоции прочитывались легко, а я просто любовалась горными видами и молилась. Обо всех.

Лошадки миновали перевал и пошли быстрее — видно, чуяли жильё. За очередным поворотом показался спуск в долину, на самом краю которого стояла деревенька, где я решила остановиться и выспаться, ибо в прошлую ночь поспать так и не удалось. Не иначе, Сашаисса уберегла нас от сна в запретном месте, послав мне видение тёмного пути! Иначе мы могли бы и не проснуться, как те, чьи лица виднелись в туманном мороке...

— Тами, — позвал паладин, ехавший чуть позади, — Тами, что это была за поляна?

Я скрыла улыбку. Немало времени понадобилось этому Воину Света, чтобы обдумать случившееся и задать правильный вопрос!

Придержав лошадь, поехала рядом с ним.

— Это было заброшенное капище Дагона, Викир... Место, где черномугу долгое время приносят человеческие жертвы, обретаёт, в конце концов, собственную злую волю и может забирать души у тех, кто засыпает в его непосредственной близости.

— Что ты сделала с ним?

— Именем и Силой Великой Матери разорвала связь злой воли и жертвенных камней. И ты помог мне в этом... Без тебя, Викир, я бы не справилась!

— Без меня... — пробормотал он.

В глазах вспыхнуло понимание, его зрачки стремительно расширились.

Обыденному человеческому сознанию нелегко даётся общение с богами, вот оно и ищет себе послаблений, вроде кратковременной потери памяти или замещения. Поэтому саму поляну ар Нирн запомнил куда ярче, чем услышанный им Зов Сашаиссы. Однако я не сомневалась в том, что это ненадолго, ведь поляна была символом смерти, а Зов — жизни!

Между тем паладин пытался мне что-то сказать, но ни слова не вылетало из обветренных губ. Чудовищным усилием воли он взял себя в руки, и тогда я, обняв его, начала целовать так нежно, как могла. Спустя несколько мгновений он ответил на поцелуй с благодарностью умирающего от жажды, которому поднесли кружку воды.

— Рядом с тобой я ощущаю, что жив! — хрипло прошептал он. Голос пока не вернулся к нему в полной мере. — Раньше такого не было!.. Никогда! Ни с кем!

— Ты просто возвращаешься к себе, — улыбнулась я и погладила его по щеке, — к себе — ребёнку, который воспринимает мир таким, каков он есть...

Не стала говорить о шорах, что надевают на человека взросление, неверное знание и лукавая вера. Надеялась, он поймёт сам.

— Тами, — он с силой сжал мою руку, — я не верю в твою богиню!.. До сих пор не могу поверить, несмотря на то, что видел! Почему же я слышал ее Зов?

Я смотрела в долину, выглядящую мирной и тихой. Там, внизу, люди возделывали

землю, рожали детей, строили дома, выходили в росу на рассвете... Все это невозможно было бы делать без любви!

— Потому что ОНА верит в тебя, — тихо сказала я и перевела взгляд на паладина, — так же, как и я!

* * *

Хозяин дома, в котором они остановились на постой, благообразный чистенький старичок, кланяясь, принёс им горшок каши, крынку молока и краюху ноздреватого ароматного хлеба и ушёл.

Рыжая от еды отказалась — уже подъезжая к деревне, зевала отчаянно и засыпала прямо в седле. Викир видел, как она измучена произошедшим ночью — и так-то была не кровь с молоком, а сейчас и вовсе походила бледностью на призраков, виденных ночью.

Она уснула, едва коснувшись головой подушки. Викир немного поел и присел на кровать, разглядывая спящую. Удивлялся, как это можно — жить, так не щадя себя? Она пошла на ту поляну, следуя велению сердца, не думая о том, что может погибнуть, или, того хуже, лишиться души! Пошла, ведомая лишь одной мыслью, одним стремлением и целью — уничтожить зло, поселившееся в камнях!

Он вспоминал добрые дела, которые делал сам, и в каждом находил один единственный изъян, сейчас кажущийся тем, что зачёркивал всю их ценность: он, Викир ар Нирн, никогда не забывал о себе! Приходило время есть — ел, спать — спал... Никогда ничему не отдавал себя вот так, без остатка, без возможности получить ответную благодарность...

На душе стало гадко. Так гадко, что желание спать пропало окончательно. Хотелось подумать о чём-то приятном, как конфету съесть после горького лекарства, но вспомнилась вдруг сафьяновая тетрадь мэтрессы Клавдии, сожжённая ими там же, в трактире. Несмотря на то, что Викир не мог перевести с райледского текст дословно, общий смысл и настроение он уловил верно. Душевные метания были свойственны и мэтрессе, правда, с возрастом их становилось все меньше. Чем больше она отдавала себя любимому делу, тем спокойнее становилось у неё на сердце. Вот этой-то сердечной мудрости принимать все, как есть, и не жалеть себя для дела Викиру всегда и не хватало!

А рядом с ним спала королева, достойная Вирховена! Та, что позабудет о себе ради страны и народа, та, кому свойственны милосердие, сострадание и справедливость! Истинная королева, божественная власть! Если бы только она захотела, — сейчас ар Нирн признавался себе в этом! — он бы горы свернул ради того, чтобы посадить ее на трон вместо Атерис! Если бы она захотела... Интуиция, сговорившись со здравым смыслом, в один голос твердили — ей это не нужно. У неё есть Путь, и это не путь под весом короны! ‘А каков мой Путь?’ — спрашивал он себя. И чем больше смотрел на Тамарис, тем яснее был для него ответ: отныне и навсегда его путь — рядом с ней.

* * *

Подъезжая к местечку под названием Кривой Рог, где должны были жить родственники сестры Кариллис я молила Богиню о том, чтобы они никуда не переехали. Дом нам показали

охотно, видно, семью эту в деревеньке знали и почитали.

Створка ворот оказалась приоткрыта и мы, спешившись, накинули поводья лошадей на столбик забора и вошли внутрь. Во дворе было пусто. И спустя несколько минут никто не появился, хотя с привязи рвался, заливаясь лаем, лохматый барбос.

Мы с Викером поднялись на крыльцо, постучались в дверь. Тишина. Дом и двор заброшенными не выглядели, но, похоже, хозяев здесь не было.

— Будем ждать, — расстроенно пробормотала я, собираясь усесться прямо на крыльцо, как вдруг из-за дома раздался дребезжащий старческий голос:

— Цыц, Балаболко! Кто там пришел?

Я не верила своим глазам, сестра Кариллис которой должно было быть уже больше ста лет, шла к нам на собственных ногах, шла медленно и тяжело, опираясь на потемневший от времени сармато, как на простую палку.

— Кто вы? — подслеповато щурясь, поинтересовалась она.

Подойдя, преклонила перед ней колени.

— Благословите, тэна!

Неожиданно сильные пальцы ощутили мое лицо, погладили по макушке. От твердой, как доска, ладони старой монахини и до сих пор исходила ясно ощущаемая Сила.

— Тамарис, дитя, ты ли это? — прошамкала она, улыбаясь беззубым ртом.

— Это я, мать-привратница, я!

— Встань и пройди в дом! Неспроста ты вспомнила обо мне спустя столько лет, неспроста поймала на пороге смерти!

— Что вы такое говорите, сестра?

— Цыц! В моем возрасте вокруг видно плохо, а вдаль — ясно! Заходи, не стесняйся! Кто это с тобой? Светится, как золотой под полуденным солнцем! Какая яркая вера! Новообращённый?

Ар Нирн посмотрел на неё с ужасом, а я поспешила пояснить:

— Моего спутника зовут Викир. И он удостоился Зова!

— Это я и так вижу... — проворчала Привратница, с трудом поднимаясь по лестнице на крылечко.

Однако, когда паладин попытался поддержать ее под руку, она сердито ткнула его концом сармато в грудь.

— Сама!

Следом за ней мы вошли в просторную горницу. От цветов на окнах, домотканых половичков и кружевных белоснежных салфеток, украшавших предметы интерьера, веяло любовью к собственному жилищу, домашним уютом, теплом сплочённой большой семьи. Однако никого, кроме сестры Кариллис, в доме не было. Подвесная люлька у печки тоже пустовала. Лишь на подоконнике толстая трехцветная кошка, растянувшись во всю длину, лениво вылизывала собственный кулачок.

— Садитесь за стол, — приказала Привратница. В ее голосе до сих пор металлом отдавали нотки, которым невозможно было не подчиниться.

Мы с Викиром сели, как примерные ученики, на скамью у окна, сложив руки на коленях. Как ни хотелось мне погладить кошку, под суровым взглядом старой монахини следовало вести себя прилично.

Привратница выставила на стол кружки, крынку молока, хлеб и сыр. Села напротив. Пошевелила бледными узкими губами — молилась Великой Матери. Требовательно

посмотрела на меня. Я спешно пробормотала молитву и подалась вперед, ожидая вопроса. И он последовал.

— Зачем ты разыскала меня, сестра Тамарис, отвечай? Говори смело — мои все в саду, урожай собирают. Даже, вон, прапраправнучку с собой утащили! — она кивнула на люльку.

Ощущая, как пересохло в горле, я плеснула молока в кружку, отпила. И сказала:

— Расскажите мне правду об Асси Костерн!

* * *

Викер напряженно ждал ответа старухи. С одного взгляда на нее его внутренний воин признал ее за равную — эту беззубую шаркающую каргу, и от этого несоответствия внутреннего образа внешнему паладину было сильно не по себе.

Сестра Кариллис помолчала, глядя бесцветными от возраста глазами куда-то в пустоту. Затем приказала:

— Тамарис, расскажи мне о Фаэрверне. Правда ли то, о чем болтают люди — будто обитель пала, а сестры мертвы?

— Правда, — спокойно ответила рыжая, но Викер видел, как побелели ее пальцы, с силой сжавшие боевой посох, — нам с Асси удалось спастись... Может быть, выжил кто-то ещё, но я не знаю об этом!

— Где сейчас девочка?

— В Таграэрне, под присмотром мэтрессы Лидии...

— Слава Великой Матери!

— Воистину слава!

— Готова ли ты услышать правду, сестра?

— Давно готова, тэна!

— Доверяешь ли ты своему спутнику?

— Именно от отвез Асси в Таграэрн!

— Что ж... — старуха отставила сармато и сложила руки на столе. — Клавдия была хорошей настоятельницей. Все мы боялись того, что происходит в Вирховене, однако она радела о судьбе страны, как о судьбе ребёнка, которого у неё не было. Проводила долгие ночи в молитвах о сёстрах, о простых людях, о Родине. Однажды я спросила её, для чего истязать себя еженощными молитвами, ничком, на холодном полу нашей часовни, коли Богиня и так знает о происходящем, и она ответила: 'Если есть хоть малейший шанс напомнить Великой Матери о нашей тревоге через молитву, я хочу им воспользоваться!' Как ты знаешь, Тамарис, Материнский алтарь почти всегда заперт, и отрывают его только на Великие праздники. Даже ключ от него хранится не у матерей-настоятельниц, а у нас, у привратниц. На рассвете одного из дней мэтресса Клавдия прибежала ко мне в слезах и казалась безумной, требуя открыть алтарь вопреки правилам. Она рассказала, как провела очередную ночь в монастырской часовне, моля Сашаиссу остановить Файлинна и спасти людей от страшной участи, становящейся все более очевидной. Усталость смежила её веки, и она уснула ничком прямо на каменном полу пред алтарём. Во сне она чувствовала себя счастливой, поскольку несла миру любовь, а когда проснулась... услышала за закрытыми воротами алтаря детский плач.

Викер с недоумением посмотрел на Тамарис — кто посмел так подшутить над

настоятельница? И поразился бледности рыжей. Будто вся кровь отлила от её лица, оставив кожу белой-белой. Ореховые глаза на таком лице казались яркими, как осенние листья под последним лучом тёплого солнца.

Тамарис медленно поднялась.

— Мэтресса Лидия передала мне — ‘знаки говорят’, - прошептала она, и старуха, опираясь на палку, поднялась тоже. — Значит, это об Асси!.. Она — земное воплощение Сашаиссы!

— Что? — челюсть ар Нирна совершенно неблагородно упала на пол. — Это невозможно, Тами, что ты такое говоришь?

На миг поднялось в душе негодование на отступницу, посмевшую вслух произнести подобные еретические мысли. Всем известно: Бог оттого и велик, что человеку никогда до него не дотянутся. И да будет так, ибо что начнётся, если каждый сможет прикоснуться к нему, говорить с ним, разделять трапезу?

— Ты видел знаки, Вики, — тихо, но твёрдо сказала она. — Знаки, указывающие на запад, то есть на Таграэрн, куда ты отвез Асси! Теперь мне всё ясно... Непонятно только, зачем Клавдия записала её в мою метрику?

Старуха молча покачала головой. Похоже, ответа на вопрос не знала.

А Вики позволил себе маленький грех — пока ни о чём более не задумываясь, поверить в то, что рассказанное Клариссой — правда, и богиня-дитя действительно появилась однажды в Материнском алтаре Фаэрверна. Вот так просто поверить. Как шагнуть с закрытыми глазами в пропасть.

— Я догадываюсь, почему, Тами, — вздохнул он. — Хочешь послушать?

Она обречённо села обратно.

Ар Нирн смотрел на тонкий женский профиль и горел желанием коснуться пальцами её скулы, виска, подбородка, губ... Такая хрупкая и такая цельная, как драгоценный кристалл! Кристалл, сиявший своим блеском его серую никчёмную жизнь. Говорят, что любовь украшает мир, так это неправда! Любовь просто возвращает в него жизнь!

Жизнь Тамарис за последние несколько дней совершала такие кульбиты и выпад, какие не снились и сармат! Так почему бы ей не выслушать, что скажет человек, совсем недавно готовый убить её, а нынче так неожиданно переставший представлять себе дни и ночи без неё?

Вики внутренне улыбнулся, удивляясь сам себе, и произнёс:

— Не знаю, на что надеялась твоя мэтресса, предпринимая такой отчаянный шаг: на силу Великой Матери, на торжество справедливости или на каких-то людей, близких ко двору, имён которых мы не узнаем, но она хотела возвести на трон воплощение Богини!

* * *

У меня перехватило горло, когда я осознала, что паладин, скорее всего, прав! Тётя, тётя, что же ты наделала? Изменяя сразу две судьбы, владелице одной дарила свободу быть собой и жить так, как подсказывает сердце, а другую, маленькую девочку, одаривала тяжёлым и полным опасностей путём, который привёл бы её или на эшафот или в пантеон святых! Насколько сильна была её вера в Великую Мать, что она не побоялась подлога и его последствий!

Невольно задумалась, верую ли я так же сильно... так же слепо... И поняла, что да, верую! Не единожды я видела бирюзу и мёд Её глаз, не единожды Её сила проходила сквозь меня, даруя людям жизнь. Как после такого я могу сомневаться?

Дверь стукнула, будто от порыва ветра. В окнах потускнело. Похоже, собирался дождь. Сестра Кларисса вдруг не по возрасту резко повернулась ко входу. Серdito спросила: — Ты кто такой?

Проследив за её взглядом, я вновь поднялась на ноги — фигура в тёмном плаще с опущенным на лицо капюшоном выглядела не просто угрожающей — пугающей! Она шагнула внутрь и тщательно затворила за собой дверь.

— Я давно мечтал увидеть тебя, Тамарис, — раздался из-под капюшона обволакивающий как густой бархат вкрадчивый баритон, — мечтал запустить пальцы в твои рыжие локоны, так похожие на локоны Сильмарис... Да ты просто копия матери! Но глаза и подбородок достались тебе от отца, Его Величества Джонора Великолепного, этого бесхребетного ублюдка на троне! Надеюсь, характер тебе тоже достался материнский?

От его слов, хлёстких, циничных, насмешливых, веяло какой-то жутью. Я невольно опустила руку, пытаясь нащупать руку Викера — тепло его ладони придало бы мне сил слушать этот бред, не пуская смысл в сердце. Но паладин уже вышел из-за стола и остановился перед вошедшим.

— Та-ма-рис... — простонал незнакомец, растягивая мое имя со сладострастным вздохом. — Я хотел наказать тех, кто привез мне вместо тебя девочку, но потом передумал. Так получилось даже лучше! Насчет тебя сомнений у меня не было, а вот насчет неё были! Однако теперь развеяны и они. И ты в моих руках!

Он медленным артистичным жестом откинул капюшон, и я увидела, как отшатнулся от него ар Нирн со сдавленным криком, будто от яркой вспышки.

— И все благодаря тебе, мой верный паладин, — почти нежно сказал... Первосвященник Файлинн.

Я никогда не видела его вживую, только на портретах. Но не узнать этот высокий лоб с залысинами, прямой тонкий нос, узкие губы и острый подбородок было невозможно. Изображения не передавали силы взгляда, пронизавшей меня, подобно удару молнии. Карие, почти черные, небольшие глаза были полны огня, воли, привыкшей подчинять. Этот человек сделал себя сам, вытащив из песков времени неизвестного миру церковного служку и проведя его на вершины церковной иерархии. Иерархии церкви, которую он создал сам!

— Тамарис, не слушай его, — сдавленным голосом крикнул ар Нирн, — я не предавал тебя!

На миг, лишь на миг сомнение затопило мое сердце, едва не разорвав его. А затем я прикрыла веки и вознесла молитву Великой Матери... и на душу пал покой. Если мне суждено погибнуть сейчас, пусть мои помыслы будут чисты! Я не стану подозревать человека, с которым нас связывает общая ненависть, одиночество, боль и отчаяние. Я не предам Викера!

— Конечно, не предавал, — усмехнулся Файлинн, делая небольшой шаг вперед. — Ты привел меня к ней, сам о том не зная! Если бы ты сделал это добровольно, я сохранил бы тебе жизнь и рассудок... или что-нибудь одно! Но ты выбрал путь предателя, худшего из всех возможных! Ты предал МЕНЯ!

С последними словами что-то стало меняться в лице говорившего. Оно сузилось и растянулось, подернулось дымкой, как морок. Вместе с тем его голос становился ниже и

последние слова он проревел так, что дом содрогнулся, а из трубы в печь просыпалась зола. Пораженная, я не успела среагировать, когда паладин с криком ярости поднял руку. Сначала решила — ар Нирн всё же бросится на меня в своем отчаянии отступника, но после увидела, как побелели его пальцы, сжимающие рукоять меча, как дергается клинок из стороны в сторону, будто змея. С новым криком Воина Света ремешки с рукояти опали, явив миру позолоту и орнамент рыцаря Единого. Меч вырвался из руки хозяина, отлетел к Файлинну, разворачиваясь в полете, и... метнулся к Викеру. Удар пробил паладину грудную клетку, отшвырнул его к стене дома, пригвоздив, как бабочку, в простенок между окнами.

Я попыталась закричать, но голос пропал, оставив мою ярость немой. Бросилась на врага, вращая сармато, но тот, ударившись о невидимую преграду, издал такой треск, словно орех раздавили, и сломался пополам. А меня охватило странное оцепенение. Будто кости вытащили из тела, сделав его мягким, как желе. Спустя ещё мгновение я поняла, что ступни не касаются пола. Я висела в воздухе, подвешенная не неведомые веревочки. Жалкая кукла в руках Первосвященника.

Лицо Файлинна неожиданно оказалось очень близко. Узкие губы облизал яркий кончик языка. Тонкие веки чуть прикрыли довольно блестящие глаза.

— Та-ма-рис, — по слогам произнес он мое имя, — Та-ма-рис...

И обернулся, оказавшись лицом к лицу с сестрой Кариллис.

— Изыди из дома моего, сукин сын, — рявкнула та, заноса над ним сармато.

Лёгкое движение руки отшвырнуло ее прочь, как щепку порывом ветра. Она ударилась о стол и грудой тряпья упала на пол, затихнув. А Файлинн снова повернулся ко мне. И принялся разглядывать, молча, довольно усмехаясь. Я же попыталась запомнить его лицо, каждую пору, каждую клеточку, и думала, неужели его бог дал ему такую силу, какой не обладал ни единый пастырь ни одного из богов Пантеона, включая Сашаиссу? И не могла поверить в такое! Бог дает пастырю силу слова, силу возрождать души, споткнувшиеся, сошедшие на кривую дорожку, рухнувшие в бездну отчаяния. Что это за бог, дающий силу убивать движением руки?

Огонь, спящий в печи, вдруг поднял голову и запел, гудя все сильнее. На пол просыпались искры, заставив затеплиться домотканый половичок. Потянуло горелым.

Файлинн сорвал с меня платок, распустил тугой пучок волос и намотал их на ладонь. Поднес к лицу, вдохнул, тихо застонал.

— Ублюдок, — прошипела я. — Когда-нибудь королева пожалеет, что приблизила тебя, не подумав о последствиях!

Его лицо было очень близко. От истощного блеска глаз мне хотелось провалиться в темноту небытия.

— Королева — моя ручная собачонка с двенадцати лет, Тамарис! С тех самых пор, как я был у нее первым! Думаешь, кто научил ее тому, чем она сводит с ума своих рыцарей нынче? Она боится вздохнуть без моего одобрения... и это мне уже надоело!

Чувствуя, как от ужаса заледеневают все внутри, я нашла в себе силы спросить:

— И что ты хочешь сделать?

— Я? — улыбнулся он, мимолетно коснувшись своими губами моих, и обвел пальцем контур моего лица. — Я хочу новую королеву!

Я приходила в себя медленно, будто выплывала из глубины. Запахи, которые ощущала, были вестниками беды. Пахло пылью богатых покоев, полных тканей и мехов, сладкой

горечью каких-то воскурений и, едва уловимо, дорогими женскими духами.

— Чем больше смотрю на тебя, Тамарис, тем больше понимаю, как ты хороша! — раздался рядом ненавистный голос. — Надо было раньше приниматься за монастыри Сашаиссы, тогда ты досталась бы мне совсем юной!

Я посмотрела на своего врага, того, кто стоял за пламенем, поглотившим Фаэрверн, и мне стало страшно. В его глазах воронками кружилась чернота, манящая, засасывающая, как болото, нет, как грязевые топи. Чтобы не дать себе слабости, спросила с намёком на вызов:

— Как досталась тебе Атерис?

Файлинн со вздохом откинулся на спинку стула. Он, словно добрый дядюшка, пришедший навестить больную племянницу, сидел рядом с кроватью, на которой лежала я, скованная неестественным оцепенением.

— А-те-рис, — пропел он так же, как ранее моё имя, — А-те-рис... Признаюсь, я ждал от неё большего! Я хотел вырастить королеву, под знамёна которой в святом походе за веру встанет не только Вирховен, но и соседние государства! Однако это ей оказалось не нужно, не интересно! Чувственные наслаждения — вот любимое занятие Её Величества. О да, она ненасытна...

Пока он говорил, я чувствовала, как ненависть капля за каплей чернит мою душу. И когда он замолчал, выплюнула ему в лицо:

— Ты сам сделал Атерис такой, подонок! Так чего теперь требуешь от неё?

Файлинн артистично поднял руку. Я следила за ней, как за мерзким пауком, подползающим ко мне. Пальцы Первосвященника были бледны и длинны, и чуть подрагивали. Эти пальцы опустились на моё лицо, лаская скулы и виски, едва касаясь ресниц и губ.

— Уже ничего, — улыбнулся он. — Её время истекло, только она пока не уведомлена об этом! Как когда-то давно я оклеветал перед королём твою мать, Сильмарис, осмелившуюся выступить против меня, а после через подставных лиц нанял убийцу, чтобы Его Величество не узнал правды, как чуть позже разделался с самим Джонором, так и Атерис уберу со своего пути, когда правда о тебе будет готова увидеть свет! Когда ты будешь готова!

В какое-то мгновение мне показалось, что его пальцы сейчас сомкнутся на моей шее. Что после моей смерти он, воспользовавшись своими чудовищными талантами, поднимет моё бездыханное, но покорное его воле тело и возведёт на Вирховенский трон! Но уже в следующее я успокоилась. Закрыла глаза, про себя шепча молитву Великой Матери. Здесь и сейчас, распятая и беспомощная — я не одна. Лишившаяся близких людей, своими глазами видевшая падение Фаэрверна и смерть мужчины, что по удивительной прихоти судьбы стал мне дорог — я не одна. Покуда в сердце пылает любовь, а вера бережёт душу — я не одна! Великая Мать разделит любой мой страх, самую сильную боль, горькое одиночество, даст мне силы противостоять лукавому злу в образе Первосвященника!

— Никогда, Файлинн, — улыбнулась я, — никогда этого не будет!

Хлёсткий удар заставил мою голову беспомощно дёрнуться. На языке стало солоно. А затем холодные губы бережно собрали струйки крови с моего разбитого рта. Я отворачивалась, как могла, но могла немного. Тело предало меня — рук и ног я не ощущала. Странное чувство, будто ты засахаренный фрукт, завязший в желе. Но зато я могла кусаться!

Первосвященник вскрикнул и отпрянул. Теперь его губы были окрашены не только моей кровью! Бледность на измазанном красным лице Файлинна ещё больше бросалась в глаза.

— А ты страстная, и мне это нравится! — усмехнулся он, проводя ладонью по

подбородку.

Я не верила увиденному — кровь исчезала, словно её и не было! Спустя мгновение он вновь был тем Первосвященником, что смотрел с многочисленных портретов — высокомерным и волевым человеком. Не успела ухватить какую-то мелькнувшую мысль, как он, улыбнувшись, развернулся и вышел, и я осталась одна. Возможно, не будь я «связана» неведомой силой, имей возможность хотя бы встать на колени, дабы молиться, как подобает, не почувствовала бы такой боли при мысли о смерти ар Нирна! Паладин стал тем зелёным ростком, что вырос в моей душе на обугленных развалинах Фаэрверна. Только осознав его потерю, я поняла, как дороги мне немногие минуты, подаренные нам судьбой. Мне казалось, мы с ним такие разные, но он чувствовал, как я, отчаивался — как я, любил — как я, отдавая всего себя! Даже молчал, коли доводилось нам молчать вместе — как я! Теперь в моей жизни не осталось ничего, кроме веры. И, похоже, скоро не останется и самой жизни!

В коридоре раздались взволнованные голоса, перерастающие в ругань.

— Прочь с моей дороги, псы! — в высоком женском голосе звучали нотки нешуточной ярости. — Дорогу своей королеве!

— Ваше Величество, это личные покои...

— Я знаю, чьи это покои! Откройте двери!

— Но!..

— Я открою, моя королева!

Створки с грохотом распахнулись, будто говоривший ударил по ним ногой. На пороге показалась королева Атерис. Моя сводная сестра.

* * *

Нелегко ощущать себя бабочкой, припиленной к подушечке умелой рукой коллекционера, но ещё сложнее терпеть сопутствующую боль. «Чувствует ли бабочка боль?» — думал Викар ар Нирн, ощупывая вошедший в грудь клинок. Темнота застилала зрение, как туман, что плывёт над рекой молочно-призрачными полосами.

Паладин с трудом заставил себя выплыть из молочной реки, ему нужно было это сделать, нужно было взглянуть на женщину, осиявшую его жизнь светом! Взглянуть в последний раз. Он не кривил душой, знал, что умирает. Быстро слабеющие руки не могли вытащить из груди клинок, с такой силой тот пронзил тело. А значит, броситься на Файлинна он, Викар, не сможет! Ар Нирн тихо застонал, то ли от боли, то ли от разочарования. Горячая липкая кровь текла между спиной и стеной, и её было много.

Голос Первосвященника то приближался, то отдалялся, но глядя на него, Викар видел вовсе не Файлинна, а нечто совсем другое. Разум насмехался над ним, подсовывая чудовищные образы, страшные морды, рогатые хари, меняя перспективу и пропорции тела. Первосвященник то вытягивался, становясь дрожащей чёрной струной, то расплывался безобразной кляксой. Не менялась лишь висящая в воздухе, будто игрушка кукольника, рыжеволосая фигурка.

Постепенно комната наполнялась цветовыми пятнами, густыми как патока. Их можно было трогать, пробовать на вкус. В центре, там, где находилась Тамарис, разгорался огненный цветок, раскрывая взгляду паладина тоннель, в который шагнул Файлинн, на невидимых нитях таща за собой монахиню Сашаиссы.

Ар Нирн закричал бы от горя и ярости, если бы мог, но лишь закашлялся... Из рта хлынула кровь, обрызгав его же собственный клинок, убийцу хозяина.

Портал, через который Первосвященник забрал Тамарис, закрылся. Несмотря на день, что должен был едва перевалить половину, в комнате царили мгла и холод. Страшный холод. Тело Викера забило крупной дрожью... предсмертными судорогами... Как вдруг его лодыжку обожгло нестерпимым жаром, вырвавшим разум из небытия. Мутнеющим взором он посмотрел вниз и разглядел старуху-привратницу, цепляющуюся за его сапог скрюченными пальцами. Её рука светилась во тьме чистым золотом, от которого расходились горячие круги, высветляя сестру Кариллис, будто рисунок мелом на чёрной бумаге, пробираясь под одежду ар Нирна и причиняя ему нестерпимую боль. Он выгнулся и закричал. И услышал в перерывах между собственными криками жаркий шёпот монахини:

— Бирюза и мёд твоих глаз, Великая Мать, тепло и сила твоих ладоней, да пребудут со мной! Свою жизнь отдаю ради него, свою волю дарую ему встать и идти, дабы спасти мою сестру Тамарис. Великая Мать, молю тебя о нём, если был виновен — прости, глуп — вразуми, слаб — дай силу! Бирюза и мёд твоих глаз...

Старуха шептала молитву и жара становилось всё больше, а боли Викера — меньше. Его пальцы ожили, хотя до того были неподвижны, обхватили лезвие. Зарывав, он вырвал меч из собственной груди и уронил.

Ощутимо пахло гарью...

* * *

За спиной королевы маячил паладин, так похожий на Викера, что надежда затеплилась в моём сердце. Но уже спустя мгновение я поняла, как ошибалась! Его лицо было тоньше и красивее, волосы — светлее, а глаза — не такими синими, как у старшего брата, скорее, голубыми, будто небо ранней весной.

Атерис кошкой прыгнула в комнату. Ей-ей, я решила, что сейчас она набросится на меня, но королева, равнодушно скользнув по мне взглядом, заметалась по комнате, расшвыривая вещи, разбивая украшения, заглядывая в шкафы, за занавеси, под кровать... Под кровать, на которой, не скрытая ничем, кроме собственной одежды, лежала я. «Она не видит меня!» — пронзила мысль. Файлинн был чудовищем, но недалёким его никто не посмел бы назвать!

В сознании вновь промелькнула тень какой-то мысли, которую я никак не успевала ухватить.

— Где она? — закричала Атерис, со всего размаха швыряя об пол золочёную вазу. — Где пленница? Я точно знаю, он притащил её сюда!

Брат Викера перехватил её, готовящуюся сорвать шторы с окна, крепко обнял и развернул к себе.

— Тихо, моя королева, тихо! Вы же видите, её здесь нет! Может быть, лучше спросить у Его Первосвященства?

Атерис неожиданно всхлипнула и разрыдалась, уткнувшись лицом ему в грудь.

— Ты... меня... любишь?.. — разобрала я сквозь всхлипы.

Младший ар Нирн замешкался с ответом и в этот момент в комнату вошёл Файлинн. Кинул заинтересованный взгляд в мою сторону, увидел, что я слежу за разыгравшейся

сценой, довольно улыбнулся и заговорил:

— Ваше Величество, осмелюсь спросить, что здесь происходит? Ураган? Торнадо?

Атерис отшатнулась от Астора так, будто её ударили плетью. Отчаянно вытирая мокрые щёки, повернулась к Первосвященнику:

— Я слышала, ты... вы велели привести сюда некую пленницу! Хотела взглянуть на неё! Должна же я знать, что тревожит моего пастыря?

— Я спокоен, как никогда, моя королева, — Файлинн слегка поклонился, — однако вас ввели в заблуждение! Здесь никого нет, вы уже убедились в этом!

— Файлинн! — королева смотрела на него, кусая губы.

Моя сводная сестра была красива той порочной красотой, что даёт соединение юности и греха. Её красота восхищала, её красота отталкивала.

Первосвященник перевёл взгляд на Астора и мягко приказал:

— Покинь нас, сын мой!

Тот кивнул по-военному, вышел, не оглядываясь, плотно прикрыл за собой дверь. Видимо, подобные сцены между королевой и её духовным отцом были для него не в новинку.

Я как-то упустила момент, в который Файлинн пересёк комнату и остановился вплотную к Атерис, сжав её плечи. Судя по тому, как она скривилась, ей было больно...

— Что ты себе позволяешь? — прошипел он. — Мне заставить тебя убирать здесь, как простую служанку? Совсем страх потеряла!

— Я... я... — пыталась оправдаться та, смертельно бледная, с огромными зрачками, в которых плескалось то ли отчаяние, то ли страх.

Неожиданно она рванулась к нему, словно он был её последним вздохом, приникла всем телом.

Первосвященник чуть повернул ко мне голову, и я увидела торжествующую улыбку на его лице.

— Пожалуйста, не бросай меня! — прошептала Атерис. — Делай что хочешь, води кого хочешь, только не оставляй! Я без тебя — ничто! Меня без тебя — нет! Пожалуйста...

Её губы дрожали, и в голосе я с болью разобрала нотки маленькой, ненужной никому девочки, растущей во дворце, как сорная трава. Я знала, что её мать, вторая жена Джонора, рано умерла. Сам король наследниками, видимо, не интересовался, они просто были нужны ему, как важный пункт в договоре. Недолюбленные дети ищут любви везде... и часто находят её там, где не следует.

— Ну что ты, глупенькая, — за подбородок запрокинув её лицо, прошептал Файлинн, — ты — самое главное в моей жизни! Моя королева... моя умница... моя желанная...

Говоря это, он подталкивал её к письменному столу, стоящему в противоположной от кровати стороне. И там, задрав ей пышную юбку и завалив на столешницу, взял как простую крестьянку, не стесняясь моего присутствия. Очень быстро Атерис перестала плакать и начала стонать. Первосвященник долго не отпускал её, видимо, давая мне полюбоваться собственной мужской силой. Королева уже и стонать перестала, лишь тихонько охала, а он всё пользовал и пользовал её совершенное тело, натягивая на свой член, как лайковую перчатку — на руку.

Невменяемую, на трясущихся ногах, Файлинн выставил её прочь, едва кончил. Обернулся ко мне, заправляясь, и поинтересовался:

— Тамарис, сладкая, неужели твоё нежное сердечко не дрогнуло от увиденного?

В «моём нежном сердечке» после увиденной сцены поселились два чувства — жалость к сводной сестре и холодная, трезвая ненависть к Первосвященнику. Такой мерзости, как он, не было места на земле, а значит... значит, я должна сделать всё, чтобы его не стало. Даже ценой собственной гордости, чести, жизни! Только веру я сохраню в своём сердце, в самом чистом из всех его родников...

— Такой беспорядок не способствует романтике, — усмехнулся Файлинн.

И вновь я не увидела, его действия — движения ли, слова ли? — но вещи в комнате вернулись на свои места. Даже разбитая на тысячу осколков ваза очутилась, всё также тускло поблёскивая, на своём мраморном постаменте, в целости и сохранности! Рядом с камином, в котором запылал огонь, обнаружился столик с блюдами, накрытыми крышками. Сами собой зажёгшиеся магические светильники на стенах залили помещение мягким светом.

Первосвященник присел на кровать. Обвёл большим пальцем контур моих губ. В его глазах вновь вихрилась чернота, готовая выпить мою душу.

— Ты стала такой тихой, Тамарис, — негромко проговорил он. — Это непривычно, но и это мне нравится! Давай я сниму путы, а ты не станешь пробовать убить меня, и мы поговорим, как взрослые, искушённые жизнью люди?

Подумав, я кивнула. Моя жизнь ничего не стоит в этом лучшем из всех миров, а жизнь Файлинна совсем скоро обесценится. Разве это не повод для приятной беседы?

* * *

Клубы дыма скрыли горящий дом и выбравшегося через заднюю дверь Викера. Он перебрался через забор и скатился в овраг на окраине деревни. Здесь, в кустах, и пролежал до темноты, слушая крики испуганных людей, лай собак, треск и гул огня, грохот рушившихся крыши и стен.

Дом сгорел дотла. Нестерпимо воняло сажей. С неба падали хлопья пепла. Несмотря на это паладин уснул, и проспал до рассвета, баюкая странное ощущение в груди — всё казалось ему, что там застрял клинок, который он не смог вытащить. Впрочем, к утру кошмар рассеялся. Рукоять меча лежала в его ладони, видимо, он прихватил его с собой, когда выбирался из дома.

На рассвете Викир вышел на дорогу, ведущую в Ховенталь, и шёл до вечера. По пути один раз остановился в придорожной харчевне, благо деньги остались при нём. Лишь кутался в плащ, чтобы скрыть разрез на куртке, при каждом взгляде на который ему становилось холодно. Ночевать ушёл в лес, не остановившись ни в одном из гостевых домов. Ему надо было подумать. Посидеть под деревом, глядя на звёзды, как сидели они тогда с Тамарис на Кардагане, даря друг другу тепло... Первую мысль — сломя голову броситься ей на помощь, он давно отбросил, как крайне глупую. Наглухо застегнув эмоции, заставил себя рассуждать холодно и взвешенно, как то подобает Воину Света... И усмехнулся горько: не тому Свету служил Воин, не тому!

Ар Нирн понимал: Тамарис ждут два пути — быстрая смерть или мучительное пребывание в застенках Файлинна. В первом случае он никак не успевал спасти её, поскольку не владел способностью мгновенного перемещения, продемонстрированного Первосвященником. Ему оставалось лишь молиться за рыжую, выяснять её судьбу и после

мстить, не жалея собственной жизни. Во втором случае у него был шанс попытаться спасти её. Он неплохо знал Тризан, а люди Стама хорошо ориентировались в канализации Ховенталя. У него есть деньги и меч — аргументы достаточные, чтобы убедить кого-нибудь из головорезов Сонного квартала помочь ему! Кроме того, он не сомневался — кто-то из них захочет отомстить за смерть своего предводителя.

Приняв решение, паладин плотнее завернулся в плащ и стал засыпать, прижимаясь спиной к стволу дерева, в корнях которого сидел. И вдруг широко раскрыл глаза, глядя в темноту леса. Файлинн был священнослужителем, но не магом! Да, имея он свитки с заклинаниями, он мог бы творить чудеса, хотя всегда относился к магии пренебрежительно, называя её «уличными фокусами». Но, когда он появился в доме старухи, у него не было свитков, он не бормотал заклинаний, не размахивал руками или магическим артефактом! Он просто пришёл из ниоткуда и ушёл в никуда.

«Кто же вы, Ваше Первосвященство? — думал Викар, перебирая события последних дней и вспоминая брошенные на стол в сновидении человеческие кости. — Кто?»

* * *

Я вновь ощутила тело живым, а не превратившимся в студень. Файлинн жутковато поблёскивал глазами в неярко освещённой комнате. Сейчас его лицо напоминало морду какого-то животного — то ли хорька, то ли горностая, затаившегося перед прыжком. Я, стало быть, была той самой курицей или мышью, на которую хищник охотился.

— Поднимайся, дорогая, обопрись на мою руку... Вот так!

Он притянул меня к себе, на миг прижав, чтобы я ощутила его возбуждение. Размеры продемонстрированного меня испугали.

— Давай поедим! Ручаюсь, травить тебя я не буду, — продолжал Первосвященник, подводя меня к столу и отодвигая одно из кресел, — терпеть не могу яды — хотя иногда и приходится ими пользоваться! Нет никакой красоты в умирании поправленного отравой тела, лишь нечистоты, вонючий пот, блевотина... То ли дело тихое угасание?

Я вспомнила «тихое угасание» Асси в катакомбах под Тризаном, и в глазах у меня потемнело от бешенства. Чтобы сдержаться, схватила лежащую на блюде фазанью ногу и впилась в неё зубами, с удовлетворением ощущая, как голодна. Голод — одно из чувств, позволяющих нам понять, что мы ещё живы и можем бороться!

— Ты видела Атерис, — Файлинн сел напротив, налил мне и себе вина из кувшина, — озабоченная истеричка на троне — гарантия прозябания королевства! Нет, мне нужна сильная королева, такая, за которой пойдут народы в горячем порыве служить Единому! Я плохо знаю тебя, Тамарис, но в упрямо сжатых губах, в выражении глаз вижу силу и характер! Если бы ты перешла на мою сторону добровольно, мне не пришлось бы... ломать тебя.

Последние слова он произнёс мягко, как я сама говорила бы с больным ребёнком. И тем страшнее мне стало. Первосвященник, хоть и не показал ещё истинного лица — я была уверена, что всё виденное ранее, не более чем маски! — умел вытягивать из человека душу. Я поняла это, увидев, как привязана к нему несчастная Атерис, любовью которой он играл, как большой кот — полудохлой мышью.

Не отвечая, продолжала есть. Кинувшись к нему распростёртыми объятиями, я

выглядела бы подозрительно, так пусть думает, что пленница — невежа и грубиянка.

Помолчав, Первосвященник отпил вина из бокала. В отсвете каминного пламени он сверкало рубиново-красным. В медленном движении жидкости было нечто завораживающее. Я даже жевать перестала, наблюдая, а рука сама потянулась к бокалу.

— Хорошая девочка, — заметил Файлинн, когда я залпом выпила своё вино. — Вижу, ты в смятении от всего случившегося и не знаешь, что сказать?.. Что ж, я дам тебе несколько дней обдумать моё предложение. Согласна?

Кивнув, откинула назад волосы и вновь принялась за еду. Он всё равно не сдержит обещания! Я видела это в похотливом блеске его глаз, в том, как тонкие пальцы оплетали и сладострастно сжимали витую ножку бокала. Великая Мать, дай мне терпения пережить то, что мне предстоит!

Первосвященник, видимо, любил поговорить. Надо заметить, слушать его было интересно, хотя и неприятно. Когда он понял, что еда намертво перекрыла поток моего красноречия, принялся разглагольствовать сам. О том, как славно мы заживём, если я покорюсь его воле, с каким восторгом люди воспримут возвращение на трон старшей ветви королевского рода, как мы соберём под наши знамёна желающих умереть за веру и обрести вечную благодать, и прокатимся стальным катком по соседним странам, обращая их к истине!

— Истина, — говорил Файлинн, — самая сладкая ложь нашего мира, Тамарис! На самом деле не существует никакой истины, каждый смотрящий видит своё и только своё, на чужую точку зрения ему наплевать, даже если она и есть настоящая истина! Люди лживы по природе своей, и не просто лживы, но склонны ко лжи, не могут без неё существовать! Вера легко справляется с этим пороком, давая всем единое знание и единый постулат. Вера в Единого бога — очищает души и сердца ото лжи.

Я выпила ещё. У меня было ощущение, будто я читаю сафьяновую тетрадь мэтрессы Клавдии, понимая отдельные слова, но не улавливая общего смысла. Первосвященник только что сказал нечто очень важное, однако так укутал истинное знание в слова, что это важное я упустила!

— Ты разругалась, Тамарис, — улыбнулся Файлинн, отставляя бокал, — тебе это к лицу. Я пока не потребую ответа на вопрос о троне, но взять тебя хочу прямо сейчас!

Не успела моргнуть, как уже была в его руках, как он укладывал меня на ковёр у камина и целовал, будто кусал — жёстко, больно. Его руки шарили по моему телу, вызывая омерзение, но я прикрыла глаза, будто от истомы, и про себя шептала молитву. Выдержу, всё выдержу, лишь бы только увидеть его горло над собой. Нож, взятый со стола, был спрятан у меня в рукаве. Выхватить его — дело одного мгновения!

Файлинн торопился, расстегнул на мне куртку и порвал рубашку, спустил мои брюки. Видимо, обнажить меня полностью не хватило терпения.

Распята, я лежала под Первосвященником, а он вторгался в меня с хриплым восторженным смехом, держа за запястья. Мне было больно, он рвал меня своим естеством, но, видя его задранную вверх голову, белую кожу на шее и острый кадык, я чувствовала себя диким зверем, который алкал крови. Однако пока Файлинн не давал мне возможности двинуться.

— Не думал я... что ты... сумеешь соблазнить моего паладина!.. — задыхаясь от быстрых движений, сказал он. — Не скорби о нём, Та-ма-рис... Когда ты... станешь королевой, они все... будут твоими!

Ярость ударила меня под дых, вышибая крик, заставляя изогнуться. Мне удалось вырвать одну руку и, выкинув нож из рукава, перехватить ладонью. Его голое незащищенное горло было прямо передо мной, и я полоснула по нему со всей силы, вкладывая в удар боль, навсегда поселившуюся во мне с той минуты, как не стало Викера ар Нирна.

В следующий миг нож упал со звоном, а я ощутила уже знакомое бессилие в членах.

— Так и знал! — раздался насмешливый голос.

Первосвященник, целый и невредимый, стоял рядом со столом, одетый и заправленный, будто не он только что прыгал на мне, как заведённый.

— Не будет тебе нескольких дней, моя девочка, — он налил себе вина в бокал и вылил в глотку. — И ломать тебя я начну прямо сейчас! Живой или мёртвой, но ты покоришься и взойдёшь на Вирховенский трон!

* * *

Пробравшийся в Ховенталь ар Нирн, уставший, в пропылённой одежде, выглядел настоящим бродягой. Неторопливо шагая по улицам, он поразился тому, как изменился город. Улицы обезлюдели, их затопило безмолвие, будто чума вошла в столицу на своих кривых ногах и начала косить жителей. Не было слышно смеха, криков торговцев, лязганья доспехов стражников, детского лепета. Лишь нищие, во все времена обретающиеся у городских врат и на перекрёстках, по-прежнему сидели у стен, прося милостыню.

— Почтенный, что здесь происходит? — присев перед одним из них на корточки и вложив в грязную ладонь монетку, поинтересовался Викир.

— Приезжий, что ли? Эх тебя принесло не вовремя! — из-под спутанных волос в лицо паладину глянули бесцветные от старости глаза. — Люди напуганы, многие выходят из дома и не возвращаются. Это началось с пропажи нескольких молодых девушек... Кто мог, уже уехал из Ховенталья.

— А что говорит Первосвященник? — вторая монетка исчезла в ладони.

— Его Первосвященство велел казнить любого, кто покажется его гвардейцам и городским стражникам, патрулирующим улицы, подозрительным. Половину уличных торговцев уже порубали в капусту.

Викир достал третью монету. Ту самую, что дал ему убийца в чёрном.

Короткий взгляд, и рука с грязными ногтями накрыла его ладонь.

— Спрячь, пригодится! Иди на винные склады Холза...

— Благодарю, — кивнул Викир и вдруг, неожиданно для самого себя, добавил: — Благословение Великой Матери да будет с тобой!

Он ушёл, не видя, как в бесцветных глазах на миг появились изумление и радость, будто солнце вспыхнуло среди туч.

Склады, длинные бревенчатые здания, располагались неподалёку от городской пристани. Стараясь быть осторожным и не попадаться на глаза гвардейцам и более малочисленным городским стражникам, ар Нирн довольно быстро добрался до реки. Острое желание посетить Сонный квартал и поискать там знакомые лица он переборол, понимая, что в таких делах следует доверять тому, кто владеет информацией, а не собственным представлениям о действительности. У реки кипела работа, как будто и не раскинулся на её берегу прекрасный город, неуклонно впадающий в безлюдье. На якоре стояли несколько

торговых кораблей, разгрузка которых шла полным ходом. Справедливо полагая, что нищие есть и здесь, Викир неспешно прошёл мимо причалов, с которых выкатывали на подъезжающие телеги винные бочки, и на самом краю дальнего пирса увидел сидящего с удочкой старика. Сценка повторилась — пара монет для завязывания разговора и одна — для получения правильного направления. Дальше он двигался уже увереннее, к одному из складов, чьи ворота были заперты на огромный амбарный замок. «Правильная» монета была подсунута Викиром под створку, после чего рядом с воротами открылась неприметная дверца, и его впустили внутрь. В полной темноте ловкие руки профессионального вора обыскали его, отобрали меч. Он не сопротивлялся.

После обыска его долго вели куда-то, по ощущениям, всё ниже и ниже, а затем втолкнули в скудно освещённый зал.

— Эй! — раздался знакомый голос. — Да это же Викир! Привет, приятель!

От столика, сделанного из перевёрнутого бочонка, шёл к нему старый знакомый — подручный Стама Могильщика, убийца по имени Гас. Тот самый, что провожал его и Асси Костерн в порт и сажал на корабль, шедший в Артанстан.

Паладин смотрел на него в некотором обалдении. Вроде бы времени с последней встречи прошло всего несколько дней, однако он неожиданно понял, что за эти дни миновала целая жизнь. Жизнь, изменившая его, отчего люди представляли теперь не такими, какими казались, а такими, какими были на самом деле. Будто все глубинные чувства, тайные мысли, запретные и не очень желания поднялись на поверхность их душ, отразившись в лицах, как в зеркалах!

Он смотрел на человека в чёрном, гибкого как змея, и как змея опасного, а видел молодого мужчину, который всё чаще задумывался о собственном существовании, и о том, к чему он придёт в финале? Видел так ясно, будто Гас протягивал ему листок с написанным на нём вопросом.

— Как ты здесь оказался? — взволнованно спросил тот. — Где ребёнок?

Викир машинально прижал пальцы к губам, призывая к молчанию. Ведомый Гасом, прошёл за его столик, сел напротив, спиной к залу. Тихо сообщил:

— Она в безопасности, но Стам мёртв, а его дочь забрал Файлинн...

Гас откинулся на спинку стула, присвистнул:

— Вот даже как! Стоит ли мне спрашивать тебя, зачем ты вернулся?

Ар Нирн качнул головой. К чему лишние слова?

— Найдётся кто-нибудь, кто согласился бы провести меня в Тризан? Естественно, за плату!

Он и не надеялся на быстрый ответ, однако пауза затянулась.

— Мне очень жаль, приятель, но сейчас — нет! — ответил, наконец, собеседник. — Жители напуганы, многие покинули город. Обыватели трясутся от невнятных слухов, но мы-то знаем точно — люди, которых похищают с улиц ночью, или те, кого арестовывают гвардейцы Первосвященника и городская стража днём, отправляются прямиком в Тризан, чтобы более не вернуться! Старики судачат, мол, под Ховенталем пробудилось древнее зло, требующее кровавых жертв! А вниз по течению периодически всплывают трупы, так страшно изуродованные, что видевшие их сомневаются, люди ли это? Поэтому никто из наших не пойдёт туда! И тебе не советую!

Викиру не требовалось время, чтобы подумать. Он верил Гасу, насколько можно было верить подобному типу. Если уж этот отказался, никто ар Нирну не поможет!

— Благодарю за откровенность, — сказал паладин, поднимаясь, — но мне нужно в Тризан. Тебе не стоит спрашивать меня, зачем! Могу я уйти отсюда живым и забрать оружие?

С мгновение Гас смотрел на него в изумлении, а затем белозубо рассмеялся.

— А ты наглец, приятель, и это мне нравится! Идём, я отведу тебя к входу в канализацию и расскажу, как идти, чтобы не заплутать. Но о большем не проси! Меня самого жуть берёт при одном взгляде на логово Первосвященника!

Паладин промолчал. «Зло под Ховенталем», «логово Первосвященника» — вот, значит, как говорят о том, что совсем недавно он считал оплотом Света! Слухи, как дым! А дыма, как известно, без огня не бывает!

* * *

После мгновений ослепляющей темноты, которые длились вечность, я обнаружила себя там же, где когда-то нашла Асси: в клетке, стоящей на полу одного из склепов в катакомбах. Справедливости ради следует заметить, что клетка была побольше — и я могла вытянуться в ней в полный рост, — а в углу стояло ведро с водой, пахнущей тиной, однако вполне пригодной для питья. Раз в период времени, который я не могла установить, поскольку в освещённом едва теплящейся магической лампадкой помещении осознать день сейчас или ночь было невозможно, Первосвященник приносил хлебные корки и вялые овощи. Еда хоть и была неприглядна на вид, но поддерживала мои силы, из чего я сделала вывод, что морить меня голодом или жаждой Файлинн не собирается. Пленнице полагалось нечто более изопрённое. Очень скоро он подтвердил мои опасения. Первосвященник более не пытался овладеть мной, но содеянное им оказалось более страшным — он насиловал мою память. Я, не помнящая себя до определённого возраста, неожиданно стала ясно видеть маму и настоящего отца, короля Джонора. Их лица, склоняющиеся над моей кроватью и улыбающиеся. Чувствовать их прикосновения и запахи, слышать голоса... Файлинн неведомым способом вытягивал из моего сознания крохи прошлого и превращал в кошмары, в которых близкие люди неизменно гибли — мама, Стам, тётя Клавдия, Викиер, Асси и другие, все те, с кем сводила меня судьба. Мои сёстры. Мои пациенты. Мои друзья. Он ещё не сломил мою волю, но действительность я перестала воспринимать, видя её чередой бесконечных смертей. Тому способствовала и обстановка — прах и кости, окружавшие меня, светились в темноте и перешёптывались, царапали стены, будто пытались выбраться наружу. Катакомбы под Тризаном, полные мертвецов, жили своей непостижимой жизнью, наводящей ужас на живых, и на меня в том числе. Постепенно вокруг становилось всё темнее и... прозрачнее. Свет магической лампы, слабо освещающей склеп, я перестала воспринимать, а сияние немертвых, наоборот, видела ясно, однако гораздо сильнее пугала тьма, что затихла за их спинами. Затаилась, подобно огромному зверю, сознающему свою силу и лениво ждущему, пока добыча сама напорется на коготь или шагнёт в пасть.

Я не сразу осознала, что виной спутанного состояния сознания могут быть вода из ведра и пища, которую приносил Файлинн, но с некоторых пор стала выливать воду под клетку и выбрасывать сухари в тёмные углы склепа. Судя по пisku, раздающемуся оттуда, о кормёжке прознали крысы. С того момента я перестала спать, опасаясь быть загрызенной во сне. Клавдия всегда учила нас смирению в час собственной кончины, однако смиренно умереть

от крысиных клыков даже мне казалось слишком!

Первосвященник появлялся внезапно, будто хотел застать меня врасплох. Я начала ощущать его желание навестить меня за некоторое время до того, как он возникал, видеть Тризан так, будто стены были не более чем тенью в огоньках праха. И замечать, как истает моё тело, начиная светиться, подобно немертвым Тризана — так, постепенно, я становилась одной из них...

— Она умирает, Атерис! Это же очевидно! Не стоит злить Его Первосвященство, убивая её! Его гнев может быть ужасен!

— Пока она жива, я не успокоюсь, Астор! Да, он говорит мне, что дни её сочтены, да, он играет с ней, как кот с мышью, но она покамест дышит! Она смотрит на меня своими страшными глазами!

— Она не в себе, моя королева! И ничего не видит! Идёмте отсюда, меня здесь жуть берёт!

— Ха-ха, мой верный рыцарь! Неужели ты боишься темноты?

Ответом королеве было молчание. В сердцах признавшись в собственной слабости, Астор ар Нирн не собирался повторять ошибку.

Движение воздуха подсказало мне, что он рядом, присел на корточки у клетки, чтобы заглянуть мне в лицо.

— Ей недолго осталось, моя королева, — твёрдо сказал он, — вам не стоит беспокоиться!

Я не видела его и... видела. Он был полупрозрачен. Здесь, в Тризане, это говорило о многом.

— Викир любил тебя... — прошептала я одними губами, даже не зная, услышит ли он меня.

Резкое движение воздуха.

— Идёмте, Ваше Величество, здесь слишком холодно! Вы простудитесь!

Но теперь я знала, что он вернётся.

* * *

Двое мужчин стремились в другой конец города, стараясь держаться в тени стен. Вечерело. Улицы были пустынные, шаги стражи разносились далеко, поэтому патрули всегда можно было обойти или скрыться за забором или в подворотне.

Викир ни о чём не спрашивал. Отчего у него возникло чувство, что ответы ему не нужны? Что он и так понимает происходящее? Не хватало лишь последнего штриха, дабы осмыслить ситуацию до конца. И когда холодный голос приказал им остановиться, он понял — до него, до последнего штриха, остался буквально один шаг.

— Бежим! — закричал Гас.

Однако ар Нирн лишь толкнул его, придавая ускорение, и развернулся к солдатам, ведомым высоким офицером в чёрном с золотом плаще гвардейца Первосвященника.

— По какому праву вы остановили меня? — спокойно спросил он.

— Проверка документов! — офицер, лицо которого казалось знакомым, наверняка, Викир встречал его в Тризане, смотрел на него с высокомерным презрением, не узнавая.

Паладин усмехнулся. Ладонь привычно сжала рукоять того самого меча, что возжаждал

крови хозяина, повинуюсь злой воле Файлинна. Однако сейчас его не было рядом, а вот воля Викера была злее злого... Пришло время напоить клинок кровью приспешников Первосвященника!

— Взять его! — рявкнул офицер, и словно спустил с цепи псов. Стражники рванулись вперёд, однако ар Нирна неожиданно обогнула чёрная молния и с криком: «Хотя б один раз убью не за деньги, а за совесть!» ввинтилась в их толпу, сразу окружив себя падающими телами. Паладин шагнул к Гасу, чтобы прикрыть спину человека, которого и другом бы не назвал.

На крик о помощи прибежали ещё два патруля.

— Какого ты вернулся? — прорычал Викар, отбиваясь. — Уходи! Это моя война!

— Это война тех, кто устал бояться! — отмахнулся от него парень, всаживая узкий нож под ребро одному из нападавших. — Я — устал!

Их всё-таки скрутили. Бросили в подъехавшую телегу и куда-то повезли. Ар Нирну маршрут был известен. Благодарно улыбаясь, он прошептал молитву Сашаиссе.

— Чего ты шепчешь? — с удивлением спросил Гас.

— Прошу вразумления у Великой Матери там, где мы окажемся, поступить единственно верно, — спокойно ответил он.

— У...?! — вытаращился тот. — Ты ненормальный! А если услышат?

Ар Нирн прислушался к себе. В его сердце теснилось много чувств, некоторые причиняли боль, другие придавали страстное желание жить, но всепоглощающим было чувство, которое он не смог бы озвучить. Оно было ярким, как солнце, и надёжным, как отцовские объятия, глубоким, как океанские воды, и тёплым, как материнская колыбельная. Паладину казалась, раньше он был расколот, а нынче стал цельным, как кристалл без единого изъяна или трещины. Душа будто обрела стержень, на который могла опираться в минуты горя и отчаяния, как опиралась сестра Кариллис на боевой шест, словно на крепкую клюку.

— Пусть слышат!

Лето подходило к концу, осень уже тянула за собой надёжно запутавшиеся в сетях непогоды серые облака. Но и сквозь них иногда проглядывала бирюза... Бирюза и мёд твоих глаз, Сашаисса!

Над головой вырастали стены Тризана. Викар не сомневался — их привезут именно сюда, оттого и не последовал за Гасом, когда тот пытался сбежать. Но была и другая причина — ему хотелось самому убедиться в том, что Цитадель Веры является вовсе не тем, чем казалась.

Оплот Света был тёмн и зловещ. Толстые стены, ранее вызывавшие у ар Нирна чувство гордости за могущество церкви, ныне казались стенами склепа, скрывающего чудовищный труп. Викар даже поморгал, пытаясь избавиться от видения туманной дымки, вьющейся над террасами Тризана и вызывающей омерзительное ощущение в душе.

Стражники грубо вздёргнули пленников на ноги. Верёвка врезалась в заведённые за спину запястья, однако всю дорогу паладин, невзирая на боль, то напрягал, то расслаблял руки, и сейчас при определённом усилии мог бы вытащить одну из них.

— Куда их? — равнодушно спросил встречавший арестантов гвардеец Первосвященника.

Заглянув в его глаза ар Нирн ужаснулся, ибо узрел оловянный взгляд человека, который ни о чём не задумывается, ни в чём не сомневается, полностью положившись на веру в

Единокого и приказы своего пастыря. Неужели и у него, Викера, когда-то были такие глаза?

— Вниз! — так же равнодушно ответил стражник, подталкивая в спину сразу обоих.

Зубы Гаса ощутимо лязгнули. Несмотря на то, что его била мелкая дрожь, он распрямил спину, развёл плечи и повернулся к ар Нирну:

— А ну-ка, приятель, напомни мне молитву, которую давеча читал! Думаю, мне тоже не мешает вспомнить!

Грубый тычок в спину древком копья помешал паладину ответить. Однако он всё же забормотал слова, будто выжженные на сердце. Гас, шедший рядом, внимательно слушал. Помогла ему молитва, или же он самостоятельно взял себя в руки, как тот, кто не раз ходил по лезвию ножа и привык к опасностям, но чем ниже под Тризан они спускались, тем спокойнее становился человек в чёрном. И тем сильнее Викир понимал, что попал сюда именно тем путём, каким и должен был.

Стуча подкованными каблуками по полу, мимо пронёсся один из паладинов Первосвященника. Викир запнулся и замолчал, а молитва продолжала жить в нём своей, непостижимой жизнью, течь рекой, врачуя душевные раны, хоть и стояло перед его глазами лицо пробежавшего. Лицо брата.

* * *

— Ты можешь оживить их, подарить счастливые дни и ночи под небом, полным звёзд... Ты можешь воскресить их всех — я дам тебе такую власть, дам такую власть своей истинной королеве! Видишь, они мертвы? Мертвы из-за тебя! Исправь свою ошибку, подари им жизнь!

Этот постоянно звучащий шёпот мучал меня гораздо сильнее видений, в которых раз за разом умирали дорогие мне люди. К видениям прибавились и слуховые галлюцинации. Если раньше я слышала лишь шорохи, издаваемые мертвецами, то теперь к ним добавились крики живых, умирающих в мучениях или теряющих от них рассудок. Ничего страшнее я ещё не слышала! Они были одинаково ужасны — крики женщин и мужчин, девушек и юношей, мальчиков и девочек. И самым страшным в них было то, что они казались куда реальнее шевеления призраков. Где-то в катакомбах ежедневно и ежечасно погибали неведомой жуткой смертью люди, а я не могла помочь им, ибо совершенно обессилела от голода, жажды и постоянного, выматывающего шёпота Файлинна.

Первый удар по щеке не привёл меня в чувство, так же, как и второй, и третий. Лишь холодная вода, та самая, с намешанными галлюциногенами, выплеснутая из ведра в лицо, заставила сделать усилие, чтобы сжать губы, не пустив ни капли отравы в кровь. Сильные руки подняли меня и вжали лицом в прутья решётки.

— Очнись, ведьма, очнись! — услышала я яростный голос. — Да очнись же! Что ты знаешь про Викера?

— Он... простил тебя!

— Единый! Когда ты его видела? Где?

— Он... был... жив! Ты... не убил... его!

— Что с ним сейчас?

Мне удалось открыть глаза. Бледное лицо паладина казалось белым пятном луны, танцующей в небе. Ещё один удар пришёлся весьма кстати — прояснил сознание. Ужасно хотелось облизать мокрые губы, сухость во рту и глотке была болезненна, но я запретила

себе делать это.

Не дождавшись ответа, Астор ар Нирн в сердцах оттолкнул меня прочь и поднялся, собираясь уходить.

Вцепившись в прутья ослабевшими пальцами, я не позволила себе упасть грудой тряпья на дно клетки и заговорила, хотя мой голос напоминал карканье вороны и был таким же хриплым и язвительным:

— Файлинн убил твоего брата, Астор... Я исцелила его после удара в спину, нанесённого тобой неподалёку от стен Фаэрверна. Он хотел увидеть тебя, посмотреть в твои глаза и найти ответ на вопрос: почему? Хотя знал его и так! Вот только до последнего не мог поверить, что убивший его исподтишка, и мальчишка, которому он врачевал рану под тисовым деревом — один и то же человек!

Несколько мгновений Астор стоял, качаясь, будто пьяный. Словно не он Викера, а я — его ударила кинжалом под лопатку. Затем развернулся и бросился на клетку. Повинуясь инстинкту самосохранения, я отползла подальше от окованных железом каблуков, лупящих по решёткам там, где только что были мои пальцы.

— Ты лжёшь, мой брат был мёртв! Ты лжёшь, ведьма! — кричал младший ар Нирн, и в его голосе я ясно слышала не ненависть — надежду. Неужели его рука дрожала, когда он бросал кинжал? Или он ощутил раскаяние позже, ночами, не в силах уснуть от воспоминаний?

— Он был жив ещё несколько дней назад, Астор, и был бы жив, если бы Файлинн его собственным мечом не заколол его!

Паладин перестал бросаться на моё убежище и вдруг захохотал, как сумасшедший.

— Лживая сука! Файлинн заколол моего брата?! Как бы ни так! Викир, как воин, стоил десятков таких, как Его Первосвящество! Даже я не одолел бы его в честном бою! Куда уж Файлинну!

Я попыталась встать на ноги, но поняла, что переоценила силы. Горящий призрачными огоньками контур моего тела становился всё заметнее, странно, отчего Астор не видел сияния, заливающего пол и стены склепа?

— Честного боя между ними не было, — тихо сказала я, и мой голос обрезал смех паладина, будто острейшая бритва, — было чёрное колдовство, заставившее меч Викера вонзиться ему в грудь.

— Кому, как ни тебе знать о чёрном колдовстве, а, ведьма? — он вновь присел на корточки у стенки клетки. — Почему я должен верить тебе?

Я покачала головой.

— Не должен, Астор. Мне — не должен! Лишь своё сердце слушай, оно не ошибается, даже если ошибается хозяин! Уходи теперь! Я сказала то, что тебе следовало услышать — Викир любил тебя, несмотря на твоё предательство. Тебе с этим жить... Уходи!

Астор ар Нирн с неожиданной силой вцепился в прутья решётки. Его мышцы вздулись, лицо покраснело. Казалось, ещё немного, и прутья разойдутся в сторону, дав его рукам возможность нащупать и сжать моё горло.

— Ненавижу тебя! — прорычал он. — И его ненавижу! Это я его убил, слышишь? Моя королева приказал мне — и я убил его! Да будь он проклят! Да будь я...

С этими словами он с силой оттолкнулся и канул во тьму катакомб, оставляя отчаяние так явственно звенеть в тишине склепа, что у меня заболела голова.

Судя по мерному топоту, навстречу шёл целый отряд. Викир вскинул взгляд и едва сдержал вскрик...

Они были построены в шеренги по шесть человек. В основном мужчины, однако, встречались среди них и женщины. Безжизненная серая кожа, бессильно повисшие руки, шаркающие шаги и... иступлённый блеск в глазах безумцев. Все, все до единого они были одержимы чем-то, почти убившим в них свет душ. Ар Нирн ясно видел, как тускнеет солнечный и бирюзовый внутри телесных вместилищ, сменяясь на серый, переходящий в багрово-чёрный.

Они с Гасом проводили их взглядами, едва не свернув шеи.

— Эй, почтенный, подскажи, откуда ведут таких красивых? — голосом, полным отчаянной храбрости, спросил тот у одного из конвоиров.

Викир не удивился, услышав ответ:

— Снизу.

Похоже, и его, и наёмного убийцу ждала та же участь.

Гас посмотрел на него, однако ничего не сказал, лишь зашевелил губами, читая напомненную Викиром молитву.

«Снизу» — из катакомб под Тризаном. «Снизу» — оттуда, где Файлинн держал Асси и — есть вероятность! — держит Тамарис!

При мыслях о ней на сердце у ар Нирна стало тепло. Как будто кто-то взял его, как мокрую птицу, в ладони и бережно согрел дыханием. Кажется, он перестал воспринимать рыжую отдельным человеком. Кажется, она стала частью его. Его женщина...

Потемнело. Неровный свет факелов испуганно бился от сквозняков, порождая пугающие тени по углам. У тяжёлой, влажно блестящей решётки конвоиры остановились. Один из паладинов Его Первосвященства, стоявших по обеим её сторонам, снял с шеи массивный ключ и открыл калитку. Пленникам развязали руки и втолкнули внутрь. Перед ними коврой дорожкой убегал в темноту неизведанный путь. Викиру вспомнилась тёмная дорога, которую Тамарис увидела в том лесу — недоброе сравнение, однако теперь он отчётливо видел сходство, особенно там, где чернота решительно отсекала слабый свет факелов у решётки.

— И что нам нужно делать? — растерянно спросил у стражников Гас.

— Идите через катакомбы. Найдёте дорогу наружу — останетесь в живых!

Забрала на шлемах были опущены, оттого голос паладина казался исходящим из могилы.

— Идём! — решительно сказал ар Нирн и пошёл прямо в темноту.

Он ни разу не оглянулся. Если его предположения были верны — скоро появится мерзкое зеленоватое свечение, указующее на запретное капище.

Но Викир ошибался.

Сжавшись в комок на дне клетки и зажав уши, я твердила молитву к Великой Матери,

но слова уже путались. Ясного света разума в моей голове становилось всё меньше. Всё сильнее заволакивали его видения и пугающие тени, блуждающие огоньки галлюцинаций и истинные картины бытия катакомб, от которых впору было сойти с ума.

Скрежет замка не сразу привлёк моё внимание. А когда я открыла глаза и подняла голову — она уже стояла на пороге. Прекрасная, как посланница Смерти. Грозная, как сама судьба. Моя сестра Атерис. Её тело было прозрачным, лишь срывались с контура огненные капли, падали на пол, тлели углями. Необъяснимо прекрасное и невыразимо печальное зрелище, ведь с каждой из них истекали минуты отпущенного королеве существования.

— Ну, наконец-то! — торжествующе воскликнула она. — Наконец-то я доберусь до тебя, отцовское отродье! Никто, слышишь, никто не сможет отобрать у меня трон! Никто не отнимет Файлинна!

В её руке блеснуло лезвие клинка. В него гляделись как в зеркало узкие зрачки зверя по кличке Смерть.

Сделав усилие, я подползла к решётке, встала, цепляясь за прутья. Негоже монахине Сашаиссы принимать дорогую гостью на грязном полу клетки! Я найду в себе мужество заглянуть в звериные зрачки клинка, а если воля моя ослабнет — Великая Мать даст мне силы принять финал с честью! Как учила мэтресса Клавдия. Тётя Клавдия!

— Хочешь разжалобить меня? — делая шаг вперёд, спросила Атерис.

Её прекрасный рот кривился в гневливой и презрительной гримасе, глаза горели, как у кошки. Прекрасная злоба. Злобная красота.

Я мотнула головой. Горло окончательно пересохло и не могло исторгнуть ни звука!

Королева остановилась вплотную. Её дыхание обожгло моё лицо. С минуту она сверлила меня взглядом, а потом вдруг сделала неувловимое движение рукой. словно змея скользнула...

Под рёбрами стало горячо и мокро. Я продолжала смотреть ей в глаза, пытаюсь взглядом высказать всё, что следовало. Задать нужные вопросы... Затронуть важные струны... Исцелить гниль, что породил Первосвященник в сердце маленькой, доверчивой, белокурой девочки. Я — монахиня Великой Матери! Целитель божьей милостью! Бирюза и мёд твоих глаз, Сашаисса, да коснутся её, моей убийцы! У меня нет к ней ни ненависти, ни раздражения, лишь жалость... Лишь желание обнять и погладить по голове, и сказать... что я люблю её, мою глупую сестрёнку!

Зрачки Атерис стремительно расширились. Спиральями Млечных путей раскручивалось в них понимание, ведь, несмотря на тягостное молчание, наши души прекрасно слышали друг друга. Слезы наполнили её глаза... Всклипнув, она подхватила падающую меня. Послышался звон металла о камень — то кинжал выпал из её ослабевшей руки. А затем мощный рывок оторвал её, швырнув меня на пол.

Огненные капли чужой жизни усеяли пол и гасли, гасли, гасли...

Мои пальцы, машинально зажавшие бок, купались в горячей крови...

Файлинн держал королеву за волосы и смотрел ей в лицо с нежностью, заставившей меня на мгновение забыть о том, что умираю.

— Ах ты... неблагодарная тварь! — прошептал он едва слышно, однако для меня каждое слово ревело прибоем во время шторма. — Коварная искушительница! Стащила ключ от клетки, думая, что я сплю после любовных утех?

— Ты — мой... — заплакала Атерис. Тихо и обиженно, как ребёнок. — Зачем она тебе, если у тебя есть я!

— Ты... — он наклонился ниже. — Ты... Тебя у меня больше нет!

И с последними словами обхватил её голову ладонями и легонько повернул, чуть наклонив. Хруст позвонков был оглушитель. Я закричала и попыталась встать на ноги. И тут же обнаружила Файлинна рядом со мной. Он клал ладонь на мою рану, и его лицо болезненно искажалось, будто не меня ударила королева кинжалом, а его!

— Атерис — похотливая сука! — выругался он, беря меня на руки и поднимаясь. — Ну, ничего, так даже лучше! Рана слишком глубока, просто её не исцелить! Отведав моей крови, ты станешь покладистее, особенно, если сойдёшь с ума!

У меня закрывались глаза. Никогда в жизни не ощущала такого холода и усталости. Ну да... Я же умираю! Умираю и вижу, как затихают в ужасе немёртвые катакомб, покуда Первосвященник бережно, будто пёрышко, вытаскивает меня из клетки. Перевожу на него взгляд, надеясь узреть ту же прозрачность, что и в них, однако лучи света пропадают в его теле, вместо которого — сгусток тьмы, сокрытый человеческой оболочкой. Пастырь не пастух. Волк в овечьей шкуре!

— Истина... — из последних сил шепчу я, — она есть! Только... ты... пытаешься... подсунуть... ложь... вместо... неё!

— И где сейчас твоя истина, дитя? — насмешливо спрашивает он. — Твои близкие мертвы, ты — умираешь! Я спасу тебя, поскольку ты нужна мне, как знамя для битвы. Так в чём же правда? В том, что ты не желаешь спасти тех, кто погиб, или в том, что Я спасу ТЕБЯ?

— Истина в том, что ты — зло, Файлинн! — раздался вдруг голос с того света, и по моим глазам ударило блеском бирюзы, оправленной в золото. — И именем Сашаиссы я приказываю тебе покинуть этот мир навсегда!

* * *

Стены и пол катакомб действительно источали сияние. Едва заметное, еле уловимое. А, может быть, глаза привыкли к темноте, которая оказалась не крошечной?

Викер шагнул в одном из известных направлений, слыша за спиной хриплое дыхание Гаса: наёмному убийце было сильно не по себе.

— Куда мы идём? — спустя некоторое время спросил он и испуганно оглянулся.

В катакомбах царили шорохи. словно тысячи когтистых пальчиков царапали стены... То ли скрипели балки и арки, укрепляющие своды, то ли шептал сквозняк.

— Вперёд, — коротко ответил ар Нирн.

Держать направление по никем более не виденному пути с непривычки было очень сложно, и он старался не отвлекаться. Потому едва не пропустил момент, когда из-за поворота со сдавленным криком и безумным блеском в глазах на него бросился... нет, не призрак. Ужасающее подобие человека. Гас спас спутника, дёрнув за руку, мгновенно выхватив нож, спрятанный в голенище сапога, и всадив его в горло нападавшему. Он и Викер склонились над телом, из шеи которого хлестала кровь, в сумраке кажущаяся бархатисто-чёрной. Из рта несчастного пошла белая пена, глаза страшно закружились в орбитах глазниц. Похрипев с минуту, он затих. Лишь скребли пол слабеющие пальцы.

— Великая Мать, кто это? — побелевшими губами спросил Гас.

— Тот, кто не нашёл дорогу наружу, — тихо сказал ар Нирн и, присев на корточки

перед мёртвым, положил ладони на его веки, закрывая их.

Однажды, ещё в детстве, видел, как подобным образом поступал священник, пришедший в час кончины бабушки к ним в дом. Викир помнил, как тот негромким глуховатым голосом читал над телом молитву, и сам принялся читать, тихо и спокойно, с твёрдостью прося у Сашаиссы простить несчастному прегрешения и очистить душу от зла. Ему показалось или это было на самом деле, но будто зелёный росток проклюнулся из груди мертвеца и потянулся к небу, пробив каменные своды катакомб?

— А что случилось с теми, кто нашёл дорогу наружу? — когда он замолчал, севшим голосом спросил его спутник, спугнув видение.

— Ты их видел, — ответил паладин, поднимаясь и привычным жестом отряхивая колени. — Целый отряд...

— Значит, это правда? — прошептал Гас. — Про зло под Тризаном? Нам не выбраться отсюда?

Викир взглянул ему в глаза:

— Мы постараемся, Гас, идём!

И снова путь ждал их, подняв чёрное нёбо и вывалив бархатный язык. Только теперь ар Нирн был начеку. Катакомбы кишели безумцами, которых лабиринт Файлинна свёл с ума, превратив в одержимых, жаждущих крови. Они выскакивали, как демоны из табакерки, гонимые то ли голодом, то ли страхом, обнажали зубы и бросались к горлу жертвы, истошно крича. И чем глубже забирались Викир и Гас, тем больше слышали криков, воплей, стонов и грызни, в которых не осталось ничего человеческого. Как вдруг среди дикой какофонии прозвучал другой — яростный крик женщины. Ар Нирн узнал голос и понял, что Тамарис жива, но он теряет её! В этот момент! Именно в это мгновение! Он побежал в проход, откуда донёсся звук. Гас припустил следом. Сразу несколько безумцев выскочили им наперерез. Судя по воплям из соседних коридоров, сюда же спешили другие.

Зарывав от отчаяния, паладин вбился в гущу тел, круша черепа руками, сцепленными в замок, как вдруг ощутил дорогу свободной. Чёрная молния кружила между безумцами, усеивая пол телами.

— Беги, парень! — закричал Гас. — Беги к ней! Я задержу их!

Не зная, что сказать в ответ, чувствуя, как горло перехватывает спазм и понимая, что спутника он больше не увидит, ар Нирн кивнул и бросился прочь. Тёмный путь плясал перед глазами, не давая свернуть не туда. Из разлома в стене плескал на пол призрачный свет, здесь более яркий, чем везде. Викир замедлил шаг и остановился, прислушиваясь. От тихого голоса, полного чудовищной нежности, у него волосы поднялись дыбом. Она шагнул вперёд и увидел Первосвященника, держащего на руках Тамарис. Точнее, увидел воронку тьмы, в которой истаивал, пропадал свет, шедший от рыжей монахини.

— И где сейчас твоя истина, дитя? — говорил Файлинн, жадно глядя ей в лицо. — Твои близкие мертвы, ты — умираешь! Я спасу тебя, поскольку ты нужна мне, как знамя для битвы. Так в чём же правда? В том, что ты не желаешь спасти тех, кто погиб, или в том, что Я спасу ТЕБЯ?

Молитва, которую Викир не прекращал повторять про себя всё это время, вдруг развернулась, как сжатая пружина, накрыв его с головой и заставив забыть о себе. Он уже знал это ощущение: Зов Великой Матери. Не человек, но ОНА повелевала порождение тьмы, медленно надвигаясь:

— Истина в том, что ты — зло, Файлинн! И именем Сашаиссы я приказываю тебе

покинуть этот мир навсегда!

* * *

Первосвященник изумлённо выпрямился. Свет бил с такой силой, что я попыталась поднять руку и прикрыть глаза. А голос продолжал звучать, слова молитвы испаривались, как пламенеющие бабочки, и с каждым из них лицо Файлинна менялось, всё больше искажаясь. Он более не походил на человека.

Держа меня на руках, Первосвященник поднялся, намереваясь шагнуть к источнику голоса, и... не смог пересечь границу света. В этот момент из темнеющего сбоку прохода в склеп ворвался один из паладинов. В растерянности остановился у неподвижного тела Атерис.

— Моя королева?.. — тихо позвал он. — Любовь моя!

Голос чтеца вдруг оборвался, словно человек сделал шаг в пропасть. Свет истаял, и, не веря своим глазам, я разглядела Викера ар Нирна! Живого и невредимого! Моего Викера!

Файлинн, мгновенно оценив ситуацию, заговорил со свойственными ему вкрадчивыми нотками:

— Я не знал, Астор, мальчик мой, что ты можешь не выполнить приказ своей королевы! Но, раз твой брат жив, а королева пала от его руки, значит, так и есть!

Младший ар Нирн поднял на него полный растерянности взгляд и переспросил:

— Викиер?

— Это ложь! — крикнул тот. — Я не убивал её!

— Он убил её хладнокровно. Свернул голову, как курице. Астор, Астор, кому ты веришь больше, своему духовному отцу или отступнику и убийце?

— Брат, зачем мне было убивать её?

Я всё это время ощущала, как слабею, видела, как тьма затягивает склеп. Не та, что плескалась чёрными чернилами в Первосвященнике, а другая, сотканная Смертью, паутина, в которой я запутывалась сильнее с каждой потерянной каплей крови. Мои руки висели плетью, как вдруг пальцы нащупали рукоять кинжала, спрятанного в складках богато расшитого золотом пояса одеяния Первосвященника.

— Именно Атерис отдала приказ о твоей казни, Викиер — мурлыкнул Файлинн, — не я, заметь!

Астор медленно потащил из ножен меч.

Викиер ар Нирн шагнул навстречу.

— Опомнись, брат, — твёрдо сказал он. — Даю слово, я не убивал Её Величество!

Взревев, как раненый зверь, младший ар Нирн бросился на старшего. Клинок чиркнул по стене склепа, выбив из камня искры и потревожив чьи-то останки.

Мне, наконец, удалось ухватить рукоять более-менее крепко. Пальцев я почти не чувствовала — их сковывали оцепенение и холод, но надеялась, что на последний удар сил хватит. Больше я ничем не могла помочь Викиеру, разве только...

Я подхватила пропавшее слово затихнувшей молитвы, как знамя. Как раненую птицу. Тепло шло из сердца, согревая её. И мне не надо было напрягаться, чтобы читать слова, выжженные в памяти. Мой голос стал громче, и Файлинн с ненавистью тряхнул меня, причиняя боль.

— Замолчи, Тамарис! Заткнись!

Мне показалось, или к моему голосу прибавился ещё один — спокойный голос мэтрессы Клавдии? И ещё — строгий и чуть насмешливый сестры Кариллис? И ещё... и ещё... Возможно, лишь я слышала их — голоса убитых дочерей Фаэрверна, моих сестёр? Но пальцы вдруг обрели силу рвануть кинжал из-за тугого пояса и всадить его Первосвященнику под лопатку. Краем глаза мне удалось увидеть, как сошлись врукопашную братья у стены склепа. Викеру удалось выбить из руки Астора меч. Теперь их силы были равны. Прижав его к камню и нависнув над ним, старший несколько раз хорошенько приложил младшего затылком к стене.

Между тем, Файлинн перевёл на меня изумлённый взгляд и качнулся. Я не успела ударить дважды — он швырнул меня на пол, как ядовитую змею, и, заведя руку назад, принялся нашаривать рукоять. Длинные пальцы, кажущиеся ослепительно белыми в полумраке склепа, ползали по его спине, как огромный паук.

— Ненавижу вас, люди! — вдруг странным низким голосом сказал он. Легко выдернув кинжал, уронил на пол. — А особенно, тебя, отступник, тебя, ведьма и тебя... идиот!

Резко отпустив брата, Викар отступил назад и внимательно посмотрел на Файлинна.

— Что? — побелевшими губами спросил Астор.

— Нет ничего глупее мужчины, отдавшего женщине по самые яйца! — ухмыльнулся Первосвященник, подбирая кинжал и поворачиваясь ко мне. — А ведь она даже не вспомнила твоё имя, мой мальчик, когда я сворачивал ей шею!

Глядя в его белые от бешенства глаза, я поняла, что вот теперь-то Смерть делает последний шаг! И так уж она замешкалась, заигравшись со мной!

Викар метнулся к нему, но Астор был быстрее. Со сдавленным криком он подхватил с пола свой меч, оттолкнул брата и, бросившись на Файлинна, вонзил клинок ему в спину. Потемневшее от крови лезвие вышло из его груди... А спустя мгновение Первосвященник уже стоял за младшим ар Нирном, и кинжал рисовал кровавую улыбку на горле паладина. Всё произошло мгновенно. Викар подхватил падающего брата и, оттащив от Файлинна, рухнул вместе с ним на пол. Первосвященник медленно опускался на колени, ощупывая торчащее из груди лезвие, почти как Викар в доме сестры Кариллис.

Голоса, окружавшие меня, стали громче. В сиянии бирюзы и мёда я видела их — своих сестёр. Я видела стены Фаэрверна, прекрасные в своей целостности и мощи, заросшие плетями девичьего винограда и плюща, дарующие надежду. Я видела беседку для Привратницы и блеск золотого ключа в её потемневших от времени ладонях. Видела, как медленно раскрываются ажурные двери алтаря, приглашая меня внутрь, в ярчайший свет любви. И, со вздохом облегчения, шагнула внутрь.

* * *

Время остановилось. Затихла на полу рыжая. Первосвященник застыл, стоя рядом с ней на коленях. Лишь бурлила и весело пузырилась кровь из страшной раны на горле Астора. Тот пытался что-то сказать, но каждая попытка вызывала новый фонтан. Потому лишь смотрел в глаза брату, и взгляд говорил о многом.

Об отчаянии и страхе.

О раскаянии и горечи.

О холоде и пустоте...

Прижав его к себе, Викиер плакал без слёз, а в памяти вставало поле, где бегали они, босоногие потомки ар Нирнов, тис и листья подорожника, что он наклеивал на царапину Астора, совместные игры и шалости, общие страхи и надежды, всё то, что делало их родными, близкими. Семей. Первые слёзы пролились, когда он, положив умершего на пол, накрыл ладонями его веки и зашептал молитву. Ему показалось, или его голос был не одинок? Нет, он действительно слышал их — женские и мужские голоса, сотни и тысячи голосов, которые помогали не сбиться с пути, в отчаянии не забыть слова. И когда зелёный росток пророс из груди Астора и ушёл вверх, время вновь пустилось вскачь, будто взбесившаяся лошадь.

Файлинн заваливался на бок, его кожа собиралась в складки и обвисала, словно на скелете. Вскочив, Викиер с ужасом следил, как съёживается тело, превращаясь в мешок из одеяния Первосвященника. Как тьма, наполнявшая его, поднимается грибовидным облаком и смотрит безглазо в лицо, как выбрасывает отростки в его сторону, пытаясь добраться, но не в силах преодолеть свет, даруемый словами Сашаиссы. Как с рёвом устремляется вглубь катакомб, через стены и перекрытия, вызывая полный отчаяния крик у блуждающих там безумцев и шёпот ужаса и сожаления у встревоженных мертвецов. Когда тьма исчезла, он бросился к Тамарис, поднял, прижал к себе. Она не дышала. На прекрасном бледном лице застыла странная, нежная улыбка...

Запрокинув голову, ар Нирн закричал, криком разрывая себе грудь.

«Отчаяние — путь во тьму, дитя!»

Викиер резко обернулся. Они стояли позади — серьёзно смотревшая на него девочка и сероглазая монахиня Великой Матери, держащая сармато. Асси Костерн и мэтресса Таграэрна Лидия.

— Положи нашу сестру на пол и отойди! — приказала последняя.

Викиер молча замотал головой. Ему казалось — отпусти он Тамарис, потеряет её навсегда!

Асси коснулась руки мэтрессы.

— Подойди, Викиер ар Нирн! — негромко сказала она, и в её голосе он с изумлением узнал тот, что говорил о пути во тьму.

Словно во сне он шагнул к ней и опустился на колени, прижимая рыжую к груди. И замер, глядя на ребёнка. Как он раньше не замечал, что она не похожа на обычное дитя? Эти широко расставленные глаза, высокие скулы, прямой нос и губы — паладин узнавал изображение Сашаиссы, не раз виденное в подвергнутых поруганию Храмах. Асси протянула к Тамарис руки, словно собираясь ладонями накрыть ей веки. Викиер подался назад — не мог поверить, что его женщины больше нет. Смерть играла с ними обоими, но он отдал бы всё, чтобы она перепутала цели! Ради неё, ради рыжей, он готов был умереть! Лишь бы она была жива!

«Посмотри на меня, дитя! Забудь об отчаянии, из-за него ты боишься ПОВЕРИТЬ. Думай о своей любви к Тамарис и смотри на меня!»

Викиер нерешительно поднял глаза и утонул во взгляде, полном бирюзы и мёда. В этом тёплом сиянии слышал голоса: свой и Тами.

«— Кто ты? — Та, кого тебе следует убить! — Ты не боишься меня?..»

«— Вернись в Фаэрверн, оглянись вокруг? Это — то добро, которое Бог несёт людям? Пройдись по окружающим деревенькам и городкам, спроси — скольким жителям мы,

монахини Великой Богини, исцелили души и тела — словом и делом, служением и любовью? — Новое всегда начинается с разрушения! Люди всегда противятся новому! Но новое — то, что сделает жизнь лучше!»

«— Спасибо, Тамарис! Ты помогаешь всем... — Великая Мать учит нас не проходить мимо чужих бед, тем самым умножая их. Благодарю её! — Я пока не могу...»

— Я могу... — прошептал ар Нирн, ощущая в сердце такую твёрдость, будто основой для него был сармато сестры Кариллис. — Великая Мать, я могу верить! Теперь — могу!

И протянул ей тело Тамарис, а вместе с ним выпустил боль и отчаяние, неверие и страх из души, как летучих мышей с чердака.

Всполохнулся затхлый воздух. Тяжесть тела исчезла с его рук. Широко раскрытыми глазами паладин смотрел, как ловит мэтресса Лидия падающую Асси, а ожившая Тамарис изумлённо разглядывает лежащие на полу тела королевы, Астора и то, что осталось от Первосвященника. А затем бросается к Лидии, простирая руки над девочкой. Как мэтресса бережно, но твёрдо отводит её ладони и склоняется в глубоком поклоне. Как в лице рыжей появляется нечто новое, изменяя его, делая неумовимо похожей на... Асси Костерн. Нет. Не на неё...

* * *

Я ощущала себя... непривычно. В голове не было ни единой мысли, ни одного воспоминания, зато в душе впервые царил покой. Я была уверена... понятия не имею, в чём я была уверена, однако уверенность оказалась впечатляющей.

Передо мной склонилась красивая женщина, в дорожной одежде боевой монахини. Скинутый чёрный плат открывал толстую русую косу, короной уложенную на голове. У моих ног лежала Асси Костер, и с первого взгляда я поняла, что девочка мертва.

— Она выполнила своё предназначение, о, Великая, — сказала монахиня, поднимая голову. Её щёки были мокры от слёз, — сберегла то, что с рождения принадлежало тебе — божественную сущность.

— Я не понимаю... — прошептала я и вдруг ощутила... будто за моей спиной выросла нерушимая стена. Будто никто и никогда больше не сможет угрожать мне и причинить вред. Будто... я стала цельной, как чудом сросшиеся половинки сармато.

Медленно обернувшись, увидела мужчину... Имя не сразу всплыло в памяти. А когда всплыло, воспоминания посыпались одно за другим. Голова закружилась. Я покачнулась, и он тут же обнял меня, запрятал в кольцо рук, не давая упасть. Викар... Викар ар Нирн. Мой Викар!

Прижалась к его груди, подавая знак, что всё вспомнила. Позволила себе мгновение слабости, ведь слабость свойственна и богам. А затем расцепила объятия и, протянув руку, забрала у ничего не понимающей мэтрессы Лидии сармато.

— Останься с телом Асси, дитя. Дарую тебе силу защищать его от одержимых!

Она опустила на колени, принимая благословение.

Я знала, где искать своего векового врага. Много лет назад, во время работ по укреплению катакомб, Файлинн спрятал в них его тело. Точнее — своё тело. Одержимый Дагоном юноша, прибывший в Ховенталь и втёршийся в доверие к Джонору Великолепному, человеком не был, лишь видимостью. Уже тогда я приняла решение выставить против него

своего бойца. Королевское дитя, Тамарис, родилась в срок, однако была слишком слаба, чтобы принять божественное предназначение. Кроме того, мне нужно было выманить Дагона из человеческой оболочки, ведь только в истинном облике я могла изгнать его из этого мира в другой план бытия. Враг едва не опередил меня, подослав к королеве Сильмарис и детям наёмного убийцу. И мне пришлось на краткий миг завладеть неокрепшим разумом ребёнка, чтобы остановить его руку. Тогда моё вмешательство обернулось для Тами потерей памяти и... приобретением весьма неожиданного отца. Признаюсь, такого даже я предусмотреть не могла! Первую половину жизни она не оправдывала моих ожиданий, поскольку была совершенно неуправляемой, своевольной, неразборчивой в связях. Я уже думала оставить ей судьбу маленькой разбойницы и создать нового бойца, но она решила по-другому, рассорившись с приёмным отцом и отправившись в Фаэрверн. Именно обитель помогла ей принять свою судьбу.

Над головой Лидии вспыхнул и погас сияющий знак. Силы мэтрессы возросли стократ — никакие одержимые ей были не страшны, хотя я и забрала её сармато. Мне он был нужнее!

На заре времён, на краю земли, росло гигантское Мировое Древо, ветвями пронзающее небо, корнями вгрызающееся в недра. Оно удерживало в равновесии три плана бытия — верхний, срединный и нижний, покуда Дагон не вырастил Огненного Червя, подгрызшего его корни. Охваченное огнём Древо рухнуло, открыв тёмным силам во главе с Чернобогом путь наружу. Древо погибало, пытаясь сохранить центральный стержень, сущность и образ Равновесия. Именно из него мною был сделан первый боевой шест, чья суть передавалась остальным во время сакрального ритуала. В руках моих детей сармато был грозным оружием, однако в моих должен был стать тем, чем являлся — последним ростком Мирового Древа, чьё прикосновение причиняло Дагону невыразимую боль. Именно с его помощью вечность назад мне удалось изгнать Чернобога, но, к сожалению, во время битвы оказалась почти уничтоженной первораса райледов — прекрасных и мудрых.

Обернувшись, я посмотрела в глаза стоящего рядом мужчины. Паладин был полон чистым светом веры, незамутнённым сомнениями и страхом. Воин Света — таким было предназначение Викера ар Нирна, и он, поверив, исполнял его с честью. Протянув руку, ласково коснулась тёплой щеки. Люди смертны. Из этого боя ни Тамарис, чьё сознание я ощущаю частью своего, ни он могут не вернуться живыми. Но они вместе — и знают это. Но я с ними, а они — со мной!

Обойдя Викера, я двинулась в хитросплетения лабиринта. Тризан будет разрушен во время боя, это ясно! Удастся ли мне спасти Ховенталь и живущих в нём людей?

Они выбегали из боковых ответвлений, как чумные крысы — те, чей разум был порабощён страхом и безумием. Когда выбежал первый, Викир бросился было ему навстречу — защитить меня, но я остановила его:

— Тебе, дитя, я дала слово пастыря! Воспользуйся им, а не искусством воина!

— Что мне нужно говорить? — удивился он.

Я промолчала — пусть учится слушать самого себя.

Одержимый, остановленный моей волей, стоял, покачиваясь и не решая броситься. Ар Нирн, подойдя, положил руки ему на плечи и сказал то, чего я не ожидала:

— Живи, брат! Именем Великой Матери!

В глазах несчастного появился проблеск разума. Он заозирался с изумлением, явно не понимая, как попал сюда.

— Возвращайся наверх и предупреди людей, чтобы уходили из Тризана, — приказал ему Викар.

Тот мелко закивал и бросился прочь.

Он добежит, я знаю. Такова моя воля!

* * *

Сердце Викара разрывалось бы от боли оттого, что идущее рядом существо — женщиной язык не поворачивался её назвать! — было так похоже на Тамарис, но, протянув Асси Костерн бездыханное тело, ар Нирн доверился ей. Сделал последний, малюсенький шаг к вере, во всём положившись на волю божию. Идя рядом с Тамарис и иногда выходя вперёд, чтобы встретить и остановить очередного потерявшего рассудок жителя Ховенталя, паладин прислушивался к ощущению сопричастности. Всё вокруг стало тем сущим, что создавало и его самого. Он, потомок рода ар Нирнов, несомненно был частью мира, но в эти мгновения и мир стал его частью, а он сам — частью чего-то огромного, чему затруднялся дать название.

Исцеление одержимых давалось ему всё легче. Он ощущал себя наполненным верой и охотно делился ею с теми, кто слышал его голос. Какая-то часть его сознания следила за всем со стороны, и ар Нирн понимал — разум лукавит, поскольку не в силах принять то, в чём доводится участвовать, оттого и отстраняется от происходящего. А душа, наоборот, ликовала, окрашивая восприятие в ярчайшие оттенки, заставляя узреть невидимое. Паладин видел катакомбы объёмными, будто не существовало камня и глины, из которых он был создан. Видел мятущиеся души, не нашедшие дороги туда, откуда всё начинается. Видел мрачное сияние багрового пламени — глубоко внизу, там, где хоронили первых мертвецов. Туда-то и лежал последний путь. Там, в общей могиле сотен людей, в незапамятные времена погибших от чумы, лежало, будто яйцо в гнезде, чудовищное тело Чернобога. Пока неподвижное, но уже начинавшее пробуждаться.

— Когда он войдёт в полную силу, мне понадобится твоя помощь, Воин Света! — зазвучал низкий голос — Сашаисса смотрела на него своими невозможными глазами цвета бирюзы и мёда.

— Что я должен буду сделать? — волнуясь, спросил ар Нирн.

— Забыть о себе...

И она отвернулась, оставив сожаление об этом взгляде.

Чем ниже они спускались, тем тише становилось. Кости мертвецов здесь давно превратились в прах, прах истончился до пыли и развеялся сквозняками. Пустые ниши в стенах были темны и казались выколотыми глазами. Викар чихнул — обоняния коснулось страшное зловоние, так пахли тела, пролежавшие долгое время, истерзанные вороньём и зверями, иссечённые дождями и ветром. Так пахла Смерть в своём самом неприглядном обликии.

Тамарис вдруг остановилась, повела рукой, заставляя стены светиться. Пол обрывался, будто обрезанный бритвой. Под ногами разверзлась бездна, заполненная гниющей плотью, в которой шевелилось, поглощая её, чудовище, кажущееся куском тьмы.

Машинально принимаясь читать молитву, Викар смотрел во все глаза на овеществлённое зло, и не чувствовал страха, лишь изумление. Как земля носит подобное?

Как терпит?

— Дагон, враг мой, — глядя на него сверху вниз, позвала Сашаисса, — я пришла, дабы изгнать тебя в нижний мир!

Тьма подняла голову. Рубиновыми углями горели в её средоточии глаза, полные жути.

— Са-ша-ис-сссаааа! — прошипела тварь и засмеялась, будто клекотала огромная птица. — Врагиня моя! Ты слишком слаба в этом теле, отчего не сотворила другое?

— Всему своё место и время, — улыбнулась та, хотя взгляд оставался холоден, и круганула сармато.

Шест со свистом рассёк воздух. В красных глазах вспыхнула и с гудением запылала ярость. Взревев, тьма ринулась навверх, роняя из пасти куски недоеденной плоти.

— Жди! — приказала Тамарис и прыгнула с обрыва.

Они сошлись в полёте — свет и тьма. Молнии прошли разлом синими нитями, словно пытались стянуть края, чтобы навсегда скрыть непотребный могильник. Ни одна из них не коснулась паладина, стоящего на самом краю и читающего молитву. Слова шли из самого сердца и казались горячими угольями, падающими на сухую траву. Волны огня расходились от него кругами, усиливая свет, и каждая, коснувшаяся тьмы, вызывала всё более и более яростное её сопротивление. Скорость движений противников была слишком велика. Для ар Нирна они слились в чёрную и белую полосы, сплетённые так туго, что невозможно было понять, где какая. А затем меж них появилась зелёная нить. Как натянутая струна она звенела и росла, и, опасаясь её близости, тьма увеличилась стократ, поглотив катакомбы и всех, кто не успел спастись, заставив Тризан дрогнуть, а его башни и зубцы стены — обрушиться.

«Мой воин, — услышал Викар голос Великой Матери, прозвучавший прямо в сознании, — запомни, что я скажу сейчас, ибо я открою тебе величайшую тайну мироздания! Нет никакой богини и никакого бога! Как я — не женская сущность, так и Дагон — не мужская. Мы — лишь стороны мирового равновесия, приобретшие разные облики, дабы живым существам было легче нас воспринимать. Каждый из нас — един, но у меня есть то, чего нет у Дагона — твоя любовь к Тамарис, а её к тебе. Доверься мне, дитя! Иди ко мне, дабы стать единым целым!»

Викар ар Нирн закрыл глаза и шагнул в бездну.

* * *

На небе вовсю играли зарницы, окрашивая дымящиеся развалины Тризана широкими мазками синего и сиреневого. Цитадель Первосвященника просела, почти полностью провалившись в каверну, образовавшуюся под Ховенталем и навсегда запечатанную обрушившимися уровнями катакомб. Пролившийся с неба дождь яростно шумел, прибывая к земле дымы, размывая сажу. Под чудом уцелевшим каменным сводом стояла на коленях сероглазая женщина, подставив лицо хлещущим холодным струям. На шорох за спиной она обернулась.

Они были, как единое целое, и у обоих глаза наполнились бирюзой и мёдом. Женщина — и её мужчина. Мужчина — и его женщина. Два тела с одной душой и одной верой. Стояли и смотрели на неё.

«Ты плачешь, дитя? — раздался в голове мэтрессы голос, растворявший сердце как

патоку. — Отчего? Ведь с твоей помощью мир спасён, и пёс вернулся в свою конуру?»

Не отвечая, Лидия перевела взгляд на покойное лицо белокурой девочки, лежащей на земле, чьи пальцы она сжимала в своих.

* * *

Я смотрела на Викера, а видела её, Великую Мать. Океанский штиль и грозный рёв волн во время шторма, восход и закат солнца и луны, кипение вулканической лавы и благодатные леса, что вырастали на полях пепла — всё это было в её глазах. А ещё там было... сомнение. Воистину, кто видел сомнение в глазах Бога, тот видел всё в этой жизни. Мне больше нечего терять! А вот у Асси Костерн должен быть шанс!

— Великая Мать, я, твоё дитя, Тамарис Камиди, прошу тебя вернуть этому ребёнку жизнь, что ты отдала мне!

— Великая Мать, я, твой пастырь, Викар ар Нирн, прошу тебя забрать мою жизнь вместе с жизнью Тами, ибо без неё она мне не нужна! — одновременно со мной заговорил Викар.

Мой Воин Света. Моя любовь. Моя половинка.

Сашаисса улыбнулась. Тяжёлые тучи пробило копьё солнечного луча.

«Дети... Глупые и добрые... Великие и смешные... Пусть будет по-вашему!»

Мир померк, изображение смазалось — божество внутри меня заставляло видеть его таким, какой он есть, но оно покидало мой разум, оставляя мне... жизнь. На земле забились в судорогах и закашлялись Асси Костерн, делая вдох. Первый вдох после смерти. Мы с Викаром бросились к ней, упали на колени рядом, вместе с Лидией придержали худенькое тельце.

Асси открыла глаза.

— Тами, — прошептала она, — Тами, какая ты красивая!

— Это — божественный свет, — улыбнулась я, — тот самый, что живёт в каждом из нас!

— И во мне?

— В тебе даже больше, чем в других.

«Тамарис, дитя, у тебя есть выбор!»

Викар тоже слышал ЕЁ. Потому чуть нахмурился, глядя на меня. Моего решения он не знал, но в любом случае готов был следовать ему до конца.

Я нашарила в кармане королевскую лилию и вложила в ладонь девочки. Изумление в глазах мэтрессы Лидии сильно повеселило бы меня в другое время.

— Что это? — заинтересовалась Асси.

— Твой ключ к трону Вирховена. Запомни, это очень важно — кто бы ни спросил тебя о том, откуда цветок, ты должна отвечать, что он твой!

Лидия коснулась моего плеча. На её лице отразилось смятение.

— Сестра!..

— Она дала мне выбор, и я его сделала, — твёрдо сказала я. — Вирховену нужна новая королева, чистая, добрая! А королеве до совершеннолетия нужен советник, полный веры и мудрости. Вы, мэтресса!

— А ты? — спросил ар Нирн.

Спросил, просто желая знать, что будет дальше.

Я прислушалась к себе. В том, что Асси Костерн признают дочерью королевы Сильмарис, более не сомневалась — ведь на то Её воля! Но моя Родина была изувечена лукавой верой, ложью, выдаваемой Файлинном за истину. Монахиня Великой Матери всяко доберётся в отдалённые уголки быстрее королевской власти, которую ещё предстоит доказать. Доберётся, по пути исцеляя раны земли и человеческие души.

Протянула Лидии сармато, однако она покачала головой. Её вера крепка, как и моя — мэтресса уже поняла и приняла выбор — мой и Великой Матери.

— Оставь себе, сестра! Мне он больше не нужен!

Я наклонилась к Асси и поцеловала её в лоб. Маленькие руки обняли меня крепко-крепко. Ещё раз поцеловав её, поднялась и посмотрела на Викера.

— В путь! — просто сказал он.

* * *

Рыжая сидела на корточках у могилы Стама Могильщика, раскладывая полевые цветы в одной ей понятном порядке. Смешно склонила голову на бок, полюбовалась на плоды трудов своих. Поднялась, отряхивая колени. Из-за кустов слышалось нетерпеливое фырканье застоявшихся коней, а из-за развалин стен обители — стук молотков, голоса, смех. Собравшиеся со всей земли Костерн люди и оставшиеся в живых монахини восстанавливали Фаэрверн. Прикрыв глаза от солнца, она посмотрела в ту сторону, и у Викера защемило сердце от нежности и счастья, когда он увидел, как расцветает на её губах улыбка.

— Жизнь — странная штука, любимый, — сказала Тами, — когда думаешь, что она окончена — она только начинается!

— Это ты у меня странная женщина, родная, — засмеялся он, подходя и обнимая её, — задумываешься о таких вещах, о которых от женщин никогда не услышишь!

— А что ты слышал от женщин? — она двинула его локтем под ребро. — Признавайся сейчас же!

— Ох, чего только не слышал! — притворно вздохнул Викир и потянулся к её губам.

Целовались они долго. Кони от фырканья перешли к протестующему ржанию.

— Едем! — наконец, оторвавшись от рыжей, решил ар Нирн.

Наклонившись, Тамарис коснулась цветов на могиле. Будто нежно гладила кого-то по щеке.

* * *

Солнце садилось, заливая золотом горизонт, окрашивая облака в богатые, но нежные цвета. Земля Костерн осталась позади — мы только что миновали дорожный указатель. Маршрут с самого начала казался ясным — на карте моей памяти он был отмечен именами сестёр, погибших в обители в тот несчастливый день. Все они приехали из разных уголков Вирховена, их привели в монастырь различные причины: счастье и несчастье, горе и радость, желание скрыться или зов сердца. Но все они были моими сёстрами по вере и заслуживали того, чтобы мир узнал об их смерти, о преступлениях Файлинна, о том, что я и

Викер видели своими глазами.

Ар Нирн ехал рядом. Хотя мы и не касались друг друга, ощущение крепких объятий любимого не покидало меня. Отныне и навсегда мы были повенчаны случившимся с нами чудом.

Я не оглядывалась назад, туда, где осталась обитель, ведь в моём сердце было заключено всё необходимое. Моя вера, и моя любовь — это мой Фаэрверн.

Фаэрверн навсегда.

Больше книг на сайте - Knigolub.net